

BBSR-2016

BALTIC-BLACK SEA REGION:
HISTORY, ECONOMY, CULTURE, SOCIETY

PROCEEDINGS
OF INTERNATIONAL SCIENTIFIC AND PRACTICAL
CONFERENCE

University of Latvia
Baltic Erlander Institute
Polotsk State University
Poltava National Technical
Yuriy Kondratyuk University

EUROPEAN UNION
EUROPEAN REGIONAL
DEVELOPMENT FUND

BALTIC-BLACK SEA REGION: HISTORY. ECONOMY. CULTURE. SOCIETY

**Proceedings
of International Scientific and Practical
Conference**

Volume 5.
Belarusian and Ukrainian studies

July 4-5, 2016
Riga, Latvia

Riga
Baltic Erlander Institute
2016

**LATVIJAS
UNIVERSITĀTE**
UNIVERSITY OF LATVIA
ANNO 1919

**POLOTSK
STATE
UNIVERSITY**

**POLTAVA NATIONAL
TECHNICAL UNIVERSITY**

Scientific Committee – Editorial Board

Andris	LEJIŅŠ	<i>Dr. habil., Professor</i>
Anita	NERETNIECE	<i>Ph.D., As. Professor</i>
Ēriks	SONDORS	<i>Dr. habil., Professor</i>
Inha	ZIANKOVA	<i>Ph.D., As. Professor</i>
Iryna	KALACHOVA	<i>Dr. habil., Professor</i>
Kęstutis	URBONAS	<i>Dr. habil., Professor</i>
Kristiāns	MEIJERS	<i>Dr. habil., Professor</i>
Mary	FLEYCHUK	<i>Dr. habil., Professor</i>
Olesya	HRYHORYEVA	<i>Ph.D., As. Professor</i>
Tomasz	WIŚNIEWSKI	<i>Dr. habil., Professor</i>
Uladzimir	GANSKI	<i>Ph.D., As. Professor</i>
Vira	CHEVHANOVA	<i>Ph.D., Professor</i>
Vitali	KAZLOUSKI	<i>Dr. habil., Professor</i>

International Scientific and Practical Conference «**Baltic-Black Sea Region: History. Economy. Culture. Society**». Volume 5: Riga, Latvia, July 4-5, 2016. Conference Proceedings. – Riga: SIA «Baltic Erlander Institute», 2016. – 152 p.

LEGAL NOTICE: No part of the material protected by this copyright may be reproduced or utilized in any form or by any means, without the prior written permission of the copyright owners, unless the use is a fair dealing for the purpose of private study, research or review. The authors reserve the right that their material can be used for purely educational and research purposes.

CONTENTS

Ēriks Sondors Preface	6
---------------------------------------	---

ECONOMY

Лиана Птащенко Формирование национальной парадигмы экономической и социальной ответственности в украинском обществе	7
Taisiya Kashtelyan Trade of forest and paper products is the indicator of institutional development of forestry complex of Belarus	13
Uladzimir Ganski Cultural heritage as a socio-economic development factor	18
Светлана Кулакова Проблемы и перспективы внедрения европейской практики тайм-менеджмента на предприятиях Украины	22
Светлана Защирина Региональный рынок труда как социально-экономическая система.....	27
Людмила Свистун Перспективы перехода Украины к экономике устойчивого развития	32
Елена Богданова Теоретические основы исследования рынка образовательных услуг	37
Олеся Григорьева Достойный труд как основа обеспечения социальной составляющей устойчивого развития Украины	43
Ольга Шолох Влияние малого предпринимательства на региональное экономическое развитие	48

Katsiaryna Dziomushkina

Development of market of tourist services in economic system of region..... 54

Алла Дмитренко

Теоретико-методологические основы бухгалтерского учета
совместной деятельности 57

Tetiana Romanova

The structural policy and its role in the economic development of Ukraine
in context of European integration 63

Ксения Чичулина

Понятия и принципы формирования экономической
категории «затраты»: опыт Украины 66

Татьяна Дмитриева

Проблемы и пути повышения конкурентоспособности
национального туристического продукта Беларуси 72

Вера Чевганова, Инна Миняйленко

Зарубежный опыт управления пространственным развитием
европейских стран 75

HISTORY AND CULTURE

Вячеслав Циватый

Турецкая Республика в Балтийско-Черноморском регионе XXI века:
внешнеполитическое, политико-дипломатическое и институциональное
измерение полицентричного мира 82

Татьяна Поликовская

Просветительская деятельность иезуитов на белорусских землях
последней трети XVI – 20-х гг. XIX вв.: аспекты отечественной
историографии 87

Валентина Сушко

Народная архитектура Слобожанщины 92

Наталья Волонцевич

Специфика постановки и тематическое разнообразие
«живых картин» в театрах Беларуси XIX века 97

Оксана Стасевская, Анна Савченко Социокультурная идентичность личности в условиях постсовременности: реалии украинского общества	102
Дмитрий Никишин Различия художественно-образных решений гостиниц в ретроспективном стиле в зависимости от историко-культурной ценности объекта (на примере латвийской усадьбы «Руменес» и белорусского замкового комплекса «Мир»).....	107
Яков Ленсу Восьмиконечная звезда – орнаментальный мотив ряда народов Балтийско-Черноморского региона.....	112
Katsiaryna Andreichyk Studies of local history in the territory of Belarusian provinces of Russian Empire	118
Ольга Уманец Ценностные ориентации и полилог культур в романе М. Зариньша «Фальшивый Фауст»	123
Ксения Дубовская Кинофикация в современном драматическом театре Беларуси	129
Katsiaryna Vauneika Outstanding researcher of antiquities of the Grand duchy of Lithuania Eustachy Tyszkiewicz	134
Наталья Минина, Жанна Курдеко, Андрей Струнченко Опыт социокультурного проекта «Диалог народов и культур» как средства активизации изучения русского языка как иностранного в условиях мультилингвизма	139
Anastasiya Shavialiova The history of everyday life in the system of historical research	142
Rehina Kostka Local / regional integration and cultural heritage	148

PREFACE

Dear Sir or Madam,
Dear conference participants,

The International Scientific and Practical Conference organized by the Baltic Erlander Institute in co-operation with the University of Latvia, Polotsk State University and Poltava National Technical Yuriy Kondratyuk University has now become a proven value. Its international recognition has considerably grown and similarly has the quality of the submitted articles.

I consider fostering stronger Eastern European cooperation as one of the key pillars of my foreign and European policy. The six European States, which span across the area between the two European seas, the Black Sea and the Baltic Sea – Estonia, Latvia, Lithuania, Poland, Belarus and Ukraine – have an enormous potential to enhance their cooperation to the benefit of the entire EU and wider transatlantic community.

This geographical area was a common economic and cultural space for centuries. Unfortunately, for many decades most of these countries were deprived of the opportunity to pursue their individual objectives, as historical events impeded further development of this European area. Majority of these countries have fortunately been reconnected through their accession to the EU. The gap between the so called «New» EU and other Europe is still highly visible and present. In order to overcome this gap and avoid its widening, we need stronger regional cooperation among us, the members of «New» EU, with the inclusion of our natural partnering countries, Belarus and Ukraine.

The articles in the proceedings are aimed at both theory and practice. They present extensive depiction of the history and the contemporary situation in Baltic-Black Sea Region.

Finally, we would like to thank the all supporters of the conference, especially AO «Citadele banka», for the support extended to the conference organization and issuing of the proceedings hereby.

Prof. Dr. habil. oec. Ēriks Sondors
Chairman of the board of
the Baltic Erlander Institute

ECONOMY

Лиана Птащенко **Liana Ptashchenko**
доктор экономических наук, профессор *Dr. habil. in Economics, Professor*
Полтавский национальный технический университет им. Ю.Кондратюка
Полтава, Украина

*Poltava National Technical
Y. Kondratyuk University
Poltava, Ukraine*

ФОРМИРОВАНИЕ НАЦИОНАЛЬНОЙ ПАРАДИГМЫ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ И СОЦИАЛЬНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ В УКРАИНСКОМ ОБЩЕСТВЕ

Общей закономерностью экономики рыночного типа является цикличность ее развития: от подъема к спаду, за ним следует застой в производстве и деловой жизни (депрессия), который сменяется оживлением и подъемом. Кризисы стали периодически повторяться, начиная с 1825 г. Ученные доказывают, что цикличность рыночной экономики обусловлена объективными факторами. Материальной основой цикличности является физическое обновление основного капитала, хотя непосредственным толчком для кризиса могут быть самые разные причины, и прежде всего, денежно-кредитные потрясения. Хотя эти потрясения также являются следствием, а не причиной длительных кризисных явлений в экономике. Ярким подтверждением такой авторской позиции является экономическая ситуация, сложившаяся в Украине, сильное влияние на состояние которой оказывают внутренние риски, связанные, главным образом, с военными действиями на Донбассе, приводящими к необходимости увеличения расходов на финансирование силовых ведомств, возобновление поврежденной инфраструктуры, жилищного сектора прочее. Но есть и другие драйверы (или факторы), которые носят, скорее, латентный характер, а потому – несут больше угроз для украинского общества.

Так, огромными темпами растет долговая зависимость Украины, в то время как объемы промышленного производства сокращаются, и практически отсутствует рост ВВП. В подтверждение этому приведем следующие статистические данные. Общая сумма государственного и гарантированного долга Украины за последние три года выросла в 2,9 раза (с 549,46 млрд. грн в 2013 г. до 1571,77 млрд. грн в 2015 г.), в том числе государственный внешний долг за этот период увеличился в 4 раза и составил 825,9 млрд. грн [1].

Но сам по себе рост государственного долга не вызывает опасения, если работает экономика, развивается ее реальный сектор и есть прирост ВВП. Результаты сравнительного анализа государственного долга и ВВП Украины свидетельствуют, к сожалению, о том, что уровень долговой

безопасности почти вдвое превысил допустимое значение индикатора «госдолг / ВВП», которое не должно превышать 60 %. Ведь размер реального ВВП Украины в 2015 г. составил 1430,29 млрд. грн [2], а соотношение «госдолг / ВВП», соответственно, – 109,89 %.

Следует отметить особую «объективность» украинской статистики. До 2015 г. реальный ВВП приравнивался к ценам 2010 г., а уже по итогам 2015 г. этот показатель стал приравниваться к ценам 2014 г. И, о чудо: вместо заявленного мировым банком падения ВВП Украины в 2015 г. на 10 % (а по данным ЦРУ – на 11 %) по статистическим данным этот показатель возрос почти на 35 %! Очевидно целью такого «подхода» стала необходимость несколько приукрасить реальное состояние национальной экономики Украины. И хотя статистические данные (как правило) не отвечают реальным показателям, но и на их основании очевидным является тот факт, что при корректировке соотношение государственного долга Украины к реальному ВВП составит 109,9 %. Иными словами, госдолг Украины по результатам 2015 г. превышает реальный ВВП на 10 %. Комментарии здесь излишни.

Основной кредитор Украины – МВФ прогнозирует увеличение ВВП Украины в 2016 г. на 2 % при уровне инфляции в 12 %. Хорошо это или плохо для национальной экономики, и какие драйверы способны положительно повлиять на выход из затянувшегося кризиса и на формирование принципиально новой национальной парадигмы экономических отношений в украинском обществе?

Анализ показал, что наиболее критическими для национальной экономики Украины являются следующие драйверы:

- превышение госдолга над реальным ВВП почти на 10 %, прирост задолженности только в 2015 году на 12 % (в 2014 г. этот показатель составил 89 %);

- превышение доли внешних займов в покрытии дефицита в 7 раз;

- снижение ВВП на 11 % (в рейтинге, составленном ЦРУ, Украина по росту ВВП заняла в 2015 г. 222 место из 225 стран – ниже находится только Сектор Газа, Сьерра-Леоне и Йемен) [3].

Данные свидетельствуют о том, что национальная экономика Украины находится в глубоком пике. Есть ли выход из такого затянувшегося кризиса? Может ли в экономике Украины работать механизм свободной конкуренции и можно ли достигнуть сбалансированности между спросом и предложением, между производством и потреблением? Возможен ли экономический рост в ситуации, сложившейся в украинском обществе?

Ведь с основными негативными факторами (или драйверами), которые привели к такому плачевному состоянию экономики Украины, крайне сложно бороться, хотя варианты противостоять им есть.

Приведенные выше факты и аналитика позволили из общих проблем экономики Украины выделить основные, которые кроются в следующем:

- угрозы долговой безопасности;
- отсутствие инвестиций в реальный сектор экономики;
- нестратегическая политика НБУ;
- недобропорядочные действия олигархических формирований;
- слияние большого бизнеса и политики и как результат – лоббирование интересов «кучки» олигархов над национальными интересами, что стало возможным в результате «законных» действий властно-бизнесовых групп;
- стратификация общества и уничтожение среднего класса;
- отсутствие государственной социальной политики.

В национальной экономике каждый субъект, будь то хозяйство, предприятие, регион или государство, включаясь в экономическое пространство, преследует свой интерес. Согласование же интересов направляется объективными экономическими законами: каждый индивид, имея свой собственный интерес, одновременно способствует достижению наибольшего блага для всех.

Национальная экономика стремится к стабильности, эффективности, справедливости через обеспечение:

- стабильного роста национального объема производства;
- высокого и стабильного уровня занятости;
- стабильного уровня цен;
- поддержания равновесного внешнего баланса.

Названные цели достигаются путем применения определенных инструментов макроэкономического регулирования. Но эти инструменты не будут эффективно работать без осознания архитектуры успешной национальной экономики.

Концептуально изложу авторскую идею, реализация которой даст возможность построить экономическую модель национального хозяйства Украины, в которой бы были удовлетворены интересы большинства граждан.

Определим составляющие успешной экономики:

- информация и информатизация;
- интеллектуальный капитал;
- обеспеченность ресурсами.

Все перечисленное в Украине имеется в достаточном количестве. Во многих успешных странах нет и десятой доли такого уровня интеллекта и таких ресурсов, как в Украине. В таком случае, что же мешает национальной экономике Украины выйти из глубокого кризиса, и есть ли выход из «пике»?

Рассмотрим эти три основные составляющие, используя философские понятия и принцип Паретто.

Начнем с информации. Ведь это важный драйвер успеха или поражения, уровня интеллекта или деградации. Все зависит от содержания

информации и адекватности ее восприятия. Здесь работает следующий принцип: чем большей информацией владеет человек, тем более он осознает необходимость получения больших информационных потоков.

Интеллект и его нагромождение в виде капитала. Еще Сократ сказал: «Я знаю, что ничего не знаю, но другие знают и того меньше». Получается, что работает принцип: чем более глубокие знания у человека, тем больше он осознает свое невежество.

Ресурсы. Чем большими ресурсами владеет человек, тем больше потребности в них он испытывает. Доступ к богатству открывает новые возможности, а рост возможностей приводит к безмерным желаниям. Удовлетворить эти желания возможно, изыскав новые источники доступа к богатству и т.д.

В этих трех рассмотренных закономерностях работает принцип Паретто. По сути, принцип Парето отражает неравномерность распределения причин и следствий в природе. Соблюдение принципа 80 / 20 очень часто встречается в самых разных областях. Например, в том, что 20 % людей обладают 80 % капитала, или 80 % пользователей посещают 20 % сайтов, 20 % покупателей или клиентов (постоянных) приносят 80 % прибыли. Но следует учитывать, что в этих утверждениях фундаментальными являются не приведённые числовые значения, а сам факт их существенного различия, разбалансированности.

Проанализируем, как работает принцип Парето в трех, рассмотренных ранее драйверах. Итак, информация адекватно воспринимается 20 % граждан. Они в состоянии, используя информацию, отличать действительность от лжеинформации, адекватно использовать информацию во благо себе и обществу. К сожалению, 80 % граждан могут адекватно воспринять не более 20 % информации. Отсюда – неуверенность, необходимость следовать за лидером (причем, эти лидеры меняются в зависимости от мощности и интенсивности подаваемой информации), неумение использовать информацию с максимальной пользой и прочее.

Интеллектуальный уровень также несбалансированный, а соответственно – и тяга к новым знаниям. Ведь, как показывает практика, 20 % людей считают, что получать знания следует на протяжении всей жизни, живя по правилу: «учиться и открывать для себя что-то новое – это так интересно, не стоит стесняться, что чего-то не знаешь, ведь все знать практически невозможно». В то же время, 80 % людей считают, что они все знают, и, живя по принципу «не учи ученого», превознося себя над остальными, демонстрируют этим полное невежество.

И, конечно же, всем известен тот факт, что 20 % граждан владеют 80 % ресурсов, а остальные 80 % – 20 % (для украинского общества такая разбалансированность составляет 90:10). Следует иметь в виду, что

принцип Парето не означает строгого соотношения 80:20. Разбалансированность может иметь отклонения +/- 5-10 %.

Эти закономерности породили две большие проблемы в Украине, решить которые почти невозможно:

- 1) политизированная олигархия;
- 2) пассивное поведение участников экономических отношений.

Отметим, что под участниками экономических отношений понимаются все граждане – начиная от домохозяйств, частных предпринимателей, среднего бизнеса и заканчивая крупным бизнесом и государством.

Эти проблемы формируют благоприятные условия для деструктивного латентного управления, последствиями которого есть отмывание денег, теневая экономика, коррупция, монополия олигархов, прочее. Я назвала эти две большие проблемы «болезнью общества». Ведь приведенные диспропорции по Паретто являются причинами массовых заболеваний человечества, которые мало исследованы, а потому учеными еще не классифицированы, а, следовательно – диагноз не представлен в шкале медицинских заболеваний.

Интернет-аддикция как новая болезнь – проблема интернет-зависимости очень остро стоит во всем мире. Эта болезнь возникла от неумения пользоваться информационными ресурсами, но в большей степени – вследствие слабого уровня интеллекта.

Другая болезнь – я назвала ее – яма кошелька. Это болезнь, симптомами которой является необузданное желание олигархов нажиться различными, всеми доступными и недоступными средствами. Как правило, это выражается в нагромождении капитала без границ и без общественных принципов и норм.

Возникает вопрос: можно ли побороть эти «раковые опухоли» в организме национальной экономики Украины, которые называются: «пассивное поведение участников экономических отношений из-за невежества» и «политизированная олигархия»? Ответ прост, и об этом многие говорят, но мало кто делает. Известна древняя народная мудрость: все хотят изменить мир, но никто не хочет начать с себя!

Да, мы можем взять за основу положительный опыт стран с успешными экономиками, и начать реформы по их примеру, мы можем принять Закон «Об обосновании прав на собственность» или китайский опыт борьбы с коррупционерами и прочее. Декларировать можно красиво и много. Но ничего не изменится, пока каждый член украинского общества (сверху – донизу) не осознает, что нужно все изменения начать с себя. Только тогда появится желание у тех, у кого есть такая возможность, делать настоящие экономические реформы, которые бы сделали Украину успешной, процветающей страной, а ее граждан – счастливыми и благополучными. Иными словами – необходимо менять национальную

парадигму экономического и социального сосуществования на основе интеллектуализации и морального оздоровления.

В завершение, хочу отметить, что в последнее время многие украинские ученые и декламаторы цитируют стихи и поэмы великого Кобзаря, которые являются актуальными для современности. Но причиной их актуальности является вовсе не тот факт, что Тарас Шевченко был пророком, а что за два столетия в Украине ничего не изменилось.

Вот короткое четверостишие, которое характеризует ситуацию, описанную в этой статье:

*І день іде, і ніч іде.
І, голову схопивши в руки,
Дивуєшся, чому не йде
Апостол правди і науки?*

5 ноября, 1860, С.-Петербург [4].

И если не сформировать новую национальную парадигму экономической и социальной ответственности в украинском обществе, то ничего не изменится. Кто-то из современников опишет сегодняшние события и проблемы, и через 200 лет они будут пророческими, если не начать изменения с себя...

Литература

1. Государственный долг Украины [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://index.minfin.com.ua/index/debtgov/>.
2. Валовой внутренний продукт Украины [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://index.minfin.com.ua/index/gdp/>.
3. Рейтинг стран по темпам роста ВВП [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://nonews.co/directory/lists/countries/gdp-temp>.
4. Тарас Шевченко. Зібрання творів: У 6 т. – К., 2003. – Т. 2: Поезія 1847–1861. – С. 365.

Таисия Каштелян   **Taisiya Kashtelyan**
кандидат экономических наук, доцент   *PhD in Economics, Associate professor*
Белорусский государственный   Belarusian State Technological University
технологический университет   *Minsk, Belarus*
Минск, Беларусь

**TRADE OF FOREST AND PAPER PRODUCTS
IS THE INDICATOR OF INSTITUTIONAL DEVELOPMENT
OF FORESTRY COMPLEX OF BELARUS**

Our country having natural forest resources is traditional producer and supplier of forest products that are in demand on the world market outlets. The history of Belarusian international economic activity development with foreign countries for the last two decades showed that export had mainly extractive character within the framework of Minleshoz and exact strictly to price parameters under concern «Bellesbumprom» and other woodworking enterprises.

Demand for currency assets and lack of power for deep raw material processing are the main reasons for export of lumber log, paper wood, mining forest and some other industrial wood assortment by Ministry of forestry of Belarus and by other forest asset holders. All wood material in prepared form is realized for export by forestry establishments of Ministry of forestry under the agreement of committee by means of unitary enterprise «Bellesexport» – in 2014 the volumes amounted to 170.7 thousand cu. m. or 79.7 % from the total stock implementation of industrial wood countrywide. Foreign customers have the highest demand for coniferous wood (paper wood, other wood products) that was transacted in a volume of 1 257.0 thousand cu.m. with average sale price 34.0 € for 1 cubic metre. Wood products of soft-wooded broadleaved species (paper wood, other wood products, technical raw materials) were transacted in a volume of 910.3 thousand cu.m. with average sale price 30.1 € for 1 cubic metre, of hard-wooded broadleaved species (technical raw materials) – in a volume of 3,4 thousand cu.m. average sale price 34.7 € for 1 cubic metre. Processed forest products for export in the accounting period under direct exchange contracts of forestry establishments were sold in a volume of 42.8 thousand cu.m. (coniferous wood – 42.2 thousand cu.m., soft-wooded – 650 cu.m.), 2 thousand cu.m. of them are unedged forest, 40.8 thousand cu.m. are square edged forest. Under the agreements of the committee by means of unitary enterprise «Bellesexport» it was transacted: processed forest products – 262.5 thousand cu.m. (coniferous wood – 258.3 thousand cu.m., soft-wooded – 4.2 thousand cu.m.), 11,9 thousand cu.m. of them are unedged forest, 250.6 thousand cu.m. are square edged forest), 488.5 thousand cu.m. are chip fuel, 10.6 thousand ton are fuel briquettes and pellets.

The development of forest export of goods deep processing of our country was carrying out at the beginning of this century not bad. Specific weight of

wood and pulp and paper products was 4.3% in total export structure of Belarus in 2000. Specialized structures such as «Bellesbumpromexport» (under concern «Bellesbumprom»), «Belarustorg» and others have arisen in the field of export and import trade. But today we can say that export orientation of woodworking is purely formal. Customs dues, which were established on products with a high degree of «rework», lack of proper energy in the search for buyers both in the domestic and foreign markets, poor response to changes in requests of consumers and unwillingness to raise the technical and technological level and culture of customer service entailed the raise of import and, consequently, serious sufficiently cash outflow from our country abroad (table 1). Negative balance of foreign trade of processing factory makes us think about low competitiveness of existing productions.

Table 1

Foreign-economic activity of organizations, million US dollars

Indicators	Year			
	2011	2012	2013	2014
Export				
Wood processing and production of wood products	294.9	324.5	407.6	456.6
Pulp and paper production. Publishing activity	218.6	253.6	230.2	169.9
Import				
Wood processing and production of wood products	177.1	209.5	187.7	497.1
Pulp and paper production. Publishing activity	303.1	290.2	267.3	217.5
Amount of balance				
Wood processing and production of wood products	117.8	115.0	219.9	– 40.5
Pulp and paper production. Publishing activity	– 84.5	– 36.6	– 37.1	– 47.6

One of the main reasons, that should be considered as a part of the general problem of competitiveness of forest complex, is so-called institutional factor. As E. B. Dorina notes «strong institutes allow to eliminate the most serious anomalies of economic environment, including: multiple discriminate yield in productive, financing and mediatory lines of business; excessive tax burden at the enterprise; the high cost of credit» [1]. The experience of the advanced countries indicates that a government and its institutional system play a key role in the regulation of investment flows for the development of the fields. A government establishes rules of conduct for business entities and forms the investment attractiveness conditions.

The formation of the forest management national model runs in the conditions of intense competition of the other countries-manufacturers and the exporters subject to diverse specific peculiarities inherent in the institutional

sphere of the forest complex. The world prices system plays a key role in elaborating conventional and effective principles of the international trade. The price level and movement [2, p. 86] in the world market of wood products comply in many ways with cyclical development factors of the general economy. However that regularity is not of an obligatory and immutable nature. In recent years the forest markets conjuncture was headed upward and the prices for the relevant goods were rising.

The practice of regulating foreign trade activity in the advanced countries indicates the formation of oligopolistic structures – there are some, not always formalized logistically, but actively operating together on the different national manufacturers' and exporters' markets. The amalgamation of the importers within a state border takes also place. There are limiting conditions of institutional nature for the importers. For example, in Poland a license is required for purchasing agricultural production from abroad.

In the last accounting year 2014 the governmental interference by means of tariff restrictions for goods with high added value didn't any more enable positive export promotion effect to prevail (it is known that there is an exemption from value-added tax). The government established control over wood raw material base by laying down new rules of primary products trade, and specifically by implementing since 2015 the transition of the forestry to the sale of dressed forest. This is a significant leverage to set supply prices on the market of so-called «round forest». However it is worth carrying out special governmental programs for the development of lumber enterprises. Herewith, it is reasonable to ensure their high efficiency at institutional level. CJSC «Gomeldrev» is an example of the lack of due economic grounds and liability in the investment system. The analysis of the activity of the «Bellesbumprom» concern and the woodworking sector as a whole showed that the strategic objectives were set without proper marketing research and accounting cooperation basis (there is a departmental disunity) and having no factors of administration effectiveness increase.

Currently in the Republic of Belarus there are over 1500 organizations (excluding small and micro organizations) operating just in the sector «Woodworking and wood products manufacturing». They include the enterprises of the «Bellesbumprom» concern (it consists of 56 enterprises – one holding, open and closed joint-stock companies, private and joint enterprises. The part in woodworking products manufacturing and in pulp and paper industry of the Republic of Belarus makes up about 40%) and the other enterprises, not being a part of the stated merger. Despite the relatively large number of entities, engaged in forest and paper products manufacturing in the Republic of Belarus, the wood raw materials are used extremely inefficiently. The added value cost per cubic meter (wood raw materials) used for production of final goods is one of the criteria characterizing the efficiency of the resources

use. The total yield of the woodworking products per cubic meter of the forest exported in 2014 made up about 80-90 US dollars which is more than 3-10 times inferior to the level of the countries with the developed woodworking and pulp and paper industry (Finland, Sweden and Austria).

Many countries have to cover their national needs in wood products abroad, spending their currency resources for that. At the same time our country became the importer in the field of economic activities «Woodworking and wood products manufacturing» in virtue of institutional model conservatism, inability to build up and harness innovative development potential comprising innovative management methods. It is not enough «to turn one's eyes» to the European market in order to change the export structure in favor of goods with high degree of added value. It is worth «arming» with understanding the conditions of the local market, studying the level of solvent demand in forest and paper products of our country.

In recent 3-4 years the structure of the industrial investments has considerably changed. The active part of the fixed capital is funded by less than 50% of the total amount. Project execution through loans guaranteed by the Government by means of minor payments to staff from budgetary sources, it has demonstrated the so-called «administrative growth» of investments – without qualitative improvements. At this time it has become evident that the current system of governance should allow to form a multi-level decision-making system, aimed not so much on the implementation of import substitution programs, and the decision of such important issues as improving the structure of forest-export trade. Tools to increase efficiency is seen in the area of institutional economics, generating content of economic relations with «contracts» for deep processing of raw wood, cooperative behavior, protecting national interests through the implementation of forward-looking financial strategies at the enterprises.

The most important indicator of forest complex development is a trade of wood and paper-based products. If the system of the Ministry of Industry could be said about the successful implementation of the import substitution programs, including machinery and equipment for the forest complex [3], but for the forest complex, as a consumer of harvesting equipment, has an effect only in volume terms of logging. It is not possible to notice the lack of rationality due to the fact that import substitution is limited only by governments, their structure, composition and functions of the subordinate staff enterprises (supervised within the ministries and departments, as well as concerns). As a result, we have a situation for example in the area of woodworking industry more than half of the enterprises are outside the system of interdepartmental interaction, which hampers the sectoral institutional construction and realization of the government's strategy. The product profitability was only 3 % according to the statistics for 2014. In 2013-2015 years large enterprises of «Bellesbumprom» association has suffered a decline in production and the lack of increasing efficiency reserves. On the one

hand, the reasons lie in the accumulated technical and technological difficulties and financial problems. On the other hand, there is a necessity for solution, control and regulation of these public issues and processes [4]:

- the production processes of forest products, the production of which cannot take place effectively according to the laws of market competition due to the uncompetitive distribution and the presence of externalities (side effects) of market economy (the needs of the expanded reproduction of forest resources with government intervention);

- functional processes related to compliance with the institutional permissible level of concentration and monopolization of production, the elimination of «institutional failures» related to tax evasion, corruption, violations of the Administration field;

- social processes, connected with the adjustment of the unequal distribution of income (meaning, in accordance with the level of complexity and functionality of individual work), employment problems;

- general economic processes, aimed at stimulating economic growth, regulation of international economic relations based on the primacy of national interests.

As priority measures to improve the export structure should consider the following:

- a revision of the customs duties system relating to the implementation of forest products to promote sales of products with high added value;

- an analysis of the «product» lines, the choice of companies-innovators or flagships in the production of import-substituting products and implementation services, their sustainable development.

References

1. Dorina, E. B. Institutes of State and government as the basis for sustainable development of the national economy of the Republic of Belarus / E. B. Dorina. – Polzunovsky Almanac. – №1. – 2009. – P. 226–231.

2. International economic relations. Forest market. Exports of forest products [Text]: studies for students, specialists. 0704, 0608 / N. L. Nekhaychik, P. B. Margulis. – S. Petersburg: LTA, 1994. – 92 p.

3. Svidersky, G. Less import - more currency / G. Svidersky. – The economy of Belarus. – №3 (12) / 2007. – P. 52–55.

4. Mamaeva, L. N. Institutional Economics: Lectures / L. N. Mamayeva. – M.: Dashkov i K, 2013. – 320 p.

Владимир Ганский **Uladzimir Ganski**
кандидат экономических наук, доцент *PhD in Economics, Associate professor*
Полоцкий государственный университет, Polotsk State University
Полоцк, Беларусь *Polotsk, Belarus*

CULTURAL HERITAGE AS A SOCIO-ECONOMIC DEVELOPMENT FACTOR

Traditionally «heritage» was defined as architecture or archaeology or movable objects. Now «heritage» includes buildings, monuments, landscapes, urban areas, countryside, maritime sites, buried re-mains and objects. «Historic environment» or «places» are now common terms. These trends can be traced in the European Conventions and Charters as well as in thinking about World Heritage which is moving from defining specific categories towards integrated conservation and cultural landscapes. Cultural Heritage, classic and contemporary, contributes to the identity and branding of territory, so relevant in an age of globalization and fierce competition. This identity constitutes the base for sustainable and endogenous development. The pre-requisites constituting the base for sustainable development are that primary responsibility of the public sector in each country is to act as the custodian of Cultural Heritage assets in the respect of cultural specificities of the community and the appropriation of Cultural Heritage by local populations. Cultural Heritage is not seen as an overall priority for national development unless its relationship with social values, economic activities, local development, international exchanges, is made or become clear. It constitutes an essential engine for economic development and the major measurable of economic impacts of heritage conservation are: jobs and household income; center city revitalization; heritage tourism; property values and small business incubation. Central to building a sustainable local economy is import substitution, creating locally what otherwise would be purchased elsewhere. Heritage conservation is locally based, using expertise, labour, and materials from the local market. But import substitution also requires efforts to train local workers.

It is necessary to improve awareness of Cultural Heritage and the ethics of its care in study curricula and to identify tools that can be developed to help communities to better understand and conserve their heritage. Heritage education needs to be developed in schools and through informal education. Students will appropriate of their tangible and intangible Cultural Heritage visiting and using the resources of the site, and understanding the importance of past and contemporary heritage as common elements. Integrate conservation and valorization of Cultural Heritage in the domain of community development, education and tourism as well as encourage its accessibility and knowledge, its conservation and promotion can be helpful in raising awareness among communities on the importance of Cultural Heritage in the identity of a community. Helpful tools can be the realization and dissemination of local tourist

products (kit for students, new thematic magazines, multimedia products related to Cultural Heritage, etc.) , production of publications in the national language (video, CD, books, TV programmes) and animation activities (exhibitions, museums, festivals, fair, music, etc.) concerning Cultural Heritage for local public, organization of educational campaign to safeguard, conservation and promotion, organization of thematic Cultural Heritage days to awaken students and scholars. A common weakness in the Baltic-Black sea region is insufficient availability of capacity building and professional training programs. The issue of continuous training, the encouragement of closer contact between training programs and public/private employers in Cultural Heritage and of the training of trainers is necessary to develop local capacity regard the establishment of appropriate levels of training according to the different stakeholders.

The link between culture and tourism is the most visible aspect of the contribution of culture to local development: 37 % of the global tourism has a cultural motivation. When tourism is identified as part of an overall development strategy, the identification, protection, and enhancement of historic resources is vital for any sustainable effort. Heritage visitors stay longer, visit twice as many places, and so spend 2 1/2 times more than other visitors. Worldwide, wherever heritage tourism has been evaluated this basic tendency is observed: heritage visitors stay longer, spend more per day, and, therefore, have a significantly greater per trip economic impact. In some places cultural heritage tourism is one of the main economic contributors.

The tourism sector is the «industry» that uses Cultural Heritage to the greatest extent as support for its back-bone activities like hotel accommodation, transport and catering. In Europe revenues generated by cultural tourism are most significant: 79 % of the turnover in Europe's Cultural Heritage sector is due to tourism while 16 % is derived from investments in maintenance by private owners, charities, and foundations. The remaining 5 % is received from public and governmental bodies. The impact of heritage driving the tourism industry is obvious in our cities. Due to the exploitation of heritage, many new jobs were generated in the tourism sector and as a result the figures are even more impressive.

According to recent estimates, more than 8 million jobs are directly and indirectly sustained by the Cultural Heritage sector in Europe. When heritage tourism is done right, the biggest beneficiaries are not the visitors but the local residents who experience a renewed appreciation for and pride in their local city and its history. The influence of well-planned and well-managed local tourism programs extends to improving the local economy and enhancing the quality of life for local residence. The benefits may include the potential for profitable domestic industries – hotels, restaurants, transport systems, souvenirs and handicrafts and guide services. In addition, there is a not quantified gain of tourist expenditure due to their abandoned formally registration in macroeconomic scales. Through this, money earned through informal employment such as street

vendors, informal guides, rickshaw drivers, etc. is returned to the local economy, and has a great multiplier effect as it is spent over and over again. The World Travel and Tourism Council (WTTC) estimates that the indirect contribution of tourism equals 100 % of that of direct tourism expenditures.

Enhancing heritage is also a way to contribute to the revitalization of city centres. City revitalization is not only limited to a monument, but to a larger scope of old buildings (abandoned shipyards, industrial plants, old libraries, etc.) that can be renovated and re-used for other purposes previously unforeseen. This in turn has many indirect socio-economic impacts and improves the area's image and reputation, which acts as a magnet to businesses. The need to preserve has to be matched by the need to provide flexibility of reuse. Experience shows that excessively rigid adherence to restoration standards, i.e. where nothing is changed from the original can lead to less than optimal use of the properties. Improved living conditions will promote a stable population and the kinds of productive activities that come with a steady demand for goods and services and aim at facilitating the gradual rehabilitation of existing residential units and promoting the redevelopment of ruined buildings. In some cases essential rehabilitation costs can be met largely by the residents themselves, without having to depend on very limited public resources. In addition institutional and financing programmes can be proposed which can be used to facilitate implementation. Preservation can be the tool to create a future in which a stable residential core is enlivened and sustained by a widespread system of small workshops and retail activities, supported by essential infrastructure and community facilities and made more attractive by well-maintained open spaces and monuments. The heritage sector has a large job potential because it is labour-intensive: «rehabilitation is sixty to seventy percent labour with the balance being materials». Hence «a million dollars spent on new construction generates jobs but 1 million dollars spent on rehabilitating an historic building generates 40 jobs». In addition, jobs related to restoration and conservation are often highly skilled and require rare skills, they are therefore usually well paid.

Investments in Cultural Heritage have to be conceived as part of broader programs in favour of social and economic development. In that regard, the integration of Cultural Heritage in other sectors as a crosscutting theme opens the way for a new generation of investments. Inner cities communities are made up of people who have common values and goals, and are capable of enlisting and directing the support needed to achieve their aims. A complex and extended system of social relationships forms the basis of this network of mutual support and shared responsibility that translates into the social capital needed to realise the community's potential. National and local budgetary resources should be contributing to the financing of integrated development programmes centred around Cultural Heritage assets: Sustainable cultural tourism, Measures in favour of making culture more accessible, Urban rehabilitation of historic cities

and adaptive re-use of buildings, Territorial development around cultural and natural sites, Intangible Cultural Heritage, Arts and crafts and development of micro-enterprises and small and medium enterprises. Investments have also to take place in: institutional reforms and modernization of agencies responsible for Cultural Heritage management, modernization of regulatory environments and legislative tools, education and capacity building, awareness / communication / information / new technologies for information and communication. The returns expected from these investments are sustainable economic growth, employment opportunities, an equitable distribution of benefits among local communities involved in the projects, as well as positive impacts on local cultural identities and cultural diversity. Civil society organizations need to be involved at different scales in the consultation and planning of investments. Local communities should share the benefits so that social development returns may be obtained. The private sector should be involved in the «value-chain» related to the Cultural Heritage investments, contributing to local economic development, and the creation of income-generating activities and employment generation of foreign exchange. The problem lies in the fact that the set of incentives that are necessary for each to act in a particular way is not independent from the others. Thus, the context of the fiscal and regulatory regimes that will govern economic activity and social life in the historic city must be so designed to give each the necessary set of incentives, so that the whole act in concert.

Institutional coordination and community involvement within a gradual process of economic improvement and physical rehabilitation must be viewed as the necessary ingredients for taking on the manifold conservation and revitalization needs. In the long run community involvement is the best means of achieving lasting results.

Светлана Кулакова *Svitlana Kulakova*
кандидат экономических наук, доцент *PhD in Economics, Associate professor*
Полтавский национальный технический университет им. Ю.Кондратюка
Poltava National Technical University Y. Kondratyuk University
Полтава, Украина *Poltava, Ukraine*

ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ ВНЕДРЕНИЯ ЕВРОПЕЙСКОЙ ПРАКТИКИ ТАЙМ-МЕНЕДЖМЕНТА НА ПРЕДПРИЯТИЯХ УКРАИНЫ

Развитие личности работников основано на том, что люди с высоким уровнем личного мастерства достигают более высоких результатов. Развитие же работников предприятия – это и развитие самого предприятия. Поэтому к качествам предприятия, стремящегося к развитию и повышению эффективности своей деятельности, относят способность к изменению мышления его сотрудников.

Известный исследователь П. Друкер в одной из своих работ отмечает, что в новое время одной из важнейших задач научного менеджмента становится проблема управления на уровне отдельного человека, то есть тайм-менеджмент [1].

Ускорение социально-экономических процессов приводит к тому, что у человека появляется возможность выбора из большого количества жизненных стратегий. Он вынужден думать, как минимум, о построении двух стратегий своей карьеры, что связано с возрастающим разрывом между растущей продолжительности периода активной жизни человека и уменьшающимся средним периодом жизненного цикла современных предприятий, что особенно характерно для стран Балтийско-Черноморского региона.

Тайм-менеджмент представляет собой последовательное и целенаправленное использование работником научно-обоснованных методов и практических приемов работы в повседневной деятельности для повышения эффективности выполняемых процедур и операций, достижения намеченных целей.

Исследование проблем времени проводилось в разных направлениях. Это классические исследования восприятия времени (Ю. Забродин, Ф. Иванов, Е. Соколов, П. Фресс), переживания времени (Д. Гарбетте, Р. Кнапп), временной перспективы (Р. Кастенбаум, Д. Нюттен), с учетом нейробиологических, психофизиологических особенностей временной организации человека (А. Бородина, Н. Брагина, Т. Доброхотова, Ю. Забродин, Л. Зайверт, Н. Мусина, Я. Освальд, С. Шервуд), процессуально-динамических, объективных временных характеристик самой психики (Л. Гримак, Д. Элькин, Т. Козина, Д. Узнадзе, П. Фресс), времени развития личности, мотивации, динамики (П. Жане, К. Левин, Х. Томе), изучение конкретного жизненного пути, его специфических

временных, биографических характеристик (Б. Ананьев, П. Балтес, Ш. Бюлер). Проблема дефицита времени в профессиях различного типа, в различных условиях труда и состояниях человека исследовалась многими украинскими учеными (В. Денисов, Д. Завалишина, Н. Завалов, Г. Зараковський, В. Зинченко, В. Пономаренко).

Однако тайм-менеджмент как механизм совершенствования временной организации профессиональной деятельности работников до сих пор остается недостаточной изученным.

Основой развития украинской экономики является промышленное производство, однако сложившаяся сырьевая модель уже давно признана тупиковой. Одним из важнейших факторов, непосредственно влияющих на эффективность промышленного производства, является снижение производительности труда, что увеличивает себестоимость продукции, делает ее неконкурентоспособной на мировом рынке [2]. За время реформ производительность труда на украинских предприятиях снизилась почти в два раза. По результатам исследования компании «McKinsey» в Германии каждый млн долл. ВВП зарабатывают 13 чел., в США – 11 чел., в среднем по G7 11-13 чел. В Украине эта величина составляет примерно 60 чел. [3].

Для сравнения производительности труда в разных странах некоторые исследователи предлагают использовать ВВП в расчете на единицу отработанного времени. Однако такое уточнение не улучшает показатели Украины: из 63 стран, классифицированных по такому принципу, Украина занимает 56 место, производя примерно 5 долларов стоимости за час. 5 долларов за час работы – это примерно столько же, сколько в Китае, но в три раза меньше стоимости, произведенной в час в Польше или в России, и около 5 % от стоимости, произведенной за час работы в Швейцарии [4]. Подобное положение свидетельствует о неконкурентоспособности украинской экономики. Соответственно, задача повышения конкурентоспособности украинских предприятий зависит от производительности труда каждого работника каждого предприятия той или иной отрасли.

Одним из путей повышения эффективности деятельности как сотрудников, так и руководителей, а также предприятий в целом является внедрение инструментов тайм-менеджмента, которые повышают эффективность работы сотрудников и руководителей на 20-50 %. В практике европейских компаний умение планировать, учитывать и анализировать свое время с использованием системы «Тайм Менеджмент» – это такой же квалификационный навык работника, как умение работать на компьютере.

Как считает Л. Зайверт, тайм-менеджмент как новое направление в современном менеджменте возник в ответ на изменения в управленческой ситуации в мире [5]:

– рост масштабов и динамизм изменений в предпринимательстве и бизнесе требуют от менеджеров освоения новых подходов и навыков

управления, борьбы с возможностью собственного отставания, непрерывности саморазвития;

– нарастание неопределенности, давления и напряженности в различных формах жизнедеятельности и связанных с этим стрессов требуют от менеджеров умение управлять собой;

– преобразование творческого потенциала работника в ценный капитал предприятия выдвигает требование сохранения и развития этого потенциала, в том числе и самими работниками;

– исчерпание возможностей многих традиционных школ и методов управления ставит менеджеров перед необходимостью освоения современных управленческих приемов переоценки своего потенциала и работы над его развитием.

Преимущество внедрения инструментов тайм-менеджмента заключается в том, что их внедрение дает быстрый эффект, не требует значительных затрат на внедрение, они просты и понятны любому сотруднику. Кроме того, инструменты тайм-менеджмента совместимы с любыми другими методами менеджмента (бережливое производство, электронный документооборот, «6 сигм» и другими) и значительно повышают их эффективность [6].

Внедрение инструментов Тайм-менеджмента позволяет сотрудникам предприятий [7]:

– улучшить процесс планирования, уменьшить количество проблем (в том числе системных);

– больше времени уделить работе по улучшениям;

– повысить скорость решения проблем и исключить их повторное появление;

– значительно сократить время на поиск документов;

– расставить верные приоритеты в делах;

– повысить эффективность проведения совещаний и использования баз данных;

– повысить удовлетворенность потребителя и конкурентоспособность предприятия.

В определении Л. Зайверта тайм-менеджмент – это последовательное и целенаправленное применение испытанных методов работы в повседневной практике для оптимального, осмысленного использования своего времени.

Основная цель тайм-менеджмента – максимально использовать собственные возможности, сознательно управлять течением своей жизни (самоопределяться) и преодолевать внешние обстоятельства как на работе, так и в личной жизни. На тайм-менеджмент возлагается выполнение определенных функций, в виде которых представлено ежедневное решение разного рода задач и проблем. Функции, как правило, реализуются в определенной последовательности:

- 1 – постановка целей (анализ и формирование личных целей);
- 2 – планирование (разработка планов и альтернативных вариантов своей деятельности);
- 3 – принятие решений (принятие решений относительно будущих делах);
- 4 – реализация и организация (составление распорядка дня и организация личного трудового процесса для осуществления поставленных задач);
- 5 – контроль (самоконтроль и контроль итогов), в случае необходимости – корректировка целей.

При этом на всех фазах процесса тайм-менеджмента важную роль играет информация и коммуникация (поиск и обмен информацией, осуществление коммуникационных связей, необходимо на всех). Для каждого этапа разработаны рабочие приемы и методы его реализации, а также ожидаемый результат в виде выигрыша во времени. Все они составляют технику тайм-менеджмента.

Первый прием тайм-менеджмента – установление приоритетов в выполнении рабочих задач. Предлагается записывать в любом порядке все задачи, которые необходимо выполнить в течение будущей недели (рабочего дня). Внимательно изучив полученный массив, нужно рассортировать задачи на три группы: А, Б, В.

Группа А – сверхсрочные и важные, подлежащих немедленному и безусловному исполнению.

Группа Б – важные задачи, которые нужно выполнить в ближайшее время.

Группа В – менее важные задачи, которые можно временно отложить или поручить другим сотрудникам [8, с.151].

Второй прием предполагает умение распределять рабочее время. В структуре рабочего времени были представлены три компонента:

- 1) Время для выполнения запланированных задач (запланирована активность, занимает 60% всего рабочего времени);
- 2) Резервное время (непредвиденная активность, 20% рабочего времени);
- 3) Время для профессионального совершенствования (творческая активность, 20 % рабочего времени).

Так при пятидневной рабочей неделе, когда работник работает восемь часов в день, бюджет времени на запланированную активность, составляет пять часов, на непредсказуемую и творческую активность он должен выделять около полутора часа в день.

Следующий, третий прием, заключается в умении распределять полномочия. Передача полномочий определяется учеными как процесс, в результате которого люди получают больше пространства или власти в осуществлении своей работы и контроля в данной области, в результате чего их ответственность повышается [9].

Специфическим является четвертый прием, предполагающий поддержание работоспособности в течение рабочего дня: поддержание физического здоровья (следить за собственным весом, не перегружать себя физически, избегать вредных привычек), поддержание психического здоровья и развитие эмоциональной сферы (признавать и выражать переживаемые чувства, устанавливать и поддерживать тесные личные отношения с окружающими; учиться на собственных ошибках), преодоление жизненных трудностей (управление собственными стрессами, умение расслабляться) [10].

Последний прием тайм-менеджмента – это подведение итогов конкретного рабочего дня. Для этого рекомендуют применять «метод пяти пальцев»: М (мизинец) – мыслительный процесс: какие знания, опыт я сегодня получил? Б (безымянный палец) – близость цели: что я сегодня сделал и чего достиг? С (средний палец) – настроение: каким сегодня было моё преобладающее настроение? В (указательный палец) – услуга, помощь: чем я сегодня помог другим людям? Б (большой палец) – бодрость, физическая форма: каким было мое самочувствие?

Проведенное в рамках данной статьи исследование позволяет сделать вывод, что внедрение технологии тайм-менеджмента на украинских предприятиях будет способствовать решению следующих задач.

1. Знание и навыки тайм-менеджмента необходимы претендентам в процессе трудоустройства на предприятия и на других этапах развития карьеры. При этом учебным заведениям необходимо обеспечить повышение профессиональной компетенции персонала, а также его стремление к саморазвитию и самосовершенствованию.

2. Службы управления персоналом предприятий должны уделять больше внимания развитию навыков самоуправления сотрудников в процессе управления карьерой.

Литература

1. Друкер, Питер, Ф. Задачи менеджмента в XXI веке.: Пер. с англ.: – М.: Издательский дом «Вильямс», 2004.
2. Липатникова В.С., Александрова Е.А. Особенности стратегий инновационного развития предприятия // В кн.: Стратегическое планирование развития промышленности: теория и инструментарий. СПб.: Изд-во СПбГПУ, 2013. – № 3.5. – С. 203-234.
3. http://www.mckinsey.com/insights/corporate_finance.
4. Рабочая сила в Украине: плохой КПД при качественного образования, или почему необходимы комплексные реформы [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://voxukraine.org/2015/09/10>.
5. Зайверт Л. Ваше время – в Ваших руках (Советы руководителям, как эффективно использовать рабочее время): Пер. с нем. – М.: Экономика, 1991.
6. Доп П. 25 лучших способов и приемов тайм-менеджмента. Как делать больше, не теряя головы [Текст] / Памела Дод, Даг Сандхайм. – М.: Диля, 2012.
7. Дункан К. Ваш личный тайм-менеджмент [Текст] / К. Дункан. – Мн.: Попурри, 2012. – 224 с.

8. Энкельман Н. Б. Преуспевать с радостью / Н. Б. Энкельман. – М.: СП «Интерэксперт», Экономика, 1993. – 268 с.
9. Армстронг М. Основы менеджмента. Как стать лучшим руководителем / М. Армстронг. – Ростов н / Д: Феникс, 1998. – 512 с.
10. Вудкок М., Фрэнсис Д. Раскрепощенный менеджер. Для руководителя – практика: пер. с англ. / М. Вудкок, Д. Фрэнсис. – М.: Дело, 1991. – 320с.

Светлана Защиринская Sviatlana Zashchyrynskaya
магистр экономических наук Master of Business Administration
Полоцкий государственный университет, Polotsk State University
Полоцк, Беларусь Polotsk, Belarus

РЕГИОНАЛЬНЫЙ РЫНОК ТРУДА КАК СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКАЯ СИСТЕМА

Эффективное развитие региональной экономики зависит от успешного функционирования системы региональных рынков. Они обеспечивают материальные, финансовые, информационные и миграционные потоки, посредством которых осуществляется их взаимодействие. Особое место в системе региональных рынков принадлежит рынку труда. Региональный рынок труда функционирует под воздействием социально-демографических, экономических, экологических, природно-климатических факторов. Экономический рост в регионе напрямую зависит от качества и количества трудовых ресурсов, являющихся основным фактором производства, и эффективности их использования. В то же время спрос на рабочую силу и структура занятости населения определяются экономическим развитием региона.

В отличие от других рынков рынок труда имеет социальную направленность, что обуславливает его значимость для региона. С одной стороны, доходы от трудовой деятельности являются основой благосостояния большей части населения, с другой – неполная занятость ведет к негативным последствиям, выражающимся в росте социальной напряженности, ухудшении социально-экономических показателей региона.

Региональный рынок труда является одной из социально-экономических подсистем региона. В связи с этим комплексное изучение проблем рынка труда на региональном уровне, исследование его перспектив и направлений развития являются важными не только в теоретическом, но и в практическом аспекте.

Развитие рыночных отношений в сфере труда, повышение роли органов государственной власти субъектов в решении социально-

экономических задач региона требуют применения системного подхода к совершенствованию системы регулирования регионального рынка труда.

Проблемы комплексного развития экономики региона раскрываются в исследованиях Э.Б. Алаева, Н.Н. Баранского, А.Т. Гранберга, В.В. Кистанова, Н.Н. Колосовского, К.Н. Некрасова и др. Вопросами региональных рынков и разработкой подходов к их классификации занимались зарубежные экономисты – Дж. Блэир, К. Бэйн, М. Темпл, П. Хоуэллс и др. Большой вклад в изучение системы региональных рынков внесли отечественные ученые, такие как В.Л. Ключня, Е.В. Ванкевич, И.В. Зенькова, М.П. Пилуй и др.

Региональный рынок труда – это рынок труда отдельного региона. Регионом может считаться социально-экономическая система со своими органами власти и управления. Локальный рынок труда – это рынок труда отдельной отрасли экономики или отдельного хозяйственного комплекса. Он является частью регионального и национального рынков труда.

Следующее определение региональному рынку труда дают Н.Н. Михеева и С.И. Леонов: «Региональные рынки труда – это локализованные сегменты общенационального рынка, для них также характерно взаимодействие спроса и предложения, в результате чего формируются равновесные цены – заработная плата, определенный уровень безработицы. Межрегиональные различия на рынках труда носят долговременный характер». К тому же авторы уточняют, что «региональный рынок труда – это территориально обособленная часть общенационального рынка труда». В связи с этим можно сделать вывод, что «региональный» предполагает четко определенные географические границы.

В основе функционирования рынка труда лежат те же принципы, что и в основе действия механизма рынка потребительских товаров и услуг, однако функционирование рынка труда имеет свои особенности. Они связаны с характером воспроизводства и особенностями товара – рабочей силы.

Являясь одной из социально-экономических подсистем региона, рынок труда влияет на другие подсистемы, их состояние и развитие, и сам испытывает влияние с их стороны. Рынок труда как социально-экономическая подсистема региона взаимодействует с другими его составляющими: потребительским и финансовым рынками, рынками средств производства, недвижимости, информации, образовательных услуг.

Кроме того, региональный рынок труда взаимодействует с такими подсистемами региона, как: производственная, природно-ресурсная, институциональная и социально-культурная. В производственной подсистеме региона осуществляется трудовая деятельность людей, поэтому наличие регионального рынка труда обуславливает существование данной подсистемы и наоборот.

Природно-ресурсная подсистема основана на использовании различных видов ресурсов, кроме финансовых, трудовых и информационных, и представлена добывающими и перерабатывающими сырьем предприятиями. В связи с чем требуются трудовые ресурсы для функционирования данной подсистемы. В свою очередь развитие природно-ресурсной подсистемы обеспечивает дополнительную занятость населения.

Институциональная подсистема также предполагает привлечение трудовых ресурсов, т.к. любая деятельность осуществляется людьми, поэтому рынок труда обеспечивает кадрами различные, региональные институты: законодательные и исполнительные органы власти, органы государственного и муниципального управления. Данные региональные институты регулируют отношения в социально-трудовой сфере, проводят государственную политику и осуществляют управление в области труда.

В социально-культурной подсистеме региона реализуются культурно-оздоровительная и туристская деятельности, которые предполагают создание среды отдыха и восстановления здоровья населения региона, среды сохранения национальных традиций и обычаев. Она испытывает потребности в трудовых ресурсах для организации и поддержания соответствующей инфраструктуры. В то же время люди не могут осуществлять трудовую деятельность непрерывно, им требуется отдых и релаксация.

В современных условиях глобализации экономики большое значение приобретают межрегиональные отношения. Региональные рынки характеризуются высокой степенью открытости. Взаимодействие между регионами происходит с помощью входных и выходных каналов, через которые идут финансовые, материальные, информационные и миграционные потоки. При перемещении трудовых ресурсов из региона в регион одновременно осуществляются и другие виды потоков. От численности населения в регионе зависит объем бюджетного финансирования, потенциальная и фактическая емкость потребительского, финансового рынков, рынков информации и образовательных услуг, развитость инфраструктуры региона.

Таким образом, взаимосвязь рынка труда как социально-экономической подсистемы региона с другими его подсистемами неразрывна, т.к. он является «поставщиком» трудовых ресурсов для всех подсистем региона и обеспечивает их функционирование. Люди реализуют свои возможности, удовлетворяют потребности, осуществляют профессиональную деятельность в различных подсистемах региона, т.е. они являются основой организации и существования всех составляющих региона как социально-экономической системы.

Рынок труда представляет собой подсистему региональной экономики, которая тесно взаимодействует с другими ее составляющими, образуя систему региона.

Однако все же определяющим положением остается внутренняя организация регионального рынка труда. От его состояния, как мы уже отметили, зависит функционирование всех других подсистем региона. В связи с этим необходимо изучить институциональную структуру регионального рынка труда с точки зрения их функциональных характеристик, проанализировать особенности и выявить проблемы регионального рынка труда.

Разные регионы имеют различные внутренние (специфические) социально-экономические и воспроизводственные (демографические, отраслевые и т.п.) особенности и потенциалы, соответственно, на них по-разному воздействуют внешние (общие) факторы: спад, структурные изменения и др. К числу специфических факторов, характеризующих особенности регионального рынка труда, относятся:

- уровень социально-экономического развития региона на момент формирования рынка труда; от него во многом зависят уровни доходов и жизни населения, его социальная защищенность, возможности образовательного и квалификационного потенциала;

- демографические особенности региона, состав и структура населения, половозрастная структура, доля городского, сельского населения, количественное соотношение различных социально-демографических групп; размеры миграционного движения и другие;

- структура общественного производства в регионе: соотношение между производственной и непроизводственной сферами, между отраслями экономики, доля государственных предприятий, глубина общественного разделения и кооперации труда и др.;

- технико и организационно-экономические характеристики региональной экономики, обуславливающие развитость гибких форм организации производства, занятости рынка труда (его флексибилизации), применение различных нестандартных форм занятости;

- политические: государственное устройство страны, определяющее специфику отношений по воспроизводству рабочей силы (ее подготовки, распределению, перераспределению) и занятости между регионами;

- социокультурные и национально-этнические факторы, влияющие на демографические и иные региональные характеристики и выбор приемлемых форм занятости (в частности, культура труда, традиции и обычаи, сложившиеся в данном регионе; отношение к рыночным реформам, готовность к всевозможным преобразованиям и т.д.).

В результате воздействия вышеназванных факторов с самого начала перехода к рынку стала проявляться дифференциация региональных рынков труда и характерные для каждого из них специфические способы регулирования, вытекающие из особенностей отдельного региона.

Выявлены характерные черты регионального рынка труда:

1) отсутствием механизма саморегулирования;
2) тенденцией к стихийному воспроизводству кризисного состояния, т.е. стагнации и застоя;

3) низкой восприимчивостью к внешним воздействиям и мерам, направленным на вывод регионального рынка из кризисного состояния.

Эти черты находят проявление в медленной ротации безработных, увеличении продолжительности безработицы, ограниченном предложении рабочих мест. В этих условиях особое значение приобретает региональное регулирование, которое должно способствовать:

– распределению и размещению трудовых ресурсов путем децентрализованного и централизованного регулирования (через систему индикативного планирования);

– осуществлению политики макроэкономической стабилизации в регионе;

– осуществлению распределения и перераспределения региональных доходов путем введения местных налогов и др.;

– влиянию на правовые основы, учитывающие особенности функционирования регионального рынка труда;

– осуществлению развития муниципального сектора экономики (расширяя или сужая его границы);

– развитию региональной рыночной инфраструктуры и институциональной рыночной среды.

Региональное регулирование проявляется в различных комбинациях объемов, соотношений мер и методов регулирования. Они вытекают из прежнего состояния региональной экономической системы, а также из социально-демографической структуры населения, профессионально-квалификационной структуры рабочей силы, национального состава, традиционных видов занятости, распространенных на данной территории.

Разработка стратегии, форм, методов регионального регулирования рынка труда – важная научная задача. Решение этой задачи позволит достичь следующих целей: уйти от шаблонных подходов в регулировании рынка труда (спрос и предложение рабочей силы всегда конкретны в отдельном регионе); выявить муниципальные приоритеты; повысить эффективность целевого бюджетного финансирования; эффективнее воздействовать на сферы рынка труда, порождающие наибольшую социальную напряженность.

Таким образом, региональное регулирование решает задачу сосредоточения ресурсов, принадлежащих различным собственникам, на наиболее значительных для населения региона направлениях. При этом оно может осуществляться по той или иной модели. Выделим три из них: Первая модель предполагает создание рабочих мест с низкой производительностью для значительной части трудоспособных граждан, которые имеют соответственно и низкие доходы. Формально безработица

уменьшается, но появляется обширный класс «новых бедных» – работающей бедноты. Вторая модель ориентирована на обеспечение занятости практически для всей рабочей силы путем создания рабочих мест в государственном секторе со средними удовлетворительными условиями труда и оплаты. Недостаток модели – расчет только на государственные финансовые средства, ограничение которых неминуемо ведет к сокращению рабочих мест. Третья модель способствует созданию благоприятных условий для развития предпринимательской инициативы и малого предпринимательства и характеризуется созданием новых рабочих мест, прежде всего в негосударственном секторе. Выбор стратегии регулирования зависит от финансовых и административных возможностей региона. На уровне региона имеется больше возможностей для оптимизации процессов централизованного государственного регулирования и децентрализованного частнопредпринимательского саморегулирования. Изменение соотношения госрегулирования и саморегулирования и его характера по мере решения конкретных задач приводит к стабилизации и преобразованию рынка труда.

Людмила Свистун Lyudmila Svistun
кандидат экономических наук, доцент *PhD in Economics, Associate professor*
Полтавский национальный технический университет им. Ю.Кондратюка
Poltava National Technical U. Kondratyuk University
Полтава, Украина *Poltava, Ukraine*

ПЕРСПЕКТИВЫ ПЕРЕХОДА УКРАИНЫ К ЭКОНОМИКЕ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ

В современных условиях возникла необходимость определения фундаментальных основ стратегии дальнейшего развития Украины в контексте обеспечения стабильности и должного уровня жизни населения. Сегодня в Украине практикуется принятие решений экономического развития, социальной сферы, технологических инноваций и состояния окружающей среды без должной системности и стратегического планирования. Современный глобальный экологический кризис и разрушение природной среды является последствием экологического несовершенства экономической системы и тех средств производства, на которые она опирается. Основными проблемами, угрожающими

безопасности национальной экономики, и требующими трансформации государственной политики на качественно новом уровне, являются:

- ориентированная на сырье структура хозяйства, основу которой составляет экстенсивное использование природно-ресурсной базы экономики;
- преимущественная ориентация экспортно-направленных производств на сырье- и энергоемкие отрасли экономики;
- низкая конкурентоспособность национальной экономики;
- интенсивная эксплуатация и неэффективное использование природных ресурсов;
- устарелость, чрезмерная энерго- и материалоемкость производственных технологий, недостаточный уровень вторичной переработки отходов;
- неэффективность организационно-экономического механизма природопользования и природоохранной деятельности;
- высокий уровень антропогенной нагрузки на экосистемы, уменьшение биоразнообразия, загрязнение всех компонентов окружающей среды, снижение производительности и устойчивости биотических систем;
- неудовлетворительное материальное положение и ухудшение качества жизни населения, рост социальной напряженности;
- ухудшение состояния здоровья населения (превышение смертности над рождаемостью, самая низкая в Европе средняя продолжительность жизни, сверхвысокая смертность среди мужчин);
- демографический кризис, в частности высокий уровень преждевременной смертности населения трудоспособного возраста и др.

Сейчас комплексное решение этих проблем возможно на основе концепции устойчивого развития, которая определяет мировоззренческую позицию человека и общества по сути отношений по поводу использования имеющихся природных, экологических, экономических и других ресурсов. Исследованию этой проблемы уделяет внимание ряд известных украинских ученых, в том числе: Мельник Л.Г., Хвесик М.А., Быстряков И.К., Мовчан Я.И., Левковская Л.В., Устинова И.И. и др.

В соответствии с решениями саммита Организации Объединенных Наций по устойчивому развитию «Рио + 20», который состоялся 20-22 июня 2012 г. в Рио-де-Жанейро, адекватным современному состоянию и перспективам развития мировой цивилизации определен развернутый концепт устойчивого развития по трем основным направлениям: экологическому, который определяет условия и пределы восстановления экологических систем в результате их эксплуатации; экономическому, предусматривающему формирование экономической системы, гармонизированной с экологическим фактором развития; социальному, который утверждает право человека на высокий жизненный уровень в условиях экологической безопасности и благополучия [1].

Цель устойчивого развития состоит в том, чтобы удовлетворить потребности современного общества, не ставя под угрозу возможность будущих поколений удовлетворять свои потребности, т.е. обеспечить условно бесконечное существование человеческой цивилизации и ее прогрессивное развитие. Иными словами – с одной стороны это физическое выживание человека биологического, а с другой – духовное развитие человека социального. Для этого нужно обеспечить достижение целей второго уровня – сохранение условий (в первую очередь параметров биосферы), при которых может существовать природа и активно действовать человек. Как сказано в программе развития ООН, «нужно научиться сопоставлять потребности с возможностями природы, личные интересы – с национальными и общечеловеческими; нужно научиться преодолевать эгоизм богатых групп в пользу социальной справедливости» [1].

Парадигма устойчивого развития содержит требования относительно защиты окружающей среды, социальной справедливости, борьбы с дискриминацией. К сожалению, в Украине этот термин часто употребляют для обозначения только постоянного роста экономических показателей страны, регионов, городов, сел, а также отдельных сфер экономики. На самом же деле он включает эффективное производство на основе современных высоких ресурсосберегающих технологий согласно реальных людских потребностей, утверждение правовых и демократических основ, модернизацию потребностей и потребления, развитие творческого потенциала человека, сохранение разнообразия и взаимного сосуществования социальных и культурных систем, обеспечение способности к воспроизводству природной экосистемы, неконфликтную интеграцию экономической, социальной и экологической систем [2].

Задача перехода человечества к устойчивому развитию в первую очередь означает необходимость перехода к новому типу экономики. Ведь большинство современных проблем: экологических, социальных и экономических именно экономикой и обусловлены.

Учитывая представленные на саммите в Рио-де-Жанейро инновационные тенденции становления устойчивого развития, стратегической основой организационно-экономического механизма устойчивого развития может стать целостный подход к оценке природных и других ресурсов и проектный подход к природопользованию в целом. К этому должны привлекаться системные принципы как «синей», так и «зеленой» экономики, направленные, с одной стороны, на согласование производственных технологий с окружающей средой, гармоничное построение производственных элементов в природные системы, с другой – на государственное влияние на организацию и развитие производств, охрану и восстановление элементов окружающей среды. Другой важной стратегической проблемой является обеспечение готовности

технологического уклада производства к внедрению новейших экологически и социально ориентированных механизмов хозяйствования с соответствующими инновационными преобразованиями.

При этом структурная перестройка экономики должна осуществляться путем перехода от индустриально-аграрной модели экстенсивного типа к конкурентоспособной, инновационной рыночной экономике интенсивного типа (ориентированной как на внешний, так и внутренний рынок), где учитывается полная экономическая стоимость использованных ресурсов и предполагается их восстановление. Социальная составляющая наряду с экологической и экономической также является главным компонентом устойчивого развития. Наличие этих трех равнодействующих элементов предопределяет потребность в обеспечении взаимосвязи между ними для решения текущих и стратегических задач общественного развития и урегулирования соответствующих процессов.

Данному курсу соответствует идеология «зеленой» экономики. Экономический механизм экологизации экономики проявляется как система инструментов, которые управляют экономическим поведением субъектов хозяйствования, направляя их на осуществление ресурсосберегающих мероприятий, и как результат – на достижение эколого-экономической сбалансированности функционирования общественного производства, качественного состояния окружающей среды.

Основными качествами устойчивой или «зеленой» экономики являются: ресурсовосстановление, дематериализация (кардинальное снижение материало- и энергоемности), трансформационность, инновационность, натурализация, социальная и информационная ориентация, гуманизация, синергетизация, децентрализация и самоорганизация. Ключевыми направлениями устойчивого развития являются: трансформация материально-энергетической составляющей, усовершенствование информационного алгоритма формирования экономических систем и повышение уровня их самоорганизации.

А одним из компонентов достижения устойчивой экономики есть формирование устойчивого спроса на товары и услуги, и в первую очередь на те, которые создают условия для развития личности человека (образование и здравоохранение, культура и искусство, туризм, научная деятельность и т.п.). Их доля в структуре спроса должна постоянно возрастать. Это значительно снизит экологическую нагрузку на природную среду. При этом можно выделить основные стадии экологической трансформации производства: развитие экологичного оборудования, усовершенствование технологий, повышение эффективности составляющих жизненного цикла товаров и услуг, производство товаров, обслуживающих экологосберегающий стиль жизни. К частным задачам трансформации народнохозяйственного комплекса можно отнести реструктуризацию

экономики и ее отраслей, перепрофилирование предприятий, снижение (а в дальнейшем – и устранение) потребности в неблагоприятных для целей устойчивого развития видах продукции или услуг, замена неэкологичных технопроцессов, снижение ресурсоемкости продукции.

Международный опыт для перехода к «зеленой» экономике предлагает такой набор механизмов и инструментов [3]:

- увеличение государственных инвестиций в соответствующую инфраструктуру и природный капитал для его поддержания и восстановления;
- реформирование систем экологического налогообложения – переориентация с налогов на рабочую силу на налоги на загрязнение;
- ценообразование, которое соответствует принципам устойчивого развития (включая отказ от неэффективных субсидий);
- оценку природных ресурсов в денежном выражении и стимулирование капиталовложений в экологизацию национальных хозяйств;
- введение такой системы государственных закупок, которая поощряет производство экологической продукции и использование экологически непротиворечивых методов;
- целевая государственная поддержка научных разработок, связанных с созданием экологически чистых технологий.

В целом же главными предпосылками реализации политики устойчивого развития являются: распространение в массовом сознании глубокого понимания взаимосвязи между человеком, человечеством и природой; определение направлений изменения сущности человека как личности, трансформация его из объекта в субъект глобального развития, существенное уменьшение потребления ресурсов, поиск источников финансирования экономических, экологических, социальных политических и других преобразований; формирование нормативно-правовой и институциональной основы устойчивого развития; развертывание массовой социальной мобилизации в пользу программ устойчивого развития; обеспечение скоординированного в общемировых масштабах научного исследования проблем и сопровождения практических действий относительно реализации концепции устойчивого развития.

Для успешного развития «зеленой» экономики Украины необходимо изменение государственных подходов к системе оценивания экономического развития, анализа и распространения информации о взаимодействии экономической системы и окружающей среды. Субъектом регулирования при внедрении концепции устойчивого развития должно быть социальное государство как инструмент реализации интересов общества. Общая задача деятельности органов государственной власти при этом заключается в формировании среды жизнедеятельности граждан. Последнее характеризуется определенным территориальным размещением и социальными группами, объединенными в организации.

Для непосредственной реализации регулирующей роли государства в обеспечении устойчивого развития в социальном и других его аспектах необходима разработка соответствующей национальной стратегии действий.

Литература

1. Report of the United Nations Conference on Sustainable Development Rio+20 A/CONF.216/16 // [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://rio20.un.org/sites/rio20.un.org/files/a-conf.216-1-1.pdf>.
2. Мельник Л.Г. Триалектические основы управления развитием экономических систем: монография / Л.Г. Мельник. – Сумы: Университетская книга, 2015. – 447с.
3. Перелет Р.А. «Зелёная» экономика в ЕС: политика и практика [Электронный ресурс] / Р.А. Перелет.– Режим доступа: www.wescoor-project.org.
4. Сталій розвиток: світоглядна ідеологія майбутнього: [монографія] / [Хвесик М.А., Бистряков І.К., Левковська Л.В., Пилипів В.В.]; за ред. акад. НААН України М.А.Хвесика. – К.: ДУ «Інститут економіки природокористування та сталого розвитку Національної академії наук України», 2012. – 465 с.

Елена Богданова **Alena Bahdanava**
магістр економічних наук *Master of Business Administration*
Полоцкий государственный университет, Polotsk State University
Полоцк, Беларусь *Polotsk, Belarus*

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ РЫНКА ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ УСЛУГ

Образование является частью общественного воспроизводства. В системе образования человек действует длительный период своей жизни.

Для оказания услуг образования используется значительная часть основных и оборотных фондов, кадрового потенциала. Молодые люди старше 16 лет пятую-шестую часть трудоспособного возраста оторваны от труда по производству материальных благ и услуг.

В такой ситуации их можно было бы исключить из воспроизводственного процесса. Не думаем, что это правильно. Потому что накопление физических, умственных и творческих способностей – это обычный процесс воспроизводства человека. Как он воспроизводит затраченные в ходе труда силы (ест, спит, отдыхает, обогащает себя знаниями, повышает культуру), так он воспроизводит опыт поколений в ходе обучения. Разница только в том, что учеба ведется концентрированно и непрерывно. Если бы ее не было, то работников надо было бы дообучать либо ежедневно, либо периодически – после каждого изменения в

производстве или в сфере услуг. А эти изменения могут быть частыми – через каждые 20 месяцев из-за морального старения орудий производства.

Итак, сфера образования не обособленная единица, а часть общественного воспроизводства, более того – непосредственного производства. Отнесение ее к потреблению приводит к недооценке образования и остаточному финансированию.

Из непосредственного производства образование входит в фазу обмена. В ней осуществляется спрос и предложение рабочей силы. Спрос тем выше, чем выше уровень общей, профессиональной и творческой подготовки. В сфере распределения уровень квалификации учитывается в заработной плате, премиях, гонорарах и др. Система образования получает средства из фазы распределения. Это отражается в показателях потребления. Следовательно, образование входит во все части воспроизводственного цикла и его можно сопоставлять с показателями производства, национального богатства, национального дохода и другими экономическими показателями. Расходы на общеобразовательную и профессиональную подготовку человека оцениваются выше, чем стоит производство, домашнее имущество, т.е. у общества нет ничего дороже, чем «цена человека». Соответственно оно должно относиться к образованию как сфере человеческой деятельности. Это и есть главная из задач, которая определяет предмет экономики страны в целом и экономики образования в частности [1, с. 200].

Сфера образования, с одной стороны, интегрирует различные по форме компоненты учебной деятельности в единую подсистему общества, с другой – выступает полем взаимодействия учебного процесса, учебной деятельности с другими видами и формами жизнедеятельности субъекта по поводу функции образования. Тем самым сфера образования способна охватывать «образовательное влияние», которое осуществляют собственно учебные заведения, и действие в этом направлении других социальных институтов.

Таким образом, когда мы рассматриваем сферу образования, предметом нашего анализа оказываются не только процессы обучения и даже не только процесс социокультурного развития человека, но и все, что непосредственно или опосредованно воздействует на эти процессы и сопутствует им. Это естественно, поскольку человек как субъект действует под влиянием всех своих жизненных условий, в каждый вид деятельности он включается частично. Но эта часть его проявившейся сущности неотрывно связана с другими, зависит от них.

Сфера образования не может выйти на нормальный уровень функционирования, если не будет поддержки других сфер и общественных процессов, в своем единстве наполняющих жизнь человека до пределов социально приемлемого бытия. Ущербность в одном отношении, в одной

стороне жизнедеятельности (к примеру, в семейной) непременно отразится на результатах его учебной деятельности.

Социально-демографические, семейно-бытовые, производственные, экономические, политические – по существу все другие общественные процессы пронизывают сферу образования. Особенно тесная связь у сферы образования с другими сферами культуры: наукой, искусством, массовой коммуникацией. В наиболее широком контексте сфера образования охватывает всю жизнедеятельность включенных в учебную деятельность людей, социальных групп, и прежде всего обучающихся и учащихся. В данном контексте ее вполне можно представить и как сферу жизнедеятельности этих социальных групп. Она принимает на себя функции не только организации собственно учебы, но и других жизненно важных для ее субъектов форм деятельности: труд, общение, управление и др.

Естественно, что в сфере образования ведущими занятиями являются учеба (учебная деятельность учащихся) и обучение (обучающие действия учителей), а основные ситуации сферы образования – это те, что складываются в учебном процессе, в ходе действия учебных технологий. Конечно, учебными ситуациями и занятиями не исчерпывается содержание сферы образования.

Институциональные и неинституциональные формы организации учебной деятельности, как и технологии учебного процесса, служат лишь удачной или неудачной надстройкой учебного процесса над учебными ситуациями и занятиями. Весьма показательно то, что термин «занятие» получил наибольшее распространение в педагогической литературе и чаще используется в исследовании социокультурных процессов. Суть дела не только в том, что «учение» не в полной мере подходит под категорию «труд». Видимо, это вызвано более субъективным, личностным содержанием, которое охватывается понятием «занятие». Труд выражает прежде всего общественную форму деятельности, ее внешнюю предметную и социальную целесообразность, в то время как занятие весьма характерно указывает на ее социокультурное содержание, на развитие субъекта [2, с. 200].

Многие исследователи сходятся на том, что основным направлением деятельности вуза является предоставление образовательных услуг, но не дают однозначного определения в какой конкретной форме существует услуга, что понимать под товаром или продуктом вуза. Так, А.О. Ченцов предлагает следующее определение: «образовательные услуги создаются в процессе научно-педагогического труда, являющегося в свою очередь разновидностью научного труда. Результат научно-педагогического труда может быть назван образовательным продуктом. Образовательный продукт – это часть интеллектуального продукта, адаптированная к соответствующему сегменту образовательных услуг» [3, с.120-123]. Из определения видно, что образовательная услуга является результатом научно-педагогического труда,

которая создается с целью удовлетворения потребностей потребителя. Согласно теоретическому подходу М.А. Лукашенко, конечный образовательный продукт – это образованность индивида, а промежуточный образовательный продукт видится им как результат промежуточных этапов образовательного производства, выраженный в образовательных товарах и услугах [4, с. 11].

Существуют и другие точки зрения о том, что такое образовательная услуга. Рассмотрим существующие трактовки понятия «образовательной услуги» в научных публикациях различных авторов (таблица 1.1.1).

Другими словами, образовательная услуга – это особый вид товара (продукта), который создается в образовательной отрасли и обладает потребительной стоимостью, удовлетворяет образовательные потребности не только личности, но и общества. Образовательные услуги имеют отличительные характеристики, которые выделяют их среди прочих услуг.

Систематизируем специфические черты образовательных услуг:

1) специфика образовательных услуг заключается в том, что, по мнению многих исследователей, они относятся к категории «общественных благ (товаров)». Предоставление общественных благ, а, следовательно, оплату и ответственность за их производство берет на себя государство. Но все же большинство специалистов относят данные услуги к категории «квазиобщественное благо».

Например, С. Фишер подчеркивает, что забота государства о потреблении насущных благ не исключает сотрудничества со сферой бизнеса [15]. Дж. Стиглиц относит часть образовательных услуг (начальное, среднее образование) к общественным, а другую часть (высшее, послевузовское, профессиональное) к квазиобщественным благам [16];

2) своеобразной чертой услуг образования является невозможность их непосредственного денежного измерения. Ценовой механизм часто не в состоянии отразить всех затрат на производство образовательных услуг. Если в материальной сфере их сравнительно легко измерить количественно на единицу продукции, то применительно к образовательным услугам это трудно осуществимо. Полезный результат такой услуги может проявиться лишь спустя продолжительное время, и его практически можно измерить лишь с помощью косвенных показателей;

3) еще один отличительный признак образовательных услуг – многозначность целей, поставленных перед производителями этих услуг. Как правило, деятельность образовательного учреждения не направлена явно на достижение прибыли. Но, с другой стороны, вышеупомянутые интересы связаны с ростом благосостояния, который предполагает получение прибыли, необходимой для обеспечения расширенного воспроизводства. Таким образом, прибыль не является изначально запретным ориентиром для учреждения образования, но, конечно, и не сводится только к нему;

Таблица 1

Систематизация теоретических подходов к рассмотрению образовательной услуги как экономической категории

Теоретический подход	Сущность подхода
А.М. Стрижов	Образовательная услуга – целенаправленная деятельность, характеризующаяся взаимодействием участников образовательного процесса и направленная на удовлетворение образовательных потребностей личности
Р. Джапарова	Образовательная услуга – деятельностная передача системных знаний и привитие проверенных опытом практических навыков к определенному виду занятия путем непосредственной коммуникации с обучаемым
Е.Д. Липкина	Образовательная услуга – совокупность знаний, умений, навыков и определенного объема информации, которые используются для удовлетворения специфической потребности человека и общества в интеллектуальном развитии и приобретении профессиональных умений и навыков
С.А. Зайчикова	Образовательная услуга – система знаний, умений и навыков, которые используются в целях удовлетворения потребностей индивида, общества и государства и направлена на приращение человеческого капитала
В.Н. Зотов	Образовательная услуга – это объем учебной и научной информации, передаваемой гражданину в виде суммы знаний общественного и специального характера, а также практических навыков, передаваемых гражданину по определенной программе
Т.А. Сон	Образовательная услуга – есть результат учебной, управленческой и финансово-хозяйственной деятельности учебного заведения, направленной на удовлетворение производственного спроса на подготовку, переподготовку и повышение квалификации рабочей силы спроса индивидов на получение профессии или квалификации, переквалификации
И.Б. Романова	Образовательная услуга – трудовая деятельность экономической единицы, направленная на удовлетворение потребности некоторого субъекта в образовании (т.е. в приобретении систематизированных знаний, умений и навыков), осуществляемая с предварительного согласия данного субъекта
В.П. Щетинин	Образовательная услуга – система знаний, информации, умений и навыков, которые используются в целях удовлетворения многочисленных потребностей человека, общества и государства
Н.Н. Терещенко	Образовательная услуга – это целый комплекс действий: воспитательного и обучающего характера, направленный на удовлетворение потребностей индивида, в результате осуществления которого происходит совершенствование имеющихся и приобретенных навыков

4) особенность образовательных услуг проявляется и в том, что они оказываются, как правило, в комплексе с созданием духовных ценностей, преобразованием и развитием личности обучающегося. Эти услуги обеспечивают реализацию познавательных интересов обучающихся, удовлетворяют потребности личности в духовном и интеллектуальном развитии, вносят вклад в создание условий для их самоопределения и самореализации, участвуют в формировании, сохранении и развитии разнообразных способностей человека к труду, в специализации, профессионализации и росте его квалификации. Поэтому можно сказать, что образовательные услуги непосредственно участвуют в формировании человеческого капитала;

5. А. Панкрухин главной особенностью оказания образовательных услуг называет сотворчество преподавателя и слушателя. В сфере образования, где преобразуется личность клиента, он, не являясь профессионалом, претендует на самую активную роль в процессе производства и оказания образовательных услуг. Важно также и то, что оказание услуг образования, предполагающее ярко выраженную открытость этой сферы для информационного, кадрового и другого обмена, задает приоритет сотрудничества и ограничивает эффективность конкуренции производителей образовательных услуг [16].

6. Наконец, образовательные услуги как никакой другой вид деятельности находится под пристальным общественным вниманием и внерыночным давлением. Это положение наиболее отчетливо проявляется в рамках политических компаний, в которых вопрос общественного образования обычно рассматривается как элемент обеспечения национальной безопасности, перспективы выживания и развития нации.

Итак, образовательная услуга – это элемент образовательной деятельности, имеющий особые цели и субъективный состав. Целью образовательных услуг является передача знаний, умений, формирование профессиональных навыков и освоение их обучающимся. Субъектами образовательных услуг являются образовательные учреждения в лице преподавательского состава и обучающиеся, желающие получить образование того или иного уровня.

Олеся Григорьева **Olesya Hryhoryeva**
кандидат экономических наук, доцент *PhD in Economics, Associate professor*
Полтавский национальный технический университет им. Ю.Кондратюка
Poltava National Technical University
Poltava, Ukraine

ДОСТОЙНЫЙ ТРУД КАК ОСНОВА ОБЕСПЕЧЕНИЯ СОЦИАЛЬНОЙ СОСТАВЛЯЮЩЕЙ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ УКРАИНЫ

Концепция устойчивого развития, которая является доминирующей на современном этапе в теориях экономического развития и роста цивилизации, представляет собой совокупность идей, теорий, положений и постулатов разных наук, в частности философии, социологии, экономики, экологии и прочих; отображена в ряде международных документов, таких как «Повестка дня XXI века» (Рио-де-Жанейро, 1992 г.), Конвенция относительно изменений климата, сохранения биологического разнообразия, борьбы с бедностью и прочее, общеевропейские и национальные стратегии устойчивого развития и т.д.

Доктрина устойчивого развития – это системная общественно-социальная доктрина, которая направлена на изменение отношений человека и природы, общественных отношений между людьми для расширения возможностей обеспечения экономического роста, с одной стороны, на создание скоординированной глобальной стратегии выживания человечества, ориентированной на сохранение и восстановление природных сообществ в масштабах, необходимых для возвращения границ хозяйственного объема биосферы, с другой стороны [7].

Устойчивое развитие предполагает оптимальное соотношение и развитие трех основных составляющих: экономической, которая обеспечивает рост макроэкономических показателей страны, прирост ее национального дохода; экологической, главная задача которой состоит в гармонизации отношений человека и окружающей среды, предотвращении неотвратимых последствий для природной среды и угрозы для долгосрочного существования человека как биологического вида; социальной, которая предполагает развитие общественных отношений, построенных на основе удовлетворения потребностей и создания равных возможностей человеческого развития нынешнего и будущих поколений.

Безусловно, все три составляющие имеют равные весомости в обеспечении процесса устойчивого развития. Однако, учитывая, что ключевой фигурой является человек и в большинстве случаев именно его действия создают позитивные или негативные последствия экономического развития, рассмотрим влияние социальной составляющей на процес обеспечения устойчивого развития и экономического роста.

Общественные отношения, влияющие на экономические результаты, формируются в процессе осуществления трудовой деятельности. Модель построения таких отношений может быть различной в зависимости от выбранных приоритетов, но построение экономики социально ориентированного типа, которое является необходимым условием обеспечения процесса устойчивого развития, требует такие отношения формировать на основе концепции достойного труда.

Понятие достойного труда воплощает в себе ожидания людей, связанные с их трудовой жизнью. Люди хотят работать в безопасных условиях – точно так же, как они стремятся к производительному труду, приносящему достойное вознаграждение. Люди хотят иметь социальные гарантии на рабочем месте и социальную защиту для своих семей, а также возможности для индивидуального роста и социальной интеграции. Трудящиеся стремятся к свободе выражения мнений, к свободе объединения и участию в принятии решений по жизненно важным вопросам, к равенству возможностей и обращения для женщин и мужчин [1].

Концепция достойного труда, предложенная Международной организацией труда в 1999 г., рассматривает достойный труд как продуктивный труд мужчин и женщин в условиях свободы, равенства, безопасности, уважении чести и достоинства человека [3].

Достойный труд может существовать лишь при выполнении определенных условий, к которым относятся: отсутствие дискриминации (гендерной, возрастной и другой); благоприятные производственные и социально-трудовые условия; объективная и справедливая оплата труда; надбавки к заработной плате для повышения качества жизни; предоставление возможностей развития трудового потенциала; наличие социальных гарантий и прав работников; возможность участия в социальном диалоге [5].

В Украине концепция достойного труда не получила еще должного широкого распространения. Об этом свидетельствуют, в частности, такие факторы, как: нарушение со стороны работодателей международных прав человека и трудовых стандартов; несоблюдения законодательно установленных социально-трудовых прав и гарантий работников; низкий уровень заработной платы; длительная задолженность по выплате заработной платы на некоторых предприятиях; неоправданная экономия на инвестициях в охрану труда и здоровья работников, а также в профессиональное развитие [4].

Следует отметить, что Украина и Международная организация труда еще в июне 2012 г. утвердили Программу достойного труда для Украины на 2012-2015 гг. [6]. В данной программе поощрение достойного труда является ключевым элементом политики и основным заданием социальных партнеров. В качестве основных критериев оценки достойного труда выделены:

- 1) достойная заработная плата;
- 2) эффективная занятость;
- 3) эффективное социальное партнерство;
- 4) система социальной защиты трудящихся.

Первым из аспектов достойного труда выступает достойный уровень заработной платы. Украинские ученые рассматривают достойную оплату труда как основу создания конкурентоспособной системы оплаты труда на предприятии и считают возможным ее достижение при условии организации оплаты труда на принципах цены рабочей силы с учетом количества, качества и результатов труда, а также через обеспечение роста заработной платы при снижении расходов на единицу продукции [4].

В разных отраслях экономики на предприятиях сложилась разница в оплате труда, было деформировано соотношение производительности и оплаты труда. Из-за нестабильной экономической ситуации нередко возникали периодические задержки с выплатой заработной платы.

По критериям ЕС, минимальная заработная плата должна по меньшей мере вдвое превышать величину прожиточного минимума, а средняя заработная плата – в полтора-два раза быть больше ее минимально установленного размера. Сегодня средняя заработная плата в Украине после уплаты налогов даже не достигает двойного размера фактически и так достаточно низкого прожиточного минимума [5].

Низкий уровень заработной платы, необоснованная дифференциация трудовых доходов по видам экономической деятельности, профессиям и должностям, отсутствие социальной составляющей в структуре компенсационных пакетов большинства наемных работников продуцируют у них ощущения несправедливости, снижают мотивацию к труду и инновациям, заинтересованность в творческом росте.

Низкая оплата труда является большим тормозом на пути построения социально ориентированной экономики. Отсутствие у значительной части населения возможности иметь достойную работу с достойной оплатой негативно отображается на совокупном спросе и объемах производства.

Рассмотрение проблемы достойного труда возможно с разных позиций: с позиции общества, государства, с позиции работодателя и с позиции работника. Для работника это уровень оплаты труда и наличие социальных гарантий, качество (производительность) труда, безопасные условия и режим рабочего времени и отдыха, полная занятость и бессрочный контракт, рентабельность производства, участие в его развитии, отсутствие дискриминации по возрасту, полу, национальному или другому признаку, защита интересов работников, производственная демократия, повышение собственной квалификации.

Совпадение и пересечение интересов государства, работодателя и работников наиболее явно проявляется в критериях, связанных с уровнем

оплаты труда. Государство заинтересовано: в определении минимального размера оплаты труда; в определении тарифно-квалификационных групп и систем оплаты труда для учета его качества; в установлении порядка индексации заработной платы в зависимости от инфляции, в формировании законодательных рамок трудовых отношений.

Для работника уровень заработной платы выступает и уровнем его дохода, который влияет на качество жизни, и главным мотивационным фактором, который удерживает его на предприятии, стимулирует повышение квалификации и увеличение производительности труда.

Таким образом, под достойной заработной платой понимают такой уровень оплаты труда, который способен обеспечить экономическую свободу работающему человеку и его семье; создает базовые основы для системы социальной страховой защиты и социального обеспечения; дает возможность человеку развиваться, отдыхать, пользоваться достижениями цивилизации, отвечает понятию справедливого распределения результатов труда; вырабатывается в условиях, которые не унижают достоинство человека; разрешает проблему материальной базы для расширенного воссоздания населения страны, обеспечения экономики квалифицированными трудовыми ресурсами. Заработная плата как возможность получения достаточного и соответствующего вознаграждения за труд является важным элементом достойного труда [7].

Занятость как элемент достойного труда рассматривается с позиций обеспечения достойного рабочего места, полной и стабильной занятости населения, востребованности на рынке труда, обеспечение непрерывного профессионального развития работника, повышение его квалификации [3].

Эффективное социальное партнерство предусматривает обязательность заключения и выполнения условий коллективных договоров, эффективную систему разрешения трудовых конфликтов и споров, реальное участие работников в принятии решений по управлению производством [2].

Система социальной защиты в концепции достойного труда рассматривается через призму обеспечения достойной пенсии, системы социального страхования работающих (социальное страхование от несчастных случаев на производстве, производственного травматизма, профессиональных заболеваний, от временной потери трудоспособности, по беременности и родам у женщин, медицинское страхование), которое дает возможность обеспечения охраны труда работающим и членам их семей [5].

Реализация концепции достойного труда в Украине предусматривает необходимость реформирования трудового законодательства и разработку скоординированных мероприятий центральными органами державної влади с целью нормативно-правового обеспечения ответственности работодателей за несоздание достойных условий труда, усиление ответственности за непроведение мероприятий в сфере промышленной

безопасности и охраны труда, а также использование принудительного труда. Безусловными социальными приоритетами являются установление единой тарифной сетки в оплате труда работников бюджетной сферы, повышение минимальной заработной платы до реального уровня прожиточного минимума, установление минимальной пенсии не ниже реального прожиточного минимума, погашение задолженности по выплате заработной платы работникам предприятий и организаций всех форм собственности, обеспечение защиты жизни и здоровья работников на рабочем месте, создание гарантийного фонда заработной платы с целью обеспечения погашения долгов по заработной плате работникам предприятий, которые были ликвидированы или признаны банкротом.

Концепция достойного труда предопределяет новое доктринальное толкование сущности системы социальной защиты, которая должна рассматриваться не только как система услуг в подборе работы и выплаты пособия по безработице, а преимущественно как система гарантирования достойных условий труда, легальной занятости, заработной платы.

Неотложной необходимостью является подготовка комплексной государственной программы внедрения концепции достойного труда на предприятия, учреждения и организации Украины и разработка системы статистических индикаторов достойного труда.

Как на национальном, так и на региональном уровнях следует соединить усилия государственных органов социальной защиты, работодателей, работников и профсоюзов в пропаганде достойного труда, как важного фактора внедрения высоких социальных стандартов.

Целесообразным будет создание советов социального диалога с целью определения оптимальных путей улучшения социальной защиты населения (работающих). Особенное внимание следует обратить на гарантирование социально-трудовой реализации людям, имеющим инвалидность, повышение мотивации работодателей в трудоустройстве людей, имеющих особые потребности. Внедрение концепции достойного труда потенциально может способствовать улучшению качества коллективных договоров на предприятиях, учреждениях, организациях Украины. В свою очередь это окажет позитивное влияние и на прочие социальные индикаторы устойчивого развития, такие как бедность, здоровье, образование, демография, уровень коррупции и преступности и другие.

Литература

1. Васюта В.Б. Проблеми гендерної нерівності в Україні / В.Б.Васюта, Т.О.Галайда // Вісник Чернігівського державного технологічного університету. – №2 (50). – 2011. – с. 64-67.
2. Галайда Т.О. Роль корпоративної соціальної відповідальності підприємств у розвитку системи соціального партнерства в Україні / Т.О.Галайда, В.В.Скриль // Вісник Житомирського державного технологічного університету. Економічні науки. – №4 (62). – 2012. – С. 280 – 283.

3. Герасименко О.О. Трансформація зайнятості як вектор гідної праці: глобальні тенденції та вітчизняні реалії / О.О. Герасименко // Соціально-трудові відносини: теорія та практика. – №2. – 2013. – с. 145-148.

4. Лебедев І.В. Гідна праця як чинник розвитку людського потенціалу / І.В.Лебедев // Вісник Хмельницького національного університету. Економічні науки. – 2013. – Т.2 (202). – №4. – с. 161-166.

5. Міжнародні соціальні стандарти: навч. посіб./А.М. Юшко, Н.М. Швець, за заг. ред. В.В. Жернакова. –Х.: Нац. ун-т «Юридична академія України ім. Ярослава Мудрого», 2013. – 121с.

6. Профіль Гідної праці в Україні: Публікація Міжнародного бюро праці [Електронний ресурс]. – Режим доступу: [http:// www.confey.org/ assets/ files/ lists/ uraininne_lr\[1\].pdf](http://www.confey.org/assets/files/lists/uraininne_lr[1].pdf).

7. Соціалізація відносин у сфері праці в контексті стійкого розвитку: монографія / А.М. Колот, О.А. Грішнова, О.О. Герасименко, за наук. ред. д-ра екон. наук, проф.. А.М. Колота. – К.:КНЕУ, 2010. –348с.

Ольга Шолох Volha Sholakh

магістр економічних наук Master of Business Administration

Полоцкий государственный университет, Polotsk State University

Полоцк, Беларусь Polotsk, Belarus

ВЛИЯНИЕ МАЛОГО ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА НА РЕГИОНАЛЬНОЕ ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ

В последнее время малое предпринимательство стало распространенным объектом научного интереса многих отечественных экономистов. В многочисленных публикациях обсуждаются динамика развития данного сектора, вопросы его роли в экономике страны, необходимость и направления государственной поддержки и др. Однако при достаточно большом объеме литературы, посвященной различным аспектам развития малого предпринимательства, недостаточно проанализирована его роль в социально-экономическом развитии региона, до сих пор нет единой методик, которая бы позволила сделать комплексную оценку влияния данного сектора на экономику региона. Именно поэтому следует подчеркнуть особую актуальность темы данной работы. Научная новизна статьи заключается в том, что автором предпринята попытка провести такую оценку на региональном уровне с учетом специфики имеющихся в стране официальных статистических данных по малому предпринимательству.

Актуальность данной темы позволяет нам сформулировать гипотезу исследования, а также определить объект и предмет исследования. Основная рабочая гипотеза состоит в том, что малое предпринимательство влияет на экономику области и вполне может считаться фактором социально-экономического развития региона. Объектом исследования в статье выступает экономика Витебской области и непосредственно некоторые ее основные показатели. Предмет исследования – факторы развития малого предпринимательства в Витебской области и методы оценки его влияния на социально-экономическое развитие региона.

Тем не менее, до сих пор в нашем обществе имеет место достаточно неоднозначное отношение к малому предпринимательству как социально-экономическому явлению. Поэтому для оценки его влияния на развитие региона необходимо учитывать воздействие данного сектора на различные стороны социально-экономической жизни области. Следовательно, первым шагом автора стало выявление комплекса направлений и их ключевых показателей, отражающих данное развитие Витебской области. Однако имеющиеся статистические данные и продолжительность рассматриваемого периода (5 лет) не позволяют нам делать таких многогранных оценок, поэтому мы ограничились лишь некоторыми из возможных направлений и их основными показателями (рисунок 1):

Рисунок 1 – Основные направления и показатели, участвующие в оценке влияния малого предпринимательства на экономику региона

Показатели каждого из направлений базируются на предоставляемой статистической информации, вполне очевидны и, на наш взгляд, не требуют специальных пояснений, кроме показателя экономического роста.

Для измерения влияния малого предпринимательства по данному направлению было бы целесообразно использовать показатель валового регионального продукта на душу населения в Витебской области, однако данный индикатор начали рассчитывать лишь с 2011 г., что не позволяет нам использовать его в качестве результативного фактора за

рассматриваемый период. Поэтому в качестве альтернативы считаем целесообразным оценить влияние малого предпринимательства на такие показатели, как объем промышленного производства и объем производства потребительских товаров. Поскольку мы ограничены в количестве применяемых факторов, остановимся на объеме продукции промышленности, так как производство данной продукции занимает большую долю в общем объеме выпуска и считается основной прерогативой экономического развития региона. Выделенные нами статистические показатели, характеризующие обозначенные направления, выступают в качестве результативных.

Вторым шагом автора стал выбор факторных показателей развития малого предпринимательства, которые могут влиять на результативные факторы по выделенным направлениям. Выбор таких параметров осуществлялся путем логического анализа явлений, однако был ограничен имеющейся информацией о развитии малого предпринимательства в Витебской области.

В результате пересчета Национальным статистическим комитетом Республики Беларусь некоторых показателей развития малого предпринимательства у нас есть возможность, как уже отмечалось, исследовать сопоставимые статистические данные за 2010-2014 гг. (официальные данные за 2015 г. в настоящее время отсутствуют), что, несомненно, значительно ограничивает возможности анализа.

В соответствии с изложенным считаем целесообразным задействовать в данном анализе следующие факторные показатели, которые рассчитаны на основе имеющейся статистической базы по малому предпринимательству за 2010-2014 гг.: число малых предприятий в области – F1; количество малых предприятий на 1000 человек трудоспособного населения – F2; списочная численность работников на малых предприятиях в регионе – F3; объем произведенной продукции малыми предприятиями – F4; инвестиции в основной капитал от субъектов малого предпринимательства – F5; прибыль как финансовый результат деятельности малых предприятий региона – F6; доля выпуска продукции малыми предприятиями в общем выпуске промышленных и потребительских товаров и услуг региона – F7; удельный вес занятых на малых предприятиях в общей численности занятого населения региона – F8.

Статистические данные, используемые для проведения анализа, взяты автором из статистических ежегодников Республики Беларусь.

Следующий этап заключался в выборе инструмента оценки влияния одних показателей на другие. В качестве такого инструмента, на наш взгляд, может использоваться корреляционно-регрессионный анализ, который позволяет количественно выразить взаимосвязь между выделенными параметрами. Влияние малого предпринимательства по каждому из

рассматриваемых направлений оценивалось на основе тесноты связей между результативным и факторным показателями, которая определялась коэффициентом парной корреляции. В целях проверки существенности линейного коэффициента корреляции для небольшого объема выборки значимость данного коэффициента автором проверялась на основе t-критерия Стьюдента. Полученные результаты представлены в таблице 1.

В тех случаях, где расчетное значение t-критерия Стьюдента больше критического значения, которое определяется по специальной таблице, с уверенностью 95 % можно считать, что коэффициент корреляции значим, т.е. фактор существенно влияет на результативный показатель. Следовательно, рассчитанные коэффициенты корреляции позволили нам выявить наличие сильной зависимости между показателем объема промышленного производства и показателями развития малого предпринимательства.

Однако дальнейший анализ, заключающийся в проверке статистической значимости коэффициента корреляции с помощью расчета t-критерия Стьюдента и сравнения его с табличным при уровне значимости $\alpha = 0,05$ и числе степеней свободы $k = 3$, показал, что связи между показателем объема продукции промышленности и факторными, такими как списочная численность работников на малых предприятиях и доля выпуска продукции малыми предприятиями в общем объеме выпуска, не значимы.

На наш взгляд, данный результат обусловлен тем, что списочная численность работников на малых предприятиях косвенно влияет на результативный показатель, а доля выпуска продукции малыми предприятиями в общем объеме выпуска еще достаточно мала, чтобы существенно влиять на объем промышленного производства, однако именно этот прямой показатель может значительно повлиять на результативный при дальнейшем создании благоприятных условий развития малого предпринимательства в регионе.

Что же касается зависимости доходов бюджета от основных показателей развития малого предпринимательства, то наблюдаются значимые связи между всеми этими индикаторами. То же повторяется и в ситуации с численностью занятых в экономике. Соответственно с уверенностью 95 % можно считать, что выделенные параметры развития малого предпринимательства оказывают влияние на доходную часть бюджета области и региональный рынок труда.

Чтобы выявить влияние малого предпринимательства на уровень жизни населения в Витебской области, в качестве результативного фактора мы взяли размеры денежных доходов на душу населения за 2010-2014 гг. Проведенный анализ позволил нам выявить влияние на результативный фактор практически всех факторов, кроме показателя списочной численности работников на малых предприятиях и доли выпуска продукции малыми предприятиями в общем выпуске товаров и услуг региона.

Таблица 1
Результаты корреляционно-регрессионного анализа

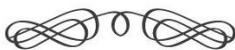
Факторный показатель	Коэффициент парной корреляции	Значение расчетного t-критерия Стьюдента	Оценка значимости при $\alpha = 0,05$
	Объем промышленного производства		
F_1	0,9356	4,59	Значим
F_2	0,9416	4,843	Значим
F_3	0,8027	2,331	Не значим
F_4	0,9791	8,338	Значим
F_5	0,9778	8,082	Значим
F_6	0,8471	2,761	Значим
F_7	0,8471	1,655	Не значим
F_8	0,8727	3,096	Значим
Доходы бюджета			
F_1	0,9558	5,63	Значим
F_2	0,9585	5,823	Значим
F_3	0,8954	3,483	Значим
F_4	0,9532	5,461	Значим
F_5	0,9643	6,307	Значим
F_6	0,8489	2,782	Значим
F_7	0,8306	2,583	Значим
F_8	0,9586	5,831	Значим
Численность занятых в экономике			
F_1	0,9757	7,713	Значим
F_2	0,9672	6,595	Значим
F_3	0,9508	5,316	Значим
F_4	0,9521	5,393	Значим
F_5	0,9279	4,311	Значим
F_6	0,913	3,876	Значим
F_7	0,9302	4,389	Значим
F_8	0,9452	5,014	Значим
Денежные доходы на душу населения			
F_1	0,9434	4,927	Значим
F_2	0,9552	5,59	Значим
F_3	0,786	2,202	Не значим
F_4	0,9774	8,008	Значим
F_5	0,9792	8,359	Значим
F_6	0,8477	2,768	Значим
F_7	0,6947	1,673	Не значим
F_8	0,9189	4,034	Значим
Объем инвестиций в основной капитал			
F_1	0,9731	7,316	Значим
F_2	0,9802	8,574	Значим
F_3	0,841	2,692	Значим
F_4	0,9916	13,278	Значим
F_5	0,9833	9,358	Значим
F_6	0,8877	3,339	Значим
F_7	0,7718	2,102	Не значим
F_8	0,9475	5,132	Значим

Смеем предположить, что данная ситуация обусловлена, с одной стороны, спецификой рынка труда, на котором с точки зрения экономической теории наблюдается обратная зависимость объема спроса на труд от цены труда, т.е. размера заработной платы – основного источника денежных доходов населения.

С другой стороны, как уже упоминалось, доля выпуска продукции малыми предприятиями в общем выпуске товаров и услуг региона еще достаточно мала, тем не менее наличие положительной связи свидетельствует о прямой зависимости данных показателей, что делает актуальными вопросы повышения производительности труда и увеличения доли малого предпринимательства в общем выпуске товаров и услуг.

Рассчитанные коэффициенты корреляции между объемом инвестиций в основной капитал Витебской области и большинством показателей, отражающих уровень развития малого предпринимательства, показывают высокую положительную зависимость и являются статистически значимыми практически со всеми параметрами развития малого предпринимательства, кроме одного, – долей выпуска продукции малыми предприятиями в общем выпуске товаров и услуг. Несмотря на это, можно предположить, что развитие малого предпринимательства может оказать желаемое влияние на инвестиционный климат в области, так как именно субъекты данного сектора при благоприятных экономических и политических условиях являются достаточно перспективными в сфере привлечения инвестиций в регион, как иностранных, так и внутренних.

Как видим, тезис о том, что малое предпринимательство может оказывать существенное влияние на экономику региона, с использованием выбранного нами статистического анализа подтвердился в большинстве случаев. В дальнейшем этот анализ может быть усовершенствован и дополнен другими факторами, отражающими иные стороны развития региона и малого предпринимательства в нем. Если под фактором в общем смысле этого слова понимать движущую силу, явление, причину какого-либо процесса, обуславливающую его и определяющую его характер, то можно сказать, что малое предпринимательство вполне оправданно является фактором социально-экономического развития региона. Полученные результаты определяют целесообразность и необходимость выявления источников повышения роли данного сектора экономики в социально-экономическом развитии Витебской области.

Екатерина Дёмушкина   **Katsiaryna Dziomushkina**
магистр экономических наук   *Master of Business Administration*
Полоцкий государственный университет,   Polotsk State University
Полоцк, Беларусь   *Polotsk, Belarus*

DEVELOPMENT OF MARKET OF TOURIST SERVICES IN ECONOMIC SYSTEM OF REGION

Tourist business in Belarus is at the stage deep structural adjustment, institutional forming, forming intrasectoral, inter-industry and foreign economic ties. This fully refers to the process of formation of tourist infrastructure, corresponding segment of the labor market, system of state regulation of tourism activities. The development of the tourist market depends substantially on the successful use of the tourism marketing as a methodological approach to the formation of a regional tourism product based on the economic assessment of consumer properties of recreational, historical and cultural resources of the region.

Among the factors that characterize the competitive environment and the overall development of the tourist market in the region, is allocated his infrastructural support. Touristic regional competitiveness depends largely on the quality of its tourist infrastructure, of whether how efficiently carried the interaction of the hotel complex, transportation companies, trade and other service industries. In addition, that she takes part in serving the tourists and promotes tourist development of the territory, the infrastructure used as well by local population, expanding the scope of employment and leads to the creation great number of new jobs. Infrastructure here to be seen in a broader sense, the basic elements of which must ensure compliance not exclusively recreational functions, but also serve as a leading factor in the socio-economic development of the region.

Over the last decade interest in introducing in Belarus cluster model of economic development has increased significantly, as evidenced by conducting a comprehensive study to suit local conditions. Quite often, cluster surveys are considered as the final phase of the new strategy, while actually it is only the initial stage of formation of cluster model of economic development. Clusters in the modern conditions of strengthening competition in global markets are the institutional base for the implementation of the principles of the formation of national and regional economy and appropriate elaboration strategies for economic development of the regions. Understanding the competitive advantages of new economic systems and formation of clusters opens before the regions new prospects for dynamic economic development. Analysis of quantitative and qualitative indicators development of the region should become initial stage and the basis for the formation of regional clusters. Under touristic cluster mean a system of intensive industrial and technological and informational interaction tourist enterprises, suppliers of basic and additional services for the creation of joint tourist product. To tourist clusters relate a group of companies the

concentrated geographically within a region which together use tourism resources, specialized tourist infrastructure local labor markets, carry out joint marketing and advertising and information activities. In the tourist cluster correlation cluster participants lies in the fact that the positive work of every of them creates a prerequisites for success of the rest of the participants to a certain extent of collective market. In the tourist cluster in spent interaction conditions appear for the production of new goods and services, which generates an innovative and competitive business field. When creating productively and functioning of the tourist cluster, for the government assigned the role a catalyst increase the level of competitive efficiency of tourism services. Their task – to stimulate tourist enterprises to improve their efficiency, contribute to the formation of demand. However, the in Belarus government not sufficiently perform its functions an organizer and main member tourist cluster, and therefore part of their tasks are forced to be performed directly subjects of tourist market.

Proving the benefits of tourism as a leading export sector of the world economy, author analyzes the actual state of tourism in Belarus level of development which does not conform with international standards. The main motivations for the development of domestic and foreign tourism in the region is a classic mix of natural, historical and cultural resources, supported by ethnic identity of its inhabitants. Analysis of motivations travel of representatives of developed countries led to the conclusion the prevalence in the structure of motivations official purpose of the visit (for the USA on business tourism have 37.9 % visitors, Germany – 23.7 %). Visitors from countries of Eastern Europe are in Belarus mainly from private purposes (Poland – 68.0 %, Ukraine – 51.3 %, Lithuania – 86.3%, Latvia – 70.7 %), that is caused geographical proximity and cultural kinship with these countries Belarus.

The situation which has developed in the recreation and tourism sector in Vitebsk region in conditions of strengthening competition in tourism market requires: active search of production intensification of the regional tourist product with the required quality of his; develop effective interventions of regional tourism policy; implementation intensive marketing strategy to form a positive image of region in order to increase on its territory flows of foreign and domestic tourists.

Based on the analysis of data service tourist destinations Vitebsk region, in order to increase tourist flows invited to focus more on enhancing efficiency of educational tourism, green tourism and agro-tourism. Held diagnostics the level of activity of application tourist and recreational potential in Vitebsk region and the data illustrating growth of volume tourist consumption convincingly demonstrate the need for and appropriateness of development of tourist sector, the priority of investing in its infrastructure. Since the strategic guidelines of reforming the economy of the Vitebsk region assign the sphere of tourism and recreation of the role of priority in the economic complex of the region, the reform of the tourism industry today requires the implementation of a number of

events, which, unfortunately, are only partially implemented: the creation of new tourist products (tourist offer) in Vitebsk region versatile thematic nature: rural, green, training, nostalgic tourism and agro-tourism; the development of the hotel industry; development and improvement of the tourist transport infrastructure; improvement of personnel provision of recreation and tourism; intensification of marketing activities, advertising and information support.

It should be noted that one of the most important implementation tools of the tourist policy in the region is the appropriateness of the use of cluster approach to the formation of competitive regional tourist product of a certain type or several types. We can distinguish the following tasks tourism cluster: the formation of the joint efforts of the tourist product of a certain type, training, marketing, finance and support the further development of individual types of tourism, etc.

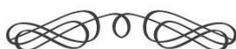
With the account of foreign and domestic experience in the proposed structure of the tourism cluster recommended the establishment of four sectors: production of tourist products, service, support and ensure the functioning of tourist cluster. The organizer and the coordinator of the cluster acts as the tour operator. Competitive advantages of the tourism cluster are in the organization of a regional tourist product in the following areas: rural tourism, green tourism, using the attractive landscape of the region; cultural-cognitive tourism aimed at the disclosure of historical, archaeological and cultural potential of the region.

For activation of tourist activities on the regional market with the purpose of the organizational streamlining of its natural character and the further development of the author proposed to develop a map of tourist routes with the indication of infrastructure, historical, archeological and geographical objects; introduce a single ticket for public transport; introduce a comprehensive ticket, both on the international and long-distance routes, which besides the cost of travel in both directions, would include and travel on public transport during your stay; create a cluster of excursion service, where the initiator will act as the tour Desk, which centrally through its offices will carry out: to provide the participants of the cluster free maps of tourist routes, as well as information on the placement of excursion objects and the value of their visit; the realization of their excursion-tourist discount card of a general nature, having obtained the tourist gets a discount on the entrance tickets to tourist sites, or the right to a one-time free access to certain tourist establishments and facilities according to the list; promotion of their regional tour the tourist product through the mass media, international exhibitions, stands in the place of residence and mass visiting tourists.

On the basis of the definitions of characteristics, principles of operation, the importance of the development of the tourism market for the region's economy, defined the role and functions of tourism marketing for efficient tourism activities, identified the potential tools for increasing the effectiveness of tourism in the region, defining the priority directions of the development of the tourist market of the region, defines the principles of formation of the structure of the

marketing strategy of the region: the specificity of the region, which defines the types of marketing purposes; adopted by the marketing objectives should take into account development needs of the region; implementation of marketing objectives depends on the influence of external factors; marketing strategy should take into account the experience of serving enterprises and others.

It is obvious that one of the important instruments for the implementation of tourism policy in the region is the use of cluster approach to the formation of competitive regional tourist product by types. Tasks of the tourist cluster the following: formation of the joint efforts of the tourist product of a certain type, training, marketing, finance and support the further development of individual types of tourism, etc. With a view to enhancing the tourism market of the region suggested that the development of such kinds of tourism as a rural and green tourism.

Алла Дмитренко **Alla Dmitrenko**
кандидат экономических наук, доцент *PhD in Economics, Associate professor*
Полтавский национальный технический Полтава National Technical
университет им. Ю.Кондратюка Y. Kondratyuk University
Полтава, Украина *Poltava, Ukraine*

ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ БУХГАЛТЕРСКОГО УЧЕТА СОВМЕСТНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

С целью углубления научного познания в раскрытии законов и закономерностей функционирования реального природного и социального мира все очевиднее становится стремление ученых проанализировать приемы и способы, с помощью которых приобретаются знания. В начале античной культуры монополия на исследование проблем познания вообще и научного познания в частности принадлежала философии. Со второй половины XIX в. происходит резкая дифференциация, то есть отделение от философии различных научных дисциплин, исследующих те или иные аспекты процесса научного познания. Наряду с традиционными философскими методами в это время возникают и начинают активно развиваться методы математической логики, а затем и методы вероятностной логики. В связи с научной революцией в естествознании на этом этапе заметно растет интерес к истории и философии науки. Чуть позже формируются и такие самостоятельные сферы научного познания как психология и социология науки, а уже в наши дни возникает совершенно новая отрасль – наука о науке, или науковедение. Все научные

дисциплины исследуют различные аспекты и отношение научного знания, применяя свои особые методы и понятийный аппарат.

В последние десятилетия достигнуты значительные результаты в области научной логики, которая занимается исследованием проблем построения и структуры готового знания.

На современном этапе развития науки, подход к методологии еще недостаточно разработан, но он имеет перспективы выделения в методологии некоторых подсистем, которые обеспечивают познание, коммуникацию и прочее. На рассмотрение именно этих научных понятий и направлены исследования в разрезе бухгалтерского учета совместной деятельности (далее – СД).

Вопросами методологии, методологии бухгалтерского учета, методики занимались ученые всех времен. Большой вклад в исследование этих научных понятий сделали зарубежные и отечественные ученые, а именно: А.С. Богомолов [1], М.А. Булатов [2], А.А. Веденов [3], И. Горак [4], М.В. Желнов [5], С.В. Свирко [6,7], Н.М. Ткаченко [8], Э.Г. Юдин [9] и многие другие ученых.

В древние времена, начиная с античной эпохи, проблемы метода и методологии научного исследования привлекали внимание социальных мыслителей, ученых и философов. Однако подробный анализ методов и средств научного познания стал активно осуществляться только в последние полвека [2, с. 102-108].

На сегодня наука не имеет такого методологического потенциала, чтобы сформировать развитую внутреннюю структуру методологии. Большой вклад в разработку методологии науки внесли Платон, Аристотель, Бэкон, Декарт, Кант, Гегель и другие классики философии. Но в работах этих авторов методология науки представляла в обобщенном виде, совпадая с исследованием общей идеи научности и ее базовых принципов. Так, Аристотель и Бэкон классифицируют научное знание и предлагают два основных метода получения достоверной информации о природе и человеке: логико-дедуктивный и экспериментально-индуктивный. Кант разрабатывал общие границы познавательных способностей, а Шеллинг и Гегель пытались создать универсальную систему научного знания. Данные исследования имели более абстрактный характер, так как наука не играла до середины XVIII в. существенной практической роли в социальной жизни.

Вместе с прогрессом общественных отношений и выдвиганием технологической сферы и промышленного производства на передний план наука приобретает большое значение для разработки новых технологий и рациональных принципов составления форм производственной деятельности. В работах Конта, Спенсера, Дюркгейма и других авторов

разрабатываются не только принципы общенаучного знания, но и конкретные варианты методов научно-познавательной деятельности.

Особое значение в исследовании методологии науки имели исследования Буля, Фреге, Пирса в области логико-математического знания. Вышеупомянутые авторы заложили основы формализации норм и процедур мыследеятельности, раскрыв пространство формализации и математизации логического знания и позволив использовать логико-методологические наработки естествознания в гуманитарных науках [2, с. 102-108].

Итак, можно сказать, что методология – это система принципов и способов организации и построения теоретической и практической деятельности, и учение об этой системе. Долгое время система принципов не осознавалась в явной форме. Постепенно выделилась в особый предмет познания и закрепились как система социально апробированных правил и нормативов теоретической и практической деятельности.

Значительная заслуга в разработке методологии принадлежит Сократу, Платону и Аристотелю. Основным в методологии Сократа было признание диалектического характера мышления как общего извлечения истины в процессе сопоставления различных мнений, их сравнение, определение и тому подобное. Сократ выдвинул на первый план диалектическую природу мышления в поисках истины при сопоставлении различных по значению фактов. Платон применил законы логики. Аристотель проанализировал принципы построения суждений, правила умозаключений и доказательств. Аристотель соединил методы Сократа и Платона и создал универсальную логическую систему познания действительности. Таким образом, развитие методологии связан с именами великих греков Сократа, Платона, Аристотеля [3, с. 101-112].

Особое развитие получили методологические исследования в XX в. Это можно объяснить дифференциацией и интеграцией научного знания, качественными изменениями, произошедшими в классических дисциплинах, и возникновением многих новых дисциплин.

Итак, как учение о методе методология возникла еще в эпоху Нового времени, в частности в философии Ф. Бэкона и Р. Декарта. Достаточно значительный вклад в развитие философской методологии сделали Сократ, Платон, Аристотель, Спиноза, Лейбниц, Кант, Гегель, Маркс и др.

Методология достигла своей вершины в форме марксистской методологии. В ней решалась вся совокупность логико-гносеологических и других проблем. Методологическая основа исследования не являются самостоятельным разделом научной работы, однако ее четкого определения значительной степени зависит достижения цели и задач научного исследования. В разделах основной части исследования подаются изложение общей методики и основных методов исследования, а это требует изучения методологических основ научной работы.

Под методологической основой исследования понимают основное, исходное положение, на котором базируется научное исследование. Методологические основы данной науки всегда существуют вне этой наукой, за ее пределами и не выводятся из самого исследования.

Итак, методология – это учение о системе научных принципов и способов исследовательской деятельности. Поэтому, учитывая вышерассмотренные исследования, методологию связывают с принципами построения методов, их научным обобщением, например «методологии управления», «методологии планирования», «методологии учета».

Одной из разновидностей методологии есть методология науки. Методология науки изучает комплекс явлений, относящихся к инструментальной сферы науки и научной деятельности, их осмысления и функционирования. Она исследует совокупность познавательных средств, применяемых в науке, объективные характеристики и свойства науки и особенности научной работы, которые играют существенную роль в получении истинных знаний.

К основным задачам методологии многочисленное количество ученых относит: исследование познавательной деятельности, осуществляемой в различных областях науки; выявление общих закономерностей функционирования и развития научного мышления; разработка общенаучных методов познания.

Опираясь на общенаучные методы, каждая конкретная наука разрабатывает собственную методологию, которая проявляется, в частности, в сфере отдельных методик.

Сложность, многогранность и междисциплинарный статус любой научной проблемы приводят к необходимости ее изучения в системе координат, задается различными уровнями методологии науки. Методология определяют, как учение о правилах мышления при создании теории науки.

Многие зарубежные научных школ не разграничивают методологию и методы исследования. В отечественной научной традиции методологию рассматривают как учение о научном методе познания или как систему научных принципов, на основе которых базируется исследования и осуществляется выбор совокупности познавательных средств, методов, приемов исследования. Чаще всего методологию толкуют как теорию методов исследования, создание концепций, как систему знаний о теории науки или систему методов исследования. Методику понимают как совокупность приемов исследования, включая технику и разнообразные операции с фактическим материалом.

Методология выполняет следующие функции:

- определяет способы получения научных знаний;
- направляет, предусматривает особый путь, на котором достигается определенная научно-исследовательская цель;

– обеспечивает всесторонность получения информации о процессе или изучаемого явления;

– обеспечивает уточнение, обогащение, систематизацию терминов и понятий в науке;

– создает систему научной информации, которая базируется на объективных фактах, и логико-аналитический инструмент научного познания.

Таким образом, методологию ученые определяют как концептуальное изложение цели, содержания, методов исследования, которые обеспечивают получение максимально объективной, точной, систематизированной информации о процессах и явлениях [3, с. 101-112].

Методологическая основа исследования не является самостоятельным разделом научной работы, однако ее четкого определения значительной степени зависит достижения цели и задач научного исследования. В разделах основной части исследования подают изложение общей методики и основных методов исследования, а это требует изучения методологических основ научной работы.

В методологической основе исследования понимают основное, исходное положение, на котором базируется научное исследование. Методологические основы данной науки всегда существуют вне этой науки, за ее пределами и не выводятся из самого исследования. Итак, методология – это учение о системе научных принципов и способов исследовательской деятельности. Доказательством является исходным положением, поскольку без доказательности о хозяйственный факт учета не может быть. Наличие доказательства является исходным для всех приемов (элементов метода) бухгалтерского учета.

Методология бухгалтерского учета включает совокупность как общенаучных, так и специальных, присущих только этой науке методов, применяемых для осуществления процедуры учета. Итак, методологию ученые определяют как учение о методах, с помощью которых узнают объект исследования или предмет науки, то есть бухгалтерский учет.

Наряду с общенаучными методами и теоретической основой бухгалтерский учет является самостоятельной экономической прикладной наукой и имеет свои специфические методы (приемы), обусловленные сущностью предмета и технологии учета. Метод бухгалтерского учета – это совокупность специальных приемов, с помощью которых изучают его предмет. Метод организации бухгалтерского учета реализуется через применение такого приема, как моделирование. Моделирование – один из древнейших приемов организации бухгалтерского учета [6, с. 17].

Итак, для регламентации организации бухгалтерского учета у субъектов хозяйствования СД без создания юридического лица, следует определить организационно-экономические и правовые основы их СД. А на их основе, применяя приемы моделирования, моделировать общие

параметры работы учетной системы организационной структуры во времени и по отдельным укрупненным сгруппированными видами финансово-хозяйственной деятельности.

Таким образом, методология бухгалтерского учета – это совокупность приемов, по которым познается объект. Относительно обособленные приемы лишь в своем единстве и совокупности обеспечивают полное изучение предмета бухгалтерского учета, получения необходимой для управления хозяйством информации. Отдельный прием можно рассматривать как элемент метода.

Сочетание различных элементов методологии бухгалтерского учета (документирование, инвентаризация, оценка, калькулирование, счет, двойственное обобщение состояния хозяйственных фактов, двойственное отражение изменения хозяйственных фактов в системе счетов и отчетность) обеспечивает сплошное и непрерывное изучение его объекта – средства и хозяйственной деятельности. При этом достигается основная цель – получение информации о состоянии хозяйства, результаты его работы и отношения с другими субъектами хозяйствования, контроль за различными сторонами хозяйственной деятельности и анализа. Таким образом, теория бухгалтерского учета формирует систему знаний о методологии и организации бухгалтерского учета СД, использование учетной информации для составления отчетности СП и оператором СД, экономического анализа, аудита и контроля, принятия управленческих решений.

Литература

1. Богомолов А. С. Античная философия / А. С. Богомолов. – М., 1985. – 232 с.
2. Булатов М. А. Философия / М. А. Булатов. – М., 1994. – 345 с.
3. Веденов А.А. Моделирование элементов мышления / А.А. Веденов: наука, 1988. – 504 с.
4. Горак Г. И. Философия / Г. И. Горак. – М., 1997. – 289 с.
5. Желнов М.В. Предмет философии в истории философии / М.В. Желнов. – М., 1981. – 346 с.
6. Свирко С.В. Бухгалтерский учет в бюджетных учреждениях: методология и организация: Монография / С.В. Свирко. – М.: Финансы, 2006. – 243с.
7. Свирко С.В. Организация бухгалтерского учета в бюджетных учреждениях: Учебное пособие / С.В. Свирко. – М.: Финансы, 2003. – 380 с.
8. Ткаченко Н.М. Бухгалтерский учет на предприятиях Украины с разными формами собственности: Учеб. пособие. - 6-е изд., Доп. и пере-раб. – М.: А.С.К., 2008. – 784 с.
9. Юдин Э.Г. Системный подход и принцип деятельности. Методологические проблемы современной науки / Э.Г. Юдин. – М.: Наука, 1978. – 392 с.

Татьяна Романова   **Tetiana Romanova**
кандидат экономических наук, доцент   *PhD in Economics, Associate professor*
Полтавский национальный технический   Poltava National Technical
университет им. Ю.Кондратюка   Y. Kondratyuk University
Полтава, Украина   *Poltava, Ukraine*

THE STRUCTURAL POLICY AND ITS ROLE IN THE ECONOMIC DEVELOPMENT OF UKRAINE IN CONTEXT OF EUROPEAN INTEGRATION

The development of the national economy is impossible without the strengthening of integration processes. The international division of labor predetermines the necessity for selection of the economic priority sectors to ensure competitiveness in their respective segments of the global market. The optimization of the economic structure can enhance the processes of increase of efficiency the functioning of national economic system. The existing structural imbalances of Ukrainian economy has a negative impact on potential further economic growth.

The structural policy is a complicated notion in the economic science, which is characterized by a great number of approaches to its understanding, for example:

1) structural policy is a set of scientifically accepted methods, tools and practical measures aimed at optimizing the internal proportions of the economic system to ensure its expanded reproduction in context of scarce economic resources. [1, p. 17];

2) O. Melnychenko notes that the structural policy represents the conscious actions of the subject of regulatory impact aimed at eliminating the negative effects of the existing imbalances and activating the ‘points of growth’ to ensure the sustained and balanced growth rates of the national economy and its individual components. [2, p. 21];

3) S. Bila believes that ‘the structural policy should be understood as the economic government measures in terms of regulating the national economy in order to stimulate targeted changes in it, mostly at the macro- and microeconomic levels’ [3, p. 41];

4) according to S. Yerokhin, the structural policy is a set of measures that influence the balance of the industrial capacity, industrial and inter-industrial proportions [4, p. 53].

5) M. Jakubovskyi proves that the structural policy is a set of government measures to identify the strategic goals and current priorities of restructuring and to ensure their achievement by the means of both economic and administrative legal impacts [5, p. 10].

We believe that the structural policy is a component of the state economic policy, which includes scientifically accepted methods and measures for optimal rebuilding of the economic system and provides formation

of the balanced and efficient proportion of its interrelated elements to ensure positive dynamics in their development.

Modern transformations in the global economy raise challenges, the ability to respond to which will actually determine the prospects for parity integration of the Ukrainian economy towards into the world economy and the implementation of the strategic national interests in the process of expanding the economic cooperation with the EU. Ukraine's membership in the EU opens an access to a number of previously inaccessible instruments and methods to stimulate economic processes, such as the European structural and investment funds, the Cohesion Fund, the European Financial Stabilization Mechanism, the supporting mechanism for balance of payments and others.

Ukraine's accession to the Economic and Monetary Union requires a tight fiscal, macroeconomic and macro-financial discipline, actions clearly coordinated with other Member States and, ultimately, the significant loss of sovereignty in a number of positions in the monetary policy and other economic fields. However, the achievement of this level of the European integration provides an access to the newly established European Financial Stability Fund and other anti-crisis solidarity mechanisms, and the opportunity to initiate implementation of the new and specific instruments [6, p. 90].

Now the process of Ukraine's integration into the world economy is accompanied with an unfavourable export structure, and therefore, an unpromising international specialization model. Its main features are associated with the fact that Ukraine is focused on supplying the international markets with the goods and services which are relatively low-dynamic and tend to reduce their shares in the global sales of goods and services. However, these are markets with the fierce price competition and where price advantages can be given very quickly to other countries, especially when restrictive, discriminatory trade and economic measures are applied to the certain country. Preserving of current structure of Ukrainian exports is short-sighted because the main exporters require radical restructuring of production. At the same, time extremely low supplies to the highly dynamic markets that determine the global economic outlook, i.e. markets that are characterized, first of all, by inefficient forms of competition and increased stability of competitive advantages [7; 8].

The development of the structural policy of Ukraine should consider manifestations of globalization and current trends towards structural reorientation of the EU countries; especially it refers to the compliance with the terms and conditions of the 'Accession Partnership' (AP). According to the provisions of this document, the structural policy is subject to approval in such fields as: telecommunication and information technologies; free movement of commodities; customs unions; competition policy; transport policy; power energy; free movement of capital; free movement of services. The provisions of the AP pay special attention to the indicators of the so-called 'real convergence' related with the measurement of GDP and its structure. The comprehensive

analysis of the economy state of the candidate country for joining the EU is aimed at proving its ability to resist pressure from the strong competitive market, feeling confident in the common European space and maintaining its role in the international division of labour [9]. The core aspect in terms of the actual European integration is the fulfilment of the requirements for nominal and real convergence. When developing the structural policy strategy of Ukraine aimed at efficient integration of domestic economy into the European Economic Area, the extremely important task is to fulfil the initial requirements of the convergence.

In today's world of economic relations the research of prerequisites and features of efficient implementation of the structural policy, which is adapted to the real economic needs and has efficient mechanisms for its implementation, becomes increasingly relevant. Such structural policy provides stable development of the national economy and improves its integration capabilities, which enable efficient integration of Ukraine into the European Economic Area. The optimal economy structure ensures not only the efficient interaction with external markets, but also synchronizes the economic development with the integrated economic area.

Fulfilment of the requirements of international agreements and the EU convergence as a priority direction of foreign economic development of Ukraine becomes highly important. Therefore, researches in this area attain more relevance with the increasing importance of adapting the economic structure of Ukraine to the real prospects of the European integration.

References

1. Kavtysh O. (2013), Structural policy as a basis for modernization of the national economy in today's conditions, Economic Bulletin of Kyiv Polytechnic Institute under the National Technical University of Ukraine. No. 10, pp. 16-22.
2. Melnychenko O. (2012), Specifics of structural changes and structural policies, Actual problems of public administration, No. 2, pp. 15-21.
3. Bila S. (2001), Structural policy in the system of state regulation of the transformational economy: Monograph, UDDU Publishing Company, Kyiv.
4. Yerokhin S. (2007), Financial and economic mechanism of industrial policy, Actual problems of economics. No. 3, pp. 52-56.
5. Yakubovskyi M. (1999), Restructuring of the economy: investment aspect, Monitoring of investment activity in Ukraine. No. 4, pp. 10-20.
6. Boiar A. (2011), Anti-crisis policy of the European Union in the period of 2008 to 2010: Lessons for Ukraine, Collection of Scientific Works of the National University of the State Tax Service of Ukraine. No. 1, pp. 77-92.
7. Heiets V. (2003), Ukraine's economy: strategy and policy for long-term development / Phoenix, Kyiv.
8. Sluchynska I. (2004), Strategic directions of the external economic development of Ukraine and priorities for foreign trade regime formation, Bulletin of Kyiv International University, Issue 3.
9. Bila, S. (2002), Structural policy in the state regulation of the economy in terms of social transformation, The author's thesis for getting the degree of Doctor of Economics, Kyiv.

Ксения Чичулина **Kseniya Chichulina**
кандидат технических наук, доцент *PhD in Engineering, Associate professor*
Полтавский национальный технический университет им. Ю.Кондратюка
Poltava National Technical Y. Kondratyuk University
Полтава, Украина *Poltava, Ukraine*

ПОНЯТИЯ И ПРИНЦИПЫ ФОРМИРОВАНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ КАТЕГОРИИ «ЗАТРАТЫ»: ОПЫТ УКРАИНЫ

Экономика как наука постоянно развивается, совершенствуется, формируются новые научные направления исследования. Особенное место в этом процессе занимают затраты, поскольку они влияют не только на себестоимость продукции и ее цену, но и на объем прибыли и всю хозяйственную деятельность предприятия и на его функционирование в будущем. Изучение развития понятия «затраты» как экономической категории является важным шагом в исследовании их сущности.

Эволюция знаний о затратах имеет свою историю, этапы становления. В частности, выделяют четыре этапа развития знаний о затратах:

– первый этап – публичная отчетность о затратах, исследованиях, учете и контроле затрат на хозяйственном и государственном уровнях (XXVIII-II вв. до н.э.);

– второй этап – осуществление попыток раскрыть суть понятия «затраты», появление разных теорий затрат (XIV-XIX вв.);

– третий этап – использование математических методов у теории, исследования поведения затрат, изучение затрат как объекта учета и контроля (XX в.);

– четвертый этап – возникновение нового направления, а именно управления затратами (конец XX – начало XXI вв.) [1].

В частности, понятия затраты и представления о них развивались в трудах таких ученых экономистов: А. Смита, Д. Рикардо, К. Маркса, У. Пэтти, А. Маршалла и других.

Основные положения экономической категории затрат производства, как отмечает О.В. Олейник [2], рассматривая их с точки зрения теории трудовой стоимости, которая основывается на двух принципиальных категориях, – затраты производства и дополнительные затраты.

Затраты производства представляют собой затраты на производство, которые должны понести организаторы предприятия с целью создания товаров и следующим получением прибыли. Категория дополнительных затрат связана с процессом реализации товаров, к которым относятся дополнительные затраты (расходы на упаковку, сортировку, транспортировку и хранение товара). [3] Затраты производства и дополнительные рассматривают в процессе формирования по их основным

элементам в производственном процессе. Также выделяют затраты на ремонт основных средств, разделяя его на капитальный и текущий.

Согласно теории А. Смита существует другой подход к трактовке понятия «затраты», который изложен в теории стоимости. Стоимость товара рассматривают как сумму таких составляющих: заработная плата, прибыль и земельная рента. А. Смит отмечает, что «стоимость, которую рабочие добавляют к стоимости материалов распределяется сама на две части, из которых одна идет на оплату их заработной платы, а вторая – на оплату прибыли их предпринимателя на весь капитал, какой он авансировал в виде материалов и заработной платы» [3].

Последователем А. Смита в его научных исследованиях является Д. Рикардо, который утверждал, что стоимость товара, зависит от относительного количества труда, а не от заработной платы, которая платится работнику за его работу[4].

Значительный взнос в исследование категории «затраты» сделали представители неоклассической школы. А. Маршалл предложил новое понимание понятия «расходы производства», исключив из них расходы на средства производства и включив в них прибыль. На основе этого можно сделать вывод, что заработная плата и прибыль растут параллельно увеличению производства. Кроме того, А. Маршалл отождествляет прибыль с процентом, уровень которой определяется спросом и предложением капитала.

Американский экономист Е.Х. Чемберлен утверждал о нетождественности расходов производства, отпускной цены производителя и расходов на сбыт с разницей между конечной розничной ценой и ценой производителя. Он отмечал, что расходы не заканчиваются затратами на производство товара в пределах завода или фабрики, что, по существу, можно отнести к дополнительным затратам, поскольку еще предприятие несет затраты на транспортировку, сортировку, хранение и доставку товаров.

В конце XIX в. появляется ряд новых концепций. У маржиналистов (Менгер, Визер) затраты появляются как психологическое явление, основанное на предельной необходимости, то есть сумма средств, которые платит фирма за приобретенные факторы производства, определяется предельной необходимостью. Как отмечают В.П. Сухораб, С.М. Ксендз, понятие «затраты» у маржиналистов рассматривается как функция от масштаба производства [4].

Австрийский теоретик Ф.Визер разработал субъективную теорию затрат альтернативных возможностей, согласно которой действительные затраты производства данного товара уровни наивысшей необходимости тех благ, которые общество могло бы получить, если бы по-другому использовало отмеченные производственные ресурсы. Визер рассматривает

затраты как своеобразную необходимость. Согласно закона Визера – стоимость затрат является производной от стоимости продукта [5].

На современном этапе существуют разные подходы к понятию затрат, которое вызвано, как считает О.В. Павелко, тем, что расходы рассматриваются с двух позиций: «приобретение средств производства и с позиции использования в процессе производства» [6]. Представители современной экономической теории (Макконнел, Стэнли Л. Брю, Эдвин Дж. Долан и Дейвид Линдсей) в своих исследованиях, рассматривая сущность затрат, учитывают ограниченность ресурсов и возможность альтернативного использования.

Американский экономист К.Р. Макконнел базирует понятие «затрат» на понятиях ресурсы и альтернативном их использовании. То есть экономические или временные затраты любого ресурса для производства товаров, уровни его стоимости или ценности считаются при наилучшем из возможных вариантов использования. Такая концепция затрат была визуализирована в кривой производственных возможностей.

Также К.Р. Макконнел рассматривал экономические затраты с позиции отдельного предприятия, а именно, экономические затраты – это выплаты, которые фирма должна сделать, или те доходы, которые фирма должна обеспечить поставщику ресурсов для того, чтобы отвлечь эти ресурсы от использования в альтернативных производствах. Такие затраты могут быть как внешними, так и внутренними. Все выплаты, которые предприятие несет из собственных ресурсов в пользу посторонних лиц, считаются затратами внешними. Затраты на собственные и самостоятельно используемые ресурсы являются неоплачиваемыми, или внутренними.

На основе исследованного материала выявлено, что ученые трактуют понятие затрат из разных подходов. В трудах современных экономистов сущность понятия «затрат» раскрывается следующим образом (табл. 1).

На основе таблицы 1, выявлено что большинство ученых затраты трактуют как совокупность понесенных расходов для изготовления продукции (работ, услуг). Однако некоторые экономисты рассматривают затраты, как средства, которые нужно оплатить за приобретенные оборотные и необоротные активы. С этим можно не согласиться, ведь, это лишь средства которые платит предприятие для обеспечения непрерывности и эффективности ведения хозяйственной деятельности, и они не влияют непосредственно на финансовый результат. Их влияние на прибыль можно проследить при списании оборотных активов на производство, а необоротных активов – в виде амортизации, которая частями списывается на готовую продукцию, если эти необоротные активы задействованы в процессе производства, или на финансовый результат для определения прибыли или убытка за отчетный период.

Таблица 1

**Определение понятия «затраты» как экономической категории
в трудах современных украинских ученых**

Источник	Определение понятия «затраты»
Давидович И.Е.	Затраты – выраженные в денежной форме текущие расходы трудовых, материальных, финансовых и других видов ресурсов на производство продукции [8].
Грещак М.Г., Коцюба О.С	Затраты – это объем использованных ресурсов предприятия в денежном измерении для достижения определенной цели [5].
Осовська Г.В., Юшкевич О.О., Завадський Й.С.	Затраты предприятия – формируются в процессе использования ресурсов при осуществлении определенной его деятельности и определяются как сумма уменьшения стоимости активов или уменьшения собственного капитала (убыток) [9].
Рясных Е.Г.	Затраты – это выраженное в деньгах потребление товаров и услуг для изготовления производственной продукции за определенный период [10].
Непочатенко О.О.	Затраты – денежная оценка материальных и трудовых ресурсов, которые связаны с производством и реализацией продукции, предоставления услуг [11].
Мельник Л.Г., Каринцева О.	Затраты – это прямые и косвенные расходы, фактические и возможные выплаты или упущенная выгода, необходимые для того, чтобы привлечь и удержать ресурсы в пределах данного направления деятельности [12].
Кулишов В.В.	Затраты – это уменьшение экономических выгод в виде выбытия активов или увеличения обязательств, которое приводит к уменьшению собственного капитала [13].
Нуреев Р.М.	Затраты – все, что производитель (фирма) закупает для использования с целью достижения необходимого результата [14].
Онисько С.М., Марич П.М.	Производственные затраты – это потребление в процессе производства средства производства, которые воплощают в себе прошлый труд (сырье, материалы, амортизацию основных средств, труд рабочих, занятых в процессе производства) [15].
Кривенко К.Т., Савчук В.С., Беляев О.О.	Затраты – денежное выражение использования производственных ресурсов, в результате которого осуществляется производство и реализация продукции [16].
Турило А.М., Кравчук Ю.Б., Турило А.А.	Затраты – это стоимостное выражение абсолютной величины примененно-употребленных ресурсов, необходимых для осуществления им поставленной цели [17].

Таким образом, на основе проведенного анализа научных разработок относительно понятия «затраты» можно определить, что затраты предприятия как экономическая категория – это денежные, трудовые, материальные и нематериальные ресурсы, которые использованы в течение определенного периода в его хозяйственном процессе.

Категория «затраты» является чрезвычайно важной в хозяйственной деятельности предприятия. Расходы определяют результаты его деятельности, влияют на объемы его налогообложения, в конечном итоге, –

на макропоказатели экономической среды. Поэтому регламентация понятия «расходы» в украинской законодательной базе является обязательной. Согласно нормативно-правовой базы Украины понятие «расходы» трактуется так: (табл. 2).

Таблица 2

Определение понятия «затраты» согласно нормативно-правовой базы Украины

Определения
Затраты – уменьшение экономических выгод в виде выбытия активов или увеличения обязательств, которые приводят к уменьшению собственного капитала (за исключением уменьшения капитала за счет его исключения или распределения владельцами) за отчетный период. [18].
Затратами отчетного периода признаются или уменьшение активов, или увеличение обязательств, которое приводит к уменьшению собственного капитала предприятия (за исключением уменьшения капитала в результате его исключения или распределения владельцами), при условии, что эти затраты могут быть достоверно оценены.[19].
Затраты – сумма любых затрат плательщика налога в денежной, материальной или нематериальной формах для осуществления хозяйственной деятельности плательщика налога, в результате которых происходит уменьшение экономических выгод в виде выбывания активов или увеличения обязательств, в результате чего происходит уменьшение собственного капитала (кроме изменений капитала за счет его исключения или распределения владельцем) [20].

На основе ранее проведенных исследований [21] и результатов данной работы было выявлено, что затраты предприятия являются сложной экономической категорией, которая требует дополнительного изучения через проведение их классификации, – разделению их на классы на основе определенных общих признаков объектов и закономерных связей между ними.

Анализ украинского опыта в системе формирования и определения составляющих затрат имеет большое значение для экономического развития других стран, в том числе и стран Балтийско-Черноморского региона. В новых экономических условиях очень важен процесс появления новых интеграционных связей, по этому предложенная тематика вызывает особый интерес с целью обмена опытом.

Литература

1. Грещак М. Г., Коцюба О. С. Управління витратами: Навч.- метод. посібник. – К.: КНЕУ, 2008. – 131с.
2. Леонов Я.В. Система управління витратами як фактор підвищення конкурентоспроможності [Електронний ресурс] / Я.В. Леонов // Бюлетень Міжнародного Нобелівського економічного форуму. – 2010. – № 1(3). Том 2. – Режим доступу: http://archive.nbuv.gov.ua/portal/Soc_Gum/bmnef/2010_1_2/24.pdf.
3. Гринчуцький, В.І. Економіка підприємства: навч. посібник / В. І. Гринчуцький, Е. Т. Карапетян, Б. В. Погрішук. – К. : Центр учбової літератури, 2010. – 304 с.

4. Бланк І. А. Фінансовий менеджмент: навчальний посібник. – 2-вид., перероб. і доп. – К.: Ельга, Ніка-Центр, 2009. – 521 с.
5. Грещак М. Г., Коцюба О. С. Управління витратами: Навч.- метод. посібник. – К.: КНЕУ, 2008. – 131с.
6. Власюк Г. В. Теоретичні аспекти управління витратами виробництва на підприємствах у ринкових умовах/ Г. В. Власюк // Держава та регіони. Серія: Економіка та підприємництво. – 2012. – № 6. – с. 98 – 103.
7. Бойко Є.І. Удосконалення системи управління витратами на підприємствах / Є.І. Бойко // Науковий вісник НЛТУ України. – 2008. – С. 139.
8. Давидович І. Є. Управління витратами: Навчальний посібник. / Давидович І. Є. – К. : ЦУЛ. – 2008. – 320с.
9. Осовська, Галина Володимирівна Економічний словник / Г. В. Осовська, О. О. Юшкевич, Й. С. Завадський. – К. :Кондор, 2009. – 358 с.
10. Рясних Є. Г. Основи фінансового менеджменту: навч. посіб. / Є.Г. Рясних. – К.: Академвидав, 2010. – 336 с.
11. Непочатенко О. О. Фінанси підприємств : навчальний посібник для студентів вищих навчальних закладів / О. О. Непочатенко. – К. : Центр учбової літератури, 2011. – 322 с.
12. Мельник Л.Ю. Фактори впливу на прибутковість аграрних підприємств / Л.Ю.Мельник, М.П.Макаренко, Л.Л.Мельник // Економіка АПК. – 2010. – № 5. – С. 79 – 86.
13. Іванюта П.В. Управління ресурсами та витратами : навчальний посібник / П.В.Іванюта, О.П.Лугівська ; за ред. Іванюти С.М. – 2-ге вид. – К. : ЦУЛ, 2011. – 320 с.
14. Адаменко Т. М. Особливості стратегічного управління затратами підприємства / Т. М. Адаменко // Економіка. Менеджмент. Підприємництво. – 2011. – № 23. – С. 100 – 106.
15. Власюк Г. В. Удосконалення обліку й аудиту витрат і доходів сільськогосподарських підприємств/ Г. В. Власюк// Держава та регіони. Серія: Економіка та підприємництво. – 2009. – № 4. – с. 29 – 33
16. Крушельницька О. В. Удосконалення системи управління витратами на підприємствах / О. В. Крушельницька // Вісник ЖДТУ.– 2010.– № 1.– С. 125 – 129.
17. Турило А.М. Управління витратами підприємства : навч. посібн. / А.М. Турило, Ю.Б. Кравчук, А.А. Турило. – К. : Центр навч. літ-ри, 2006. – 120 с.
18. Положення (Стандарт) бухгалтерського обліку № 3 «Звіт про фінансові результати» , затверджене наказом Міністерства фінансів України № 87 від 31.03.99 р. <http://zakon2.rada.gov.ua/laws/show/z0397-99>.
19. Положення (Стандарт) бухгалтерського обліку № 16 «Витрати». Затверджені наказом Міністерства фінансів України від 31.12.1999 р. № 318. <http://zakon4.rada.gov.ua/laws/show/z0027-00>.
20. Податковий кодекс України від 02.12.2010 р. (з останніми змінами та доповненнями від 09.04.2015р.). – Режим доступу: <http://zakon2.rada.gov.ua/laws/show/2755-17>.
21. Чичуліна К.В., Петровець О.С., 2015 рік, Удосконалення системи управління витратами на сільськогосподарських підприємствах [Електронний ресурс] / К.В. Чичуліна, О.С. Петровець // Ефективна економіка. – 2015. - № 5. – Режим доступу до журналу: <http://www.economy.nayka.com.ua>.

Татьяна Дмитриева **Tatsiana Dzmitryieva**
кандидат исторических наук, доцент *PhD in History, Associate professor*
Белорусский государственный университет *Belarusian State University*
Минск, Беларусь *Minsk, Belarus*

ПРОБЛЕМЫ И ПУТИ ПОВЫШЕНИЯ КОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТИ НАЦИОНАЛЬНОГО ТУРИСТИЧЕСКОГО ПРОДУКТА БЕЛАРУСИ

Индустрия туризма, представляющая собой часть хозяйственной системы, прямо или косвенно участвующей в производстве, продвижении и реализации туристического продукта, развивается под воздействием общеэкономических факторов и тенденций. Однако во многом следуя им, туристическая индустрия обладает целым рядом специфических черт, причина возникновения которых в особенностях туристической услуги и турпродукта как товаров. Последнее отражается на основных характеристиках туристического рынка – спросе и предложении, – на механизмах его функционирования, а, следовательно, требует определения новых, зачастую оригинальных подходов в таких вопросах как государственное регулирование, рыночное саморегулирование, управление инвестициями, участие в глобальных процессах и др.

Проведенное исследование актуальных проблем туристической индустрии Беларуси свидетельствует о наличии целого ряда проблем ее функционирования. Их появление связано как с неполной сформированностью институтов рынка туристических услуг в Беларуси и недостаточной развитостью международного туризма как вида хозяйственной деятельности (отсюда, отсутствие собственных финансовых средств у предприятий индустрии, слабость туристических брендов и торговых марок и др.), так и с низким платежеспособным спросом населения, значительным отложенным спросом на туристические услуги, низкой конкурентоспособностью белорусского национального туристического продукта. Рост выездного туризма в Беларуси за счет улучшения благосостояния основной массы населения, и параллельный рост специализации национальных туристических центров на приеме самого «высокого» и самого «низкого» сегментов внутреннего потребительского рынка подрывает конкурентные позиции Беларуси как туристической дестинации, приводит к понижению конкурентной борьбы в сегменте выездного туризма до ценового уровня.

Данные тенденции имеют ряд серьезных негативных последствий – прежде всего, снижение рентабельности производства выездного туристического продукта (особенно, в направлении массовых дестинаций) и инвестиционной привлекательности национальной туристической

индустрии; все большей тенизации туристической деятельности; снижению качества предлагаемого туристического продукта.

Независимо от отношения власти и экономической элиты государства к процессу глобализации и вызываемым им последствиям, глобальные тенденции (особенно в отношении рынка туристических услуг) превратились в объективное условие осуществления внешнеэкономической деятельности, которое необходимо учитывать с целью получения максимальной выгоды для национальной туристической индустрии. Залог этого – в постоянном наращивании конкурентоспособности отечественного туристического продукта и туристического производства.

Конкурентоспособность туристического продукта Беларуси и белорусского туристического бизнеса в современных условиях остается крайне невысокой, неспособной использовать значительный туристический потенциал страны. Наметившийся за последние три-четыре года стремительный рост въезда в Беларусь иностранных граждан более чем на 80% определяется посещениями страны жителями стран СНГ (в первую очередь – России), которые в подавляющем большинстве случаев туристами в полном смысле этого слова не являются, а также деловыми путешественниками, не склонными в настоящее время к активному потреблению услуг белорусской туристической отрасли.

На основе анализа статистических данных можно выделить следующие первоочередные проблемы конкурентоспособности национального туристического продукта Беларуси:

- перманентный рост стоимости въездного и внутреннего туристического продукта;
- низкое качество предлагаемых туристам услуг; монополизация отдельных рынков и сфер деятельности (санаторно-курортная, транспортная, гостиничная и др.);
- неэффективные меры по продвижению туристического продукта на зарубежном и внутреннем рынках;
- архаичная и не соответствующая потребностям туризма система туристических формальностей (визовых, таможенных, пограничных и др.);
- несовершенная система налогообложения в сфере туризма;
- отсутствие единых стандартов качества туристических услуг;
- нехватка квалифицированного персонала и др.

В повышении конкурентоспособности национального туристического производства большая роль должна принадлежать государственному регулированию. На основе результатов научных исследований природы и границ государственного присутствия на туристическом рынке, анализа опыта стран-лидеров мирового туризма, возможно определить основные направления и инструменты государственного регулирования, среди которых особенно выделяются государственные инвестиции и государственный заказ

(социальный туризм), а также регулирование, основанное на принципе воздействия государства на «резонансные» точки туристического рынка – модель, комбинирующая регулирование и рыночную самоорганизацию.

Исследование института саморегулирования, а также особенностей туристического бизнеса в Беларуси, определило неподготовленность предприятий туристической индустрии и их объединений к полному принятию на себя регулятивных полномочий государства по многочисленным причинам – от неоднородности субъектов туристической деятельности до возможностей злоупотреблений в наделенных регулируемыми полномочиями структурах. В качестве основных «резонансных» точек рынка, к воздействию на которые необходимо в дальнейшем свести государственное присутствие, можно выделить иностранные инвестиции в национальную туристическую индустрию и программы государственного маркетинга на рынке туристических услуг.

Иностранные инвестиции способны решить ряд проблем, актуальных и для белорусской сферы туризма. Они обеспечивают приток денежных средств, способствуют совершенствованию национальной инфраструктуры туризма, стимулируют обмен современными технологиями туристического производства, продвижения и реализации туристического продукта, обеспечивают высокий сбыт национального турпродукта на внешних рынках (прежде всего, благодаря перспективе включения белорусских туристических продуктов в известные на иностранных рынках бренды).

С другой стороны, истинные интересы иностранных инвесторов национальной туристической индустрии, заключающиеся не в приобретении конкурентных преимуществ туристического производства и не в выходе на внутренний белорусский рынок, а в получении доступа к национальным туристическим ресурсам и дальнейшей экспортной ориентации нового туристического производства, требуют четко выработанной государственной политики в сфере иностранного инвестирования национального туризма. Отсюда – необходимость разработки модели осуществления иностранных инвестиций в национальную туристическую индустрию, способствующих с одной стороны, максимальному учету национальных интересов страны, и с другой, не ущемляющих интересы потенциального инвестора.

Мероприятия, направленные на содействие власти предпринимателям в сфере туризма, на установление партнерских отношений между сторонами в процессе популяризации национального туристического продукта на внутреннем и внешнем рынках, повышения рентабельности национальной туристической индустрии принято классифицировать как государственный макромаркетинг. Макромаркетинг на рынке туристических услуг в Беларуси должен включать в себя проведение маркетинговых исследований с дальнейшим принятием решений

относительно конкурентных преимуществ национального туристического продукта; признаках его дифференциации и позиционирования в сознании внутренних и иностранных потребителей; круга проблем национальной туристической индустрии и путей их решения; потенциальных рынков и инструментов продвижения турпродукта на них.

Литература

1. Котлер Ф., Асплунд К., Рейн И., Хайдер Д. Маркетинг мест. Привлечение инвестиций, предприятий, жителей и туристов в города, коммуны, регионы и страны Европы / Ф. Котлер, К. Асплунд, И. Рейн, Д. Хайдер. – СПб: Стокгольмская школа экономики в Санкт-Петербурге, 2005. – 376 с.
2. Портер М.Э. Конкурентная стратегия / М.Э. Портер. – М.: Альпина Паблишер, 2011. – 453 с.
3. Gospodarka turystyczna w XXI wieku: szanse i bariery rozwoju w warunkach integracji międzynarodowej / pod red. S. Bosiackiego, J. Grella. – Poznań: AWF, 2004. – 437 s.
4. Turystyka jako czynnik wzrostu konkurencyjności regionów w dobie globalizacji / red. nauk. G. Gołembski. – Szczecin: Forum turystyki regionów, 2008. – 371 s.

Вера Чевганова **Vira Chevhanova**

кандидат экономических наук, *PhD in Economics, Professor*
профессор

Полтавский национальный технический университет им. Ю.Кондратюка
Poltava National Technical University
Poltava, Ukraine

Инна Миняйленко **Inna Miniailenko**

Полтавский национальный технический университет им. Ю.Кондратюка
Poltava National Technical University
Poltava, Ukraine

ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ УПРАВЛЕНИЯ ПРОСТРАНСТВЕННЫМ РАЗВИТИЕМ ЕВРОПЕЙСКИХ СТРАН

Современная система пространственного развития экономики Украины характеризуется усилением глобализационных процессов, быстрым обновлением производства, внедрением инноваций, которые влияют на экономический рост страны. Современный мир демонстрирует увеличение роли пространства в общественном развитии. Сама категория «пространственного развития» возникла в Европе, Канаде, а потом в США в начале 1970-х гг. Пространство является сложной био-, социо-, экономической системой, не совокупностью видов деятельности, не

площадью города, региона или страны, а формой координации динамического процесса количественных и качественных изменений всех составляющих системы с учетом их взаимосвязей [1].

Переход к пространственному развитию – это глобальный процесс, в котором каждая страна должна скоординировать с мировым сообществом направления построения новой цивилизационной модели страны.

Пространственное развитие любой страны это такое функционирование её экономики, которое одновременно обеспечивает удовлетворение возрастающих духовных и материальных потребностей населения, рациональное и экологобезопасное хозяйствование, высокоэффективное использование природных ресурсов, поддержание нормальных для здоровья человека природно – экологических условий жизнедеятельности, сбережение и приумножение качества окружающей среды. Другими словами, пространственное развитие обеспечивает экономическую безопасность страны, которая гармонизирует его пространственно – временные характеристики жизнеобеспечения общества без уничтожения, деградации и загрязнения природы.

Спектр этих вопросов был рассмотрен на Европейских конференциях министров, ответственных за пространственное планирование (СЕМАТ) Совета Европы. Цель деятельности СЕМАТ – обеспечение устойчивого развития Европейского континента в пространственном измерении. Основные положения резолюций конференций должны быть учтены при построении новой модели пространственного развития экономики регионов страны. По результатам проведенных исследований и перспективных научных разработок СЕМАТ также идентифицирует, изучает и сравнивает конкретные проекты стран-членов Совета Европы по вопросам реализации политики в области устойчивого пространственного развития.

Во время первой Европейской конференции министров, ответственных за пространственное / региональное планирование (Бонн, ФРГ, 9-11 сентября 1970 г.), упор делался на ответственность национальных правительств по реализации мероприятий в области пространственного планирования территорий и на европейское измерение вопросов пространственного развития. Было решено, что этот вопрос следует рассматривать в контексте будущего европейского общества и улучшения качества жизни граждан. Его целью было провозглашено служение интеграционным процессам в Европе.

Признавая этот вопрос «одной из важнейших задач в своей деятельности», министры согласились, что планирование должно осуществляться путем развития наименее развитых районов, экономической интеграции районов, разделенных границей, и достижения баланса между городскими и сельскими районами. Конференция приняла во внимание основные факторы развития системы сбалансированного

развития в странах Европы: качество окружающей среды; сохранение баланса между урбанизированными и аграрными регионами; проблемы развития сельских районов; специфические проблемы, присущие некоторым отдельным регионам (пограничные, горные регионы и т.д.); проблемы развития периферийных (депрессивных) районов; развитие сетей связи и транспорта; участие населения в жизни местных общин.

Во время второй сессии Европейской конференции министров, ответственных за региональное / пространственное планирование (Ла Гранд Мотт, Франция, 25-27 сентября 1973 г.), были конкретизированы долгосрочные цели для местного и регионального развития, основными из которых были определены вопросы улучшения человеческого благосостояния и экономический рост. Министры подчеркнули необходимость обеспечения в регионах Европы высокого уровня социальных и экологических стандартов, занятости и оплаты труда граждан; содействие развитию всех периферийных регионов, находящихся в опасности; защиты окружающей среды от всех форм загрязнения и негативных воздействий.

Было отмечено, что для достижения поставленных целей реализация политики регионального / пространственного планирования в Европе должна осуществляться на основе демократичности, функциональности, ориентации на долгосрочную перспективу с привлечением соответствующих групп населения и их избранных представителей. Она также должна принимать во внимание региональное сознание, стремиться обеспечить благосостояние каждого человека и процветания всех общин, а также осуществлять анализ долговременных экономических, социальных, культурных, экологических и других явлений (факторов) в рамках реализации перспективного планирования.

Обращая внимание на проблемы, связанные с управлением городами в контексте общего планирования, министры в г. Бари (Италия) 21-23 октября 1976 г. отметили важность решения проблем разрастания городов в контексте комплексных программ регионального планирования; содействия развитию сбалансированной городской структуры на национальном, региональном и местном уровнях; обеспечения рационального использования земель под застройку.

Упомянутая конференция стала логическим продолжением работы, начатой в 1976 г. Ванкуверской конференцией, которая была проведена под эгидой ООН и посвящена вопросам развития человеческих поселений. Она также позволила рассмотреть реальные возможности будущего сотрудничества на основе принципов, заложенных Конференцией по безопасности и сотрудничеству в Европе в Хельсинки в 1975 г.

Встретившись в Вене (Австрия) 5-7 октября 1978 г. в рамках очередной сессии СЕМАТ, министры, ответственные за региональное / пространственное планирование, еще раз подтвердили свое желание

вместе достичь гармоничного пространственного обеспечения человеческой деятельности и сбалансированного развития регионов.

Продолжая начатую в г. Бари работу над исследованием проблем городского (урбанистического) развития, Венская конференция рассмотрела вопрос развития сельскохозяйственных районов: создание равных (высоких) условий для жизни граждан в различных регионах; обеспечение занятости, достойного уровня доходов, бытовых условий, надлежащей работы социальных служб; качественный менеджмент природных ресурсов; учитывание требований экологического баланса и проблем использования восстанавливающихся ресурсов. Достижение этих целей требует разработки программ национального планирования, в том числе схем использования природных ресурсов, которые составляют национальный интерес, а также развития генеральных планов развития территорий.

Во время Лондонской конференции (21-22 октября 1980 г.) были заложены основы интегрированного подхода к решению проблем регионального / пространственного планирования на общеевропейском уровне, а также сделан существенный задел в развитие диалога между Севером и Югом по вопросам сбалансированного устойчивого развития Европейского континента.

19-20 мая 1983 г. в г. Торремолиносе (Испания) была принята Европейская Хартия, в которой определены цели будущих программ пространственного планирования: сбалансированное развитие приморских регионов; интегральное планирование «наземных / морских систем»; контролируемая урбанизация; борьба с загрязнением окружающей среды; контроль за промышленностью; рациональная организация туризма.

На конференции (Гаага, Нидерланды 22-23 октября 1985 г.) были рассмотрены вопросы децентрализации и трансграничного сотрудничества, которые на сегодняшний день являются чрезвычайно актуальными в условиях геополитической нестабильности Украины.

20-21 октября 1988 г. в Лозанне (Швейцария) состоялась восьмая европейская конференция, посвященная рациональному землепользованию.

Учитывая, что земля вместе с другими природными ресурсами, воздухом и водой, являются необходимым и ограниченным ресурсом для обеспечения человеческой жизнедеятельности, а также осознавая тот факт, что земельные ресурсы находятся в опасности, Лозаннская конференция подчеркнула насущную необходимость количественной и качественного защиты земельных ресурсов; признала приоритетным вопрос создания глобальной программы рационального использования земельных ресурсов. Результатом работы конференции были разработанные принципы новой программы землеиспользования, касающиеся вопросов застройки городских районов, развития промышленности, туризма, инфраструктуры, сельского хозяйства, природных ресурсов. Данные разработки должны

быть обязательно учтены при разработке Стратегий развития стран Балтийско-Черноморского региона.

Во время конференции в Анкаре министры, ответственные за региональное / пространственное планирование, приняли резолюцию по совершенствованию механизма рационального землепользования, а также исследованию моделей устойчивого развития, которые бы позволили скоординировать деятельность в сфере пространственного планирования.

В течение 10-й сессии СЕМАТ, которая была проведена в г. Осло, министры подчеркнули, что социальное и экономическое сотрудничество в развитии общей Европы нуждается, прежде всего, в определении долгосрочных целей политики устойчивого развития. В то же время необходимо учесть требования экономического развития, социальные проблемы, потребности обеспечения устойчивого использования природных ресурсов, увеличение численности населения (демографические проблемы) и др. Были поставлены задачи: проанализировать различные модели координации политики пространственного развития на европейском уровне с целью определения общих целей пространственного планирования и стратегий, которые помогут воплотить в жизнь Европейскую концепцию устойчивого развития; определить будущие европейские стратегии устойчивого и рационального развития территорий, что позволит объединенной Европе ответить на вызовы, с которыми ей пришлось столкнуться в начале XXI в. Особое внимание было уделено вопросу сотрудничества между муниципалитетами приграничных районов, что сейчас особенно актуально для Украины, учитывая её европейский выбор развития.

На конференции в Лимассоле (Кипр) было продолжено изучение вопросов устойчивого развития в Европе с учетом необходимости определения общих подходов к региональному планированию (16-17 октября 1997 г.). Было решено улучшить сотрудничество между различными секторальными программами, чтобы согласовать секторное развитие с принципами устойчивого развития. В резолюции конференции было предложено рассмотреть возможные пути управления водными ресурсами и охраны питьевой воды. Признавая воду бесценным ресурсом, необходимым для существования любой формы жизнедеятельности, европейские министры подчеркнули, что обеспечение доступа к воде является одной из основных задач политики регионального планирования. Для этого необходимо разработать глобальную и рациональную европейскую стратегию, направленную на обеспечение долгосрочной защиты и эффективного менеджмента водных ресурсов. Разработка такой стратегии требует реализации соответствующих скоординированных мероприятий на европейском, национальном и региональном уровнях.

7-8 сентября 2000 г. в Ганновере (Германия) были рассмотрены и приняты Руководящие принципы устойчивого пространственного развития Европейского континента; сформированы новые проекты, мероприятия и программы сотрудничества в этой области на европейском уровне.

Тринадцатая Европейская конференция министров, ответственных за пространственное / региональное планирование (СЕМАТ), которая была проведена в Любляне (Словения) 16-17 сентября 2003 г., стала одним из важнейших политических событий Европы, в контексте внедрения Руководящих принципов устойчивого пространственного развития Европейского континента. Были приняты резолюции по государственно-частному партнерству в реализации политики пространственного развития; по предотвращению наводнений и улучшению координации действий, направленных на минимизацию последствий стихийных наводнений.

4-я сессия СЕМАТ, которая проходила в Лиссабоне 26-27 октября 2006 г., была посвящена теме «Сетевые структуры для обеспечения устойчивого территориального развития Европейского континента: мосты, объединяющие Европу», а также развития «Паневропейской сети СЕМАТ (регионы инноваций)». Внедрение разработанных проектов в этой отрасли позволило бы экономикам стран Европы получить новое качественное развитие.

11 июня 2009 г. на базе Министерства регионального развития и строительства Украины была проведена международная конференция «Комплексный подход к сбалансированному устойчивому пространственному развитию европейского континента». Мероприятие было организовано совместно с Советом Европы, Швейцарско-украинским проектом поддержки децентрализации (Desro), Немецким бюро технического сотрудничества в Украине (СТЗ) и Посольством Королевства Норвегия в Украине. Целью конференции, как составной части Рабочей программы СЕМАТ на 2007-2010 гг., являлась популяризация интегрированного подхода к региональному планированию.

В 2010 г. в России состоялась 15-я сессия СЕМАТ, тема которой «Будущие вызовы: устойчивое пространственное развитие Европейского континента в изменяющемся мире».

Сегодня мир действительно изменился. Политическая ситуация стран Балтийско-Черноморского региона не стабильная и неоднозначная (военный конфликт в Грузии, на Донбассе), количество «горячих точек» растёт. Возможный выход Великобритании из ЕС повлияет и на состояние фондовых рынков, и на мировые курсы валют, и на цены на нефть. Это и есть новые вызовы, которые нарушают устойчивость пространственного развития не только Европейского континента, но и мира в целом.

Используя зарубежный опыт построения пространственного формата экономики, Украине необходимо скорректировать стратегию развития на национальном и региональном уровне, которая должна учитывать

экономические, инновационные, социальные и экологические аспекты [2]. В модели пространственного развития регионов страны должны быть учтены оптимальные соотношения структурообразующих видов экономической деятельности, которые обеспечат получение синергетического эффекта, то есть увеличение валового внутреннего продукта Украины, качественное обновление материально-технической базы, улучшение экологической сферы, повышения социальных стандартов и уровня жизни населения.

Литература

1. Збірник «Регіональний розвиток та просторове планування територій: досвід України та інших держав – членів Ради Європи» // В.С. Куйбіда, В.А. Негода, В.В. Толкованов. – Київ. – Видавництво «Крамор». – 2009. – 170с.
2. O. Komelina, I. Miniailenko Strategic Economic Orientations for Spatial Region Developmen //The Advanced Science Journal. – United States. – volume 2014– issue 9, part 2. – p. 139-143.

HISTORY AND CULTURE

Вячеслав Циватый Viacheslav Tsivatyi

кандидат исторических наук, доцент *PhD in History, Associate professor*
Дипломатическая академия Украины Diplomatic Academy of Ukraine
при Министерстве иностранных дел Ministry of Foreign Affairs of Ukraine
Украины, Киев, Украина Kyiv, Ukraine

ТУРЕЦКАЯ РЕСПУБЛИКА В БАЛТИЙСКО-ЧЕРНОМОРСКОМ РЕГИОНЕ XXI ВЕКА: ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКОЕ, ПОЛИТИКО-ДИПЛОМАТИЧЕСКОЕ И ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОЕ ИЗМЕРЕНИЕ ПОЛИЦЕНТРИЧНОГО МИРА

Актуальность данной темы обуславливается резким усилением российско-турецкого политико-дипломатического и институционального противостояния в 2015-2016 гг., что в целом несомненно связано не только со спецификой в данный период двусторонних межгосударственных отношений, но и с углубляющейся глобализацией мирового пространства, трансформацией Балтийско-Черноморского региона и формированием новой модели полицентричного мира в целом.

Турецкая Республика в последние годы заняла позиции регионального лидера и определилась со своей внешнеполитической стратегией в условиях нового полицентричного мира. В тоже время, турецко-российские и турецко-украинские отношения занимают одно из центральных мест во внешней политике официальной Анкары и в значительной мере влияют на формирование её политики в Черноморско-Балтийском, Черноморско-Каспийском, Ближневосточном и других регионах мира, которые имеют для Турции стратегическое значение [1; 2; 3].

Дилеммы внешней политики Турецкой Республики соответственно вызывают и разную реакцию у её соседей, т.е. происходит реакция на эту политику внешних факторов, в т.ч. – и украинского фактора. Ведь смена политических правящих элит в Украине, обострение отношений с Россией вследствие «крымского кризиса» актуализировали проблему определения внешнеполитических приоритетов Турции [4].

Неоспоримо, что Турецкая Республика постепенно преобразуется и превращается на влиятельного игрока в Балтийско-Черноморском регионе – одного из региональных лидеров. Это обстоятельство способствует тому, что исследование развития отношений Турецкой Республики с основными партнёрами и стратегически важными государствами региона, в т.ч. – и государствами постсоветского пространства (Украиной, Латвией, Литвой, Эстонией, Россией), на наш взгляд, является актуальным вопросом.

Чтобы оставаться успешным региональным лидером Турецкая Республика должна исповедовать демократические ценности и инсталлировать современное институциональное виденье в новую модель турецкой дипломатии, а также улучшать имидж страны на международной арене, над чем сейчас и работает современная дипломатическая служба Турецкой Республики.

Перспективным направлением решения многочисленных противоречий и парадоксов может быть применение теории институционализма, которая акцентирует внимание на часовой последовательности трансформаций, регионально-институциональных последствиях и корреляциях соответствующего расхождения социально-политических траекторий развития международно-политических регионов.

Вместе с тем целый ряд обстоятельств, касающихся характера, масштабов, долгосрочности текущего внешнеполитического тренда Турция – Россия, а также масштабов его поддержки в обществе остаются неопределёнными. Но при этом следует подчеркнуть, что текущая политическая ситуация в Украине, оказывающая прямое воздействие на выработку внешнеполитического курса, определяется целым рядом проблемных факторов.

Среди них необходимо выделить следующие факторы: нестабильность существующей социально-политической, институциональной и интеграционной систем управления; отсутствие стратегического видения в рамках украинской правящей элиты; борьба за власть, влияние и лидерство в Украине между региональными и внерегиональными игроками и т.д. Для России развитие ситуации в Украине представляет жизненно важный интерес. В этой связи Россия сохраняет значительные возможности воздействия на выработку внешнеполитического курса Украины, при помощи использования различных механизмов и инструментов, при тесной координации своей политики и активизации сотрудничества с Китаем и с партнёрами по СНГ [5].

В целом можно отметить, что Турция в треугольнике Турция-Россия-Украина, и в Балтийско-Черноморском регионе в целом, ведёт собственную региональную и институциональную игру на балансе противоречивых отношений Россия – Украина. Президент Турции Реджеп Тайип Эрдоган, заявил, что Анкара считает Украину своим стратегическим партнёром и поддерживает её территориальную целостность. Между тем, российско-турецкие взаимоотношения остаются весьма противоречивыми, а предыдущее заявление Эрдогана о стратегическом партнёрстве с Украиной не противоречит его же предыдущим заявлениям в недалёком будущем о стратегическом партнёрстве с Россией.

Такой тип внешнеполитического курса Турции опирается исключительно на дипломатические методы и инструментарий, а также

отдаёт приоритетность в своей внешней политике «мягкой силе» в прямом смысле этого слова: финансовая поддержка, культурные проекты, образовательные проекты, научные проекты, научно-исследовательские программы, помощь бизнесу и т.д. [6].

Разумеется, что подобные государственные проекты не бывают просто благотворительными. Турки неторопливо растят лояльную себе элиту в причёрноморских, кавказских и среднеазиатских государствах, а также и в других постсоветских государствах. «Мы убеждены в необходимости мирных способов решения проблем, даже когда позиции расходятся по важным вопросам. Мы верим в силу дипломатии, а не резкого противостояния», – отметил Посол Турецкой Республики в Украине Йонет Дж. Тезель [7].

Модель турецкой дипломатии дня сегодняшнего и краткосрочная внешнеполитическая стратегия Турции не сориентированы на то, чтобы идти на обострение ситуации в отношениях со своими государствами-соседями в Балтийско-Черноморском регионе. Эти установки основываются на следующих аргументах: во-первых, они учитывают демографический фактор и имеют соответствующие демографические прогнозы; во-вторых, они не видят конструктива и приоритетности в позициях Европейского Союза и США по отношению к Турции.

Отношения между Турцией и Западом сейчас больше напоминают отношения не близких, а настороженно следящих друг за другом союзников. В сегодняшнем внешнеполитическом диалоге Турецкая Республика наверное должна была бы выбрать однозначную позицию или сделать жёсткий выбор – либо полная поддержка Украины, санкции против России, отказ от взаимовыгодного сотрудничества, либо, наоборот, полное прекращение любых контактов с Киевом. Но Турецкая Республика в своих долгосрочных стратегических внешнеполитических планах нацелена на дипломатический конструктив, несмотря на обострение новых политических вызовов и угроз XXI века. Но в этом ей помогает позиция России, которая в отличие от США, не ставит своим экономическим партнёрам никаких условий относительно взаимоотношения с третьими сторонами-государствами, и считает, что это их суверенное право.

Уровень сотрудничества между Турцией и Россией на сегодня определяется институциональными экономическими связями, которые в последние годы оказывают определённое воздействие на политические отношения и дипломатические контакты, стимулируя стороны проявлять искусственную сдержанность при возникновении разногласий по внешнеполитическим проблемам. До последнего времени масштабному росту экономического сотрудничества между Россией и Турцией способствовало также определенное совпадение их планов и взглядов по многим вопросам международной политики, несмотря на то, что обе страны принадлежат к

разным военно-политических блоков, а также имеют расхождения во взглядах на ситуацию вокруг Сирии, Нагорного Карабаха, Абхазии и Крыма.

Стабилизирующим фактором межгосударственных отношений также является то, что Турция не только не присоединилась к западным санкциям в отношении России, но и не собирается следовать рекомендациям западных партнёров по ограничению или минимизации экономических связей с Россией. Хотя, вероятнее всего, это решение продиктовано не столько симпатией прагматичного турецкого руководства к России, сколько перспективами получения дополнительных экономических преференций и возможностью в очередной раз продемонстрировать Западу свою политическую и дипломатическую самостоятельность как регионального актора-лидера.

Будущее турецко-российского и турецко-украинского партнёрства в Балтийско-Черноморском регионе в значительной степени будет зависеть от способности Турции реально совмещать амбициозную политику регионального лидера с обязательствами, взятыми перед западными партнёрами, Россией и Украиной. Поэтому Россия и Турция, Украина и Турция, в новой политической среде искусно институционализировались в политико-дипломатический контент и политико-дипломатическую систему в условиях глобализированного мира и «модельного» партнёрства. Но при этом и Турецкая Республика, и Российская Федерация, и Украина имеют собственные национальные интересы в условиях международной нестабильности XXI в.

Компаративный анализ внешнеполитического курса Турецкой Республики в исторической динамике в контексте региональных геополитических процессов современного мира свидетельствует о поисках Турцией новой конфигурации межинституциональных связей и межгосударственных отношений в регионе Большого Ближнего Востока. При этом, особо пристальное внимание уделяется институционально-дипломатической практике двусторонних отношений Турция – Россия и двусторонних отношений Турция – Украина [8; 9].

Таким образом, на международной арене во втором десятилетии XXI в. происходит смена институционального развития мирового сообщества и парадигмы глобального развития. В условиях полицентричной системы координат межгосударственных отношений происходит углубление политико-дипломатического процесса разрешения конфликтных ситуаций. И по нашему мнению на первое место выдвигается конференционная дипломатия, способная путём достижения консенсуса локализовать и разрешить конфликт. Поиск новой международной институции, которая будет эффективно решать споры и конфликты во всём мире, затянется ещё надолго и фактически может свестись лишь к косметическому реформированию ныне существующей такой международной прима-институции – ООН.

Создание инновационной институции качественно нового уровня – сегодня актуализировалось как никогда. И это прекрасно понимают большинство государств, особенно те, кто оказался на разломах политических материков полицентричного мира и ищут себя в новой системе институциональных координат XXI в. Не исключение на сегодня ни Украина, ни Турция, два соседствующие государства, которые в силу геополитического фактора на сегодня перебивают в одном из центров политической конфронтации и нестабильности.

Сегодня соседняя с Украиной Турция становится ключевой страной в Балтийско-Черноморском регионе, способной сдерживать аннексировавшую Крым Россию от дальнейшей экспансии в регионе Чорного моря и Ближнего Востока. Фактически, вслед за Украиной, которая военными средствами и ценой людских жизней сдерживает российскую гибридную войну на Донбассе, Турция вступила в прямое военное противостояние с путинской Россией. Учитывая изложенные факторы, очень важным является понимание внутривосточных процессов, которые происходят в Турции.

Внешняя политика Турции в Балтийско-Черноморском регионе характеризуется таким близким для украинских экспертов словом как многовекторность. Ее цель – повышение авторитета страны на глобальном и региональном уровнях, для достижения которой официальная Анкара сосредоточила свои усилия на следующих направлениях. На фоне происходящего заметно теплеют отношения Турции с Европейским Союзом. В Брюсселе понимают, что Турция в нынешних условиях играет роль сдерживающего барьера для мощных потоков нелегальных иммигрантов, рвущихся из Сирии в страны Евросоюза.

Внешиполитический курс официальной Анкары в Балтийско-Черноморском регионе XXI века будет определяться задачами внутривосточной повестки дня и решением вопросов экономического развития страны. Поэтому украинцам следует отвыкнуть от использования эмоциональных оценок в сфере внешней политики и безопасности, ведь они мешают объективному анализу происходящих процессов. У Украины должны быть постоянными только национальные интересы. Тогда страна станет понятной для остального цивилизованного мира, давно живущего по таким правилам.

Литература

1. Aksu Fuat. Türk-Yunan İlişkileri, İlişkilerin Yönelimini Etkileyen Faktörler Üzerine Bir İnceleme. Ankara: SAEMK. – 2001.
2. Demir Ali Faik. Türk Dış Politikası Perspektifinden Güney Kafkasya. İstanbul: Başlam Yayınları. – 2003.
3. Türk dış politikasının analizi. – İstanbul, 2016.

4. Мкртычян А.А. Особенности внешнеполитической стратегии и ближневосточная политика Турции в условиях геополитических трансформаций / А.А. Мкртычян // Турция: новые реалии во внутренней политике и участие в региональных геополитических процессах: Сб. научных трудов / под ред. В.А. Аваткова, С.Б. Дружиловского, А.В. Федорченко. – М.: МГИМО-Университет, 2014. – С. 105-135.
5. Давутоглу Ахмет. Региональный поход к глобальному миру / Ахмет Давутоглу // Россия в глобальной политике. – 2010. – № 1. – Режим доступа: <http://www.globalaffairs.ru/numbers/42/13268.html> [30.06.2016].
6. Аватков В.А., Бадранов А.Ш. «Мягкая сила» Турции во внутренней политике России / В.А. Аватков, А.Ш. Бадранов // Право и управление. XXI. – 2013. – № 2 (27). – С. 5-11.
7. Турецкий портал новостей «CNN Türk». – Режим доступа: <http://www.cnnturk.com.tr/ukraine> [16.06.2016].
8. Циватый В.Г. Внешняя политика Турецкой Республики начала XXI века: институционально-дипломатическое измерение региональных геополитических процессов (взгляд из Украины) / В.Г. Циватый // Турция: новые реалии во внутренней политике и участие в региональных геополитических процессах: Сб. научных трудов / под ред. В.А. Аваткова, С.Б. Дружиловского, А.В. Федорченко. – М.: МГИМО-Университет, 2014. – С. 230-240.
9. Чубрикова О. Туреччина в ООН у 2003-2015 роках шлях утвердження держави-лідера / О. Чубрикова // Зовнішні справи. – 2015. – № 12. – Серія «Історичні науки». – С. 13-16.

Татьяна Поликовская **Tatsiana Palikouskaya**
кандидат исторических наук, доцент *PhD in History, Associate professor*
Белорусский государственный экономический университет *Belarusian State Economic University*
Минск, Беларусь *Minsk, Belarus*

ПРОСВЕТИТЕЛЬСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ИЕЗУИТОВ НА БЕЛОРУССКИХ ЗЕМЛЯХ ПОСЛЕДНЕЙ ТРЕТИ XVI – 20-Х ГГ. XIX ВВ.: АСПЕКТЫ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

В современной белорусской исторической науке существует ряд вопросов, которые ждут своих исследователей. К таким проблемам относится история просветительской деятельности иезуитов в Беларуси. На страницах статьи сделана попытка проанализировать историографический вклад темы, представить проблему как целостный процесс. В результате были выделены основные этапы становления и развития отечественной историографии проблемы, показаны их особенности и специфические черты. Также автором выявлены основные идеологические факторы становления исторической мысли по данной теме, отражены основные направления исследования проблемы,

определены неразработанные, малоисследованные аспекты истории просветительской деятельности иезуитов в Беларуси.

Историография истории культурно-просветительской деятельности монашеского католического ордена иезуитов на белорусских землях в последней трети XVI – 20-е гг. XIX вв. условно переживает несколько этапов на протяжении второй половины XIX в. до наших дней, которые отличаются качественными особенностями. Панорамный обзор их позволит отразить природу исследовательских проблем ученых.

Определение статуса темы в системе собранных исторических знаний путем изучения изменяющегося пространства исследования, методологии, подходов, концепций необходимо провести для формирования научного мировоззрения: установления объективности при объяснении исторических, культурных и социально-политических процессов, которые происходили в Беларуси в те далекие времена. Вместе с тем, историческая наука как сфера жизнедеятельности человека отражает в себе влияния политических и социально-экономических предпосылок существования общества по примеру лакмусовой бумаги. Позиции историка – мастера возрождения прошлого – олицетворяют эпоху, в которой ученый существует и работает, определяют его гражданскую ответственность. Поэтому, необходимо личное осознание темы автором на каждом познавательном этапе. В свою очередь, историографический процесс контролирует процессы трансформации исторических знаний, изменения исследовательской ментальности, является определенным барьером для проникновения элементов мифотворчества в реализации научных задач. Вместе с тем фактор объективности при рассмотрении роли иезуитского периода в культурной жизни белорусского народа, в развитии образования Беларуси всецело зависит от полноты исследования источниковедческого материала темы. Надо отметить, что историография культурно-просветительской деятельности иезуитов на белорусских землях разработана достаточно слабо и потому, что ученые столкнулись со значительными трудностями в работе с источниками. Большинство иезуитских архивов было уничтожено, документация утеряна в результате обстоятельств различного характера.

Историографическое течение второй половины XIX – начала XXI вв. истории культурно-просветительской деятельности ордена иезуитов на белорусских землях в последней трети XVI – 20-е гг. XIX вв., к сожалению, переполнено идеологическими штампами и формулировками в объяснении роли ордена иезуитов в Беларуси. Первоначальный период научно-теоретической стадии изучения проблемы берет свои корни со второй половины XIX в. Описательная форма представления информации была свойственна историкам данного этапа при изучении фактов и событий. Классическая концепция историзма кантовского варианта была проявлена в анализе количественных изменений процессов истории, в выявлении причинно-

следственных связей и закономерностей. Именно данная концептуальная позиция являлась ведущей в становлении исторической мысли XIX – начала XX в. Однако преобладание описательной истории оставляло за границей понимания вопросы причин качественного изменения общества [1, с.28].

Исторические аспекты прошлого страны под властью Российской империи попали в список актуальных вопросов, что исходило из желания доказать единство белорусской и русской культур на основе православной веры как итог добровольного вхождения белорусских земель в состав Российской империи. В данных условиях историей культурно-просветительской деятельности ордена иезуитов занимались ученые российской и польской историографических школ. Тема рассматривалась в контексте соответственных политических иностранных заказов. Необходимо также учесть существование фактора преемственности отечественными историками исследуемого периода (вторая половина XIX – начало XXI в.) научной мысли иностранной историографии.

Становление национальной историографической концепции тесно связано с развитием научных знаний о Беларуси и белорусах. В конце XIX – начале XX в. началось широкое и доскональное изучение истории белорусского народа. Непосредственно белорусское течение исторической науки была проявлена в исследованиях М. Довнар-Запольского, В. Игнатовского, Е. Карского, А. Киркора, В. Пичеты, А. Сапунова [1, с. 21].

Значительный вклад в изучение исторического наследия белорусов внес А. Киркор, сын униатского священника из Могилевской губернии. Его работы «Литовское Полесье» и «Белорусское Полесье» являются основой содержания 3-го тома «Живописной России» (1882). Очерки «Просвещение и народное творчество в Литве» [2, с. 97-136] «Умственные силы и средства и коммуникаций» [2, с. 317-328], находящиеся в издании «Живописная Россия» [67] были посвящены истории просвещения белорусских и литовских земель. В издании были отражены исторические сведения о деятельности иезуитов на богатом источниковедческой материале. Большое внимание исследователь уделил вопросам образовательной системы иезуитов в Вильне [2, с. 102-110] и Полоцке [2, с. 318-325]. Историк определил наиболее известные просветительские центры, но при этом подчеркнул наличие широкой сети учебных заведений ордена по всему ВКЛ [2, с. 105, 319]. Надо отметить, что автор старался как можно полнее раскрыть «очеловеченное» образ иезуита-просветителя, описывая вторую реальность исторического прошлого – повседневные элементы жизни. А именно: «Грубей ... вылечил от зубной боли ... [2, с. 322]; приготавливал Император Павлу шоколад каким-то особенным, ему известным образом ... [2, с. 322]». Надо отметить, что описание А.К. Киркора привлекает на сегодняшний день доступностью восприятия материала, целостностью и логичностью изложения основных событий в жизни высших учебных заведений.

В отношении рассматриваемой проблемы следует вспомнить талантливого исследователя Е.Ф. Карского. На основе глубокого анализа источников историк доказал существование уникальной белорусской культуры. В своих сочинениях автор уделил внимание театральной деятельности иезуитов, а именно – становление интермедии как жанра иезуитской школьной сцены. Историк впервые в отечественной историографии стал называть интермедию белорусской [3, с. 138].

М. Довнар-Запольский в своих исследованиях проповедовал мысль о самостоятельном пути исторического развития белорусов как нации. Вместе с тем образовательную деятельность иезуитов в Беларуси рассматривал в контексте процессов полонизации. Он был уверен, что расширение культурных влияний политической элиты Польши нанесло сильный удар по самостоятельности и демократическим традициям белорусов.

Авторы специальных произведений выделили актуальность изучения истории просвещения Беларуси. Именно в это время в белорусской исторической науке возник интерес к вопросу; были заложены источниковедческие основы темы. Вместе с тем, концептуальный подход, выработанный историками данного периода в отношении проблемы, руководствовался принципами описательной истории классического историзма [1, с. 22].

Советский этап исторического прошлого являл плеяду отечественных ученых, таких как: Т. Блинова, Э. Дорошевич, Я. Мараш, О. Масленникова, М. Покало и т.д., которые переняли эстафету исследования. Однако монопольным правом изучения истории ордена иезуитов обладало польское историографическое течение на протяжении всего исследуемого периода. Основой методологической базы отечественной историографии 1930-1980-х гг. являлся классовый подход, который использовал в качестве ведущего метода – классовый анализ. Единицей классового подхода являлся исторический процесс, который проявлялся в изменении общественно-экономических формаций. В этом отношении история деятельности религиозных монашеских объединений изучалась через призму неприятных соответственных отношений. Доминирование исследования истории социально-экономических отношений, призванных детерминировать общественную жизнь, исключала инициативу ученых заниматься изучением вопросов культурного исторического пространства. Поэтому, не связанная со сферой актуального в те времена исследования, тема культурно-просветительской деятельности ордена не принималась представителями руководящих кругов научных заведений Беларуси. Монопольное положение социально-классовой проблематики отечественной истории не позволяло большинству ученых заниматься вопросами духовной истории. Данный период (1930-1980-е гг.) отечественной историографии характеризуется появлением первых крупных научных работ по истории католической церкви на Беларуси. Однако в основе большинства работ

лежали аксиомы формальной системы, которые не требовали логичного доказательства. Постепенно догматическая эпоха истории уходила. Только в 1950-1980-е гг. общими усилиями гродненских историков: Т. Блиновой, Я. Мараша, С. Полуцкой (Морозовой) была образована начальная база отечественного научного исследования истории политической и социально-экономической деятельности ордена иезуитов на Беларуси. Аспекты культурно-просветительской роли иезуитов на белорусских землях рассматривались через призму выше рассмотренных сфер деятельности. Именно с этого времени научный поиск советских историков принимает концептуальный характер [1, с. 35].

Ученые отечественного историографического этапа 1990-х гг. учли недостатки развития научной мысли темы. Поворот к «Новой истории» во второй половине XX в. проявился в переосмыслении концепций, идей, приемов и методов, разработки новых течений исторической науки: истории повседневности, психоистории, исторической антропологии. Оформились новые предметные сферы историографии. Ученые начали осваивать новые методы исследования, изучать проявление новых подходов и течений в исторической науке. Направления «Новой истории» обращались к исследованиям уровней «микроистории», провоцировали к объединению гуманитарные науки: филологию, социальные науки, которые тянулись к уникальности понимания исторического прошлого. Вторая половина XX в. – начало эры нового историзма. Вера в исторический смысл и прогресс человечества, в тождественность описания историком истории и саму историческую реальность – атрибуты классики – пропали с приходом разочарования в существующий способ познания. По-другому начали рассматриваться культурные проявления общества, открывая национальные особенности. Изменения предметной сферы и методологии исследования социальной истории проявились в изучении не социальной структуры и процессов, а в изучении повседневного опыта и условий жизни простых людей, общества, ордена. Научная историческая мысль развивалась с учетом применения инновационных методов исследования. Написанные на богатой документальной базе монографии и публикации историков освещали малоизученные аспекты темы: качественную характеристику профессорско-преподавательского штата образовательных иезуитских учреждений, черты образования и воспитания иезуитов и т.д. Исторические аспекты темы, выбранные для научного рассмотрения, характеризовались большим вниманием к проблемам человеческой личности. Отечественные ученые: Т.Б. Блинова, В.В. Дадиомова, А.А. Жлутко, Д.В. Карев, Ю.Н. Лаврик, Т. Лихач, Л.Н. Лыч, А.И. Мальдис, А.Ф. Самусик, М. Ткаченко, С.Ф. Терехин – старались увидеть воспитанного иезуитами человека за идеологической надстройкой целого пласта научной литературы. Историки искали близкий к истине образ иезуита-наставника и иезуита-

учащегося. Данный период отличался качественным изменением тематического ракурса проблемы и количественными показателями выданных историографических источников. Вместе с тем разнообразие новых исторических направлений, к сожалению, не освоено исследователями в полной мере. Преимущественное количество отечественных работ по теме носит описательный характер «истории событий». Неоднозначность в понимании сущности учебно-воспитательного процесса иезуитов в Беларуси в последней трети XVI – 20-е гг. XIX вв. объясняется влиянием на отечественную историографию и процессами трансформации классического историзма в «новый» историзм [1, с. 36-65].

Представители отечественной историографической школы внесли огромный вклад в развитие истории культурно-просветительской деятельности иезуитов на Беларуси. Произошли качественные изменения тематического ракурса проблемы, выросли количественные показатели выданных историографических источников. В тоже время говорить о завершающей стадии разработки проблемы современными исследователями не представляется возможным.

Литература

1. Палікоўская, Т. І. Культурна-асветніцкая дзейнасць езуітаў на беларускіх землях у апошній трэці XVI – 20-ыя гг. XIX стст. (стан і праблемы айчынай гістарыяграфіі другой паловы XIX – пачатку XXI ст.) : дыс. ... канд. гістар. навук: 07.00.09 / Т. І. Палікоўская. – Мінск, 2006. – 116 с.
2. Живописная Россия: Отечество наше в его зем., ист., плем., экон. и быт значении: Литв. и Белорус. Полесье. Рпринт. воспроизведение изд. 1882 г. – 2-ое изд. – Мн.: БелЭн, 1994. – 550 с.
3. Карскі Я. Ф. Беларусы / Навук. рэд. А. Мальдзіс / – Мн.: МГА «Бел. кнігазбор», 2001. – 637 с.

Валентина Сушко **Valentyna Sushko**

кандидат исторических наук, доцент *PhD in History, Associate professor*

Харьковская государственная академия
дизайна и искусств, Харьков, Украина *Kharkiv State Academy of Design and Arts
Kharkiv, Ukraine*

НАРОДНАЯ АРХИТЕКТУРА СЛОБОЖАНЩИНЫ

Задачей настоящей статьи является исследовать историческое развитие народной архитектуры Слободской Украины – историко-этнографического региона, образовавшегося на перепутье Дикой степи между неопределенными политическими границами трех государств –

Речи Посполитой, Крымского ханства и Московии в течение XVII-XVIII вв. [1, с. 6]. От названия украинских поселений – слобід – край и получил название Слободской Украины или Слобожанщины. В настоящее время в его границ входят по действующему административно-территориальному делению современная Харьковская, юг Сумской, северные районы Донецкой и Луганской областей Украины, южные районы Воронежской, Белгородской и Курской областей Российской Федерации [2, с. 11].

Одним из важнейших факторов образования характерных региональных черт народной культуры Слобожанщины, в том числе и народной архитектуры, исследователь украинского искусства и архитектуры XX в. Стефан Таранушенко определял первоначальный состав населения: на Слобожанщине сошлись переселенцы из всех уголков Украины – от Галичины до Полтавщины, от Холмщины и Подолья до бойков и гуцулов с гор Карпатских [3, с. 1-2].

Обустройство поселения украинцы начинали с возведения церкви [4, с. 116]. Украинские деревянные храмы XVII-XVIII вв. были трех типов: с одним или тремя куполами; пятиглавые, крестообразные в плане; девятиглавые. Однако деревянные храмы нередко горели от пожаров и частых татарских набегов, поэтому слобожане обращаются к каменному строительству, в котором сохраняются черты более раннего зодчества.

Одним из старейших храмов Слобожанщины, который сохранился до нашего времени, является Святопокровский собор г. Харькова (1689) [5, с. 23] – яркий пример первого из названных типов украинских храмов, воспроизводящий общие формы украинского деревянного строительства. Неповторимым по архитектурно-художественному замыслу памятником украинского зодчества конца XVII в. является Святоникалаевская церковь Святогорского Успенского монастыря. Ярким примером слобожанского пятиглавого храма предстает Спасо-Преображенский собор г. Изюм Харьковской области (1681).

К сожалению, множество старинных деревянных и каменных храмов Слобожанщины, описанных самоотверженным исследователем С. Таранушенко [6], по разным причинам (своевольная перестройка местных священников, официальные требования епархиального руководства, государственная политика, физическая изношенность) не сохранились до нашего времени.

Одни из самых ранних сведений о слободско-украинских селах и обычаях их жителей приведены в «Топографических описаниях Харьковского наместничества» (кон. XVIII в.) [7, с. 30-38].

Застройка поселений напрямую связывалась с особенностями ландшафта. Обычно поселения возникали вблизи рек, водоемов. Бывало, что центром поселения или его части становилась церковь и церковная площадь, от которой в свободной планировке расходились улицы и переулки.

В упомянутом «Топографическом описании Харьковского наместничества» автор рассказывает, что усадьба украинского крестьянина имела дом, который стоял отдельно, и «пидварок» – хозяйственные постройки двора, которые были объединены одной крышей. Традиция разделять двор на «чистый» и «хозяйственный» сохранилась на Слобожанщине по сей день.

Существует несколько типов планировки украинской усадьбы на Слобожанщине, которые можно свести к двум основным:

1. дом и хозяйственные постройки построены параллельно. Дом боковой стеной («около») выходит на улицу, перед этой стеной с улицы могут разбиваться цветник и высаживаться плодовые деревья. В таком случае курятник и саж (постройка для свиней) располагаются за сараями, у выхода на огород – подальше от чистой части двора. Хозяйственные постройки нередко располагаются под одной крышей, даже погреб (Сумщина, пгт. Липовая Долина).

2. Дом и хозяйственные постройки выстроены П-образно и забор с воротами замыкает композицию. В таком случае дом может или выходить одной из боковых стен на улицу (предпочтительный вариант), или располагаться в глубине двора. Хозяйственные постройки объединены под одной крышей или частично разбросаны по хозяйственному двору [8, с. 70].

В XVIII – начале XX вв. существовало несколько типов возведения стен жилища: срубное, каркасное, саманное и «топаное». Древнейшим видом было срубное жилье. Стены такого дома возводились из дубовых бревен, уложенных горизонтально, которые в ходе строительства покрывались («уліплювалися») несколькими слоями «черной» глины и затем белились.

К середине XX в. основным типом на всей территории Слобожанщины стало каркасное жилье, когда стены возводились из бревен дерева, поставленных вертикально, которые после клинцювання обмазывались глиной и белились. На юге Слобожанщины основным типом жилища были саманные (из глиняного кирпича) и дома с литыми глиняными стенами (глина выливалась между двумя рядами опалубки и застывала, образуя стены помещения). Характерной особенностью домов, возводимых после войн (и после гражданской и Первой мировой, и после Второй мировой) было уменьшение высоты потолка, на что обращали внимание ученые еще в начале XX в. [9, с. 59-64].

Крыши домов были четырехскатными. До конца XX в. дом с двускатной крышей в селах Харьковщины именовался «флигель». Если изначально крыши домов покрывались деревянным гонтом, то с XIX в. дома крылись соломой или тростником, что связано с закрепощением крестьянства и уменьшением дубрав в крае. Существовало несколько способов покрытия крыш путаной соломой.

Крыши домов на Слобожанщине имели характерные для украинского жилья навесы – выносы крыши по фасадной стене, опирающиеся на столбы.

Впоследствии эти навесы стали закрытыми, образуя дополнительное хозяйственное помещение – «галерею». Нередко по задней стене дома устраивается небольшое хозяйственное помещение – «прихалабок».

В XIX в. редкими стали «хати на помості», то есть с деревянным полом. Основная масса жилищ имела земляной пол. Причиной этого было ухудшение экономического положения населения в данный период.

Если изначально для строительства использовали преимущественно дуб, то со временем приходилось использовать более дешевые материалы (сосну, акацию и т.д.). Избегали использовать для строительства жилья осину, считая ее проклятым деревом – по преданию именно на осине повесился Иуда Искарот, с тех пор осина дрожит от ужаса. Осиновую древесину могли использовать только для строительства конюшни: чтобы черт не портил лошадей, в хлеву – чтобы ведьма не доила молока или для «сажа», где держали свиней, поскольку последние считались нечистыми и не могли заинтересовать темные силы.

С XIX – до начала XX вв. преобладающим типом внутренней планировки жилища была «хата на две половины», где первым помещением, куда попадали с улицы, были сени – неотапливаемое хозяйственное помещение, делившее внутреннее пространство жилища на две жилые (комната и горница, комната и комната) или жилую и хозяйственную (комната и чулан, горница и кладовая) части.

Распределение жилого пространства также было неслучайным. Главным углом комнаты была покуть – угол напротив входной двери. Там висели иконы, украшенные лучшими полотенцами, фотографии родных (с конца XIX в.). Под образами стоял стол, который всегда должен был быть накрыт скатертью – «чтобы жизнь голой не была». По диагонали от угла, была расположена «варистая печь», занимавшая примерно четвертую-пятую часть дома. От боковой стены печи до противоположной стены устраивали дощатый настил для сна – пол. Над полом обычно укреплялась жердь для повседневной одежды. Остальные наряды членов семьи хранилось в сундуках или просто на вешалках в чулане. Вдоль стен прикреплялись лавы. Впоследствии их заменили деревянные узкие скамейки-диваны с высокими, нередко резными, спинками. С внешней стороны стола к нему приставлялись передвижные скамейки – «ослоны». От входной двери к стене, выходящей на улицу, сразу у входа, против печи устраивали «мисник» – полки, а то и шкафчик, где хранились миски.

Художественное оформление домов на Слободжанщине было развито слабо из-за широкого применения декоративных тканей в интерьерах, а также печей, покрытых кафелем. Иногда применялась обводка цветной глиной оконных и дверных проемов, а чаще окрашивание желтой и красной глиной, а также синей, зеленой или красной краской ставней. С конца XX в., когда для строительства стали широко применять кирпич,

распространилась традиция возводить жилье из кирпича различного цвета, различными способами кладки, оставляя стену снаружи неокрашенной. Вместе с тем широко бытует и традиционная побелка стен мелом, или оштукатуривания известью.

До 1930-х гг. двора слобожанина мало многочисленны хозяйственные постройки: «конюшня», «хлев», «сарай», «погреб», «сарай», «кладовая» и другие. Хозяйственные постройки выносились в отдельный хозяйственный двор, который отделялся от «чистого», где стоял дом и был сад, цветник. Такой двор относился к открытому типу.

Народная архитектура Слобожанщины, также как и всей Украины, развивалась под влиянием общеукраинских факторов: социально-экономических, мировоззренческих и эстетических.

Литература

1. Багалій Д. І. Історія Слобідської України / Передмова, коментар В. В. Кравченка. – Харків: Основа, 1991. – 256 с.
2. Історія міст і сіл Української РСР. Харківська область.– К.: Головна редакція Радянської енциклопедії АН УРСР, 1967.– 1002 с.
3. Таранушенко С. Мистецтво Слобожанщини XVII – XVIII вв.– Х.: Перша Друкарня вид-ва «Пролетарій», 1928.– 9 с.
4. Сумцов М. Ф. Слобожане. Історико-етнографічна розвідка / Підготовка тексту й мовна редакція Леоніда Ушкалова; слово до читача, примітки та післямова Володимира Фрадкіна. – Х.: Акта, 2002.– 282 с.
5. Дьяченко Н. Т. Улицы и площади Харькова. Очерк. Изд. 4-е, испр. и доп. – Х.: Прапор, 1977.– 272с., 72 с.
6. Таранушенко С. А. Монументальна дерев'яна архітектура Лівобережної України. – К.: Будівельник, 1976. – 336 с.
7. Описи Харківського намісництва кінця XVIII ст.: Описово-статистичні джерела / АН УРСР. Археограф. Комісія та ін. Упоряд. В.О. Пірко, О.І. Гуржій; Редкол. П.С. Сохань (відп. ред.) та ін. – К.: Наук. думка, 1991. – 224 с.
8. Чижилова Л.Н. Русско-украинское пограничье: история и судьбы традиционно-бытовой культуры. – М.: Наука, 1988. – 256 с.
9. Марзеев А.Н. Жилища и санитарный быт сельского населения Украины. – Х.: Научная мысль, 1927. – 196 с.

Наталья Волонцевич **Natallia Valantsevich**
кандидат искусствоведения, доцент *PhD in History of Arts, Associate professor*
Белорусская государственная академия искусств, Минск, Беларусь
Belarusian State Academy of Arts
Minsk, Belarus

СПЕЦИФИКА ПОСТАНОВКИ И ТЕМАТИЧЕСКОЕ РАЗНООБРАЗИЕ «ЖИВЫХ КАРТИН» В ТЕАТРАХ БЕЛАРУСИ XIX ВЕКА

С конца XVIII – первой половины XIX в. ускорился процесс перехода от театра актера к театру режиссера, происходила активная эволюция театрально-художественного языка, изменялись условия театрального высказывания, сценические поиски, особенно в Германии, все чаще характеризовались устремленностью к синтезу, содружеству всех видов искусств, появились ранее не известные формы.

Взаимосвязь и взаимодействие театрального и изобразительного искусства стали основой при постановке «живых картин». Визуальный образ создавался позирующими людьми или актерами во время непродолжительного зрелищного действия. В эффектных «живых» композициях с помощью определенных скульптурных поз, выразительной мимики, выверенных жестов, игры света воплощались известные живописные полотна или же воображаемые сюжеты. Для их визуализации специально подбирались или создавались соответствующие декорации и костюмы.

В Европе и России «живые картины» были популярным развлечением среди аристократии: «ожившие» художественные композиции демонстрировались на балах, благотворительных вечерах, семейных праздниках. Театр заимствовал этот элемент массовой культуры для включения в афишу в качестве дивертисментов.

Со второй половины XIX в. в Беларуси «живые картины» начали использоваться как форма разнообразия досуга горожан в течение Великого поста. В период с февраля по апрель включительно сценическое (вербально-игровое) высказывание было запрещено. Для публичных представлений на сцене были разрешены только литературно-музыкальные вечера, во время которых артисты театральных трупп выразительно читали отрывки из поэтических и прозаических произведений, чаще всего Н. Некрасова и Н. Гоголя. В музыкальной части звучали отрывки из европейских опер, иногда тирольские песни, неоднократно русские романсы и украинские народные песни. Исполнением последних «с замечательным комизмом и выразительностью» запомнился зрителям актер драматической труппы, выступавшей в Минске, Паливода-Карпенко [15, с. 212]. После воздействия словом и музыкой зритель более эмоционально

воспринимал невербальную часть литературно-музыкального представления, посвященную демонстрации «живых картин».

В программу одного вечера включалось от 8 до 12 сюжетов, которые можно разделить на несколько групп. Очень часто визуализировались исторические картины: «Римские воины», «Мария Медичи», «Кардинал Ришелье». Особой популярностью пользовалась и французская тема. Это такие «живые картины», как «Парижский нищий», «Парижский блузник» и «Эсмеральда в темнице» [15, с. 212]. К этим сюжетам примыкала и мифологическая тематика: нередко ставившаяся композиция «Диана на крыльях ночи» поражала зрителей «изяществом обстановки и фантастическо-аллегорическим характером» [14, с. 279]. Показ детских образов в «живых картинах» «Мальчик-резвун», «Маленькая танцовщица» и «Римские дети» обычно производил «идиллическое впечатление» на зрительскую аудиторию [14, с. 279].

Следует отметить, что восточная тема всегда имела успех у публики, так как позволяла участникам «живых картин» не только удивить экзотическими нарядами, но и «сыграть» сильную страсть, показать драматизм положений изображаемых героев. Чтобы отразить особый колорит местности, воспроизводившейся в композициях «Самоубийство в гареме», «Кавказский горец» и «Цыганский табор», постановщики обращались в качестве образцов к соответствующим пейзажам, портретам или историческим картинам [14, с. 279].

В середине XIX в. на территории белорусских губерний стала осуществляться целенаправленная смена культурной парадигмы. Формировалась новая картина мира, новые патриотические тенденции: польское влияние заменялось русскими идеями, русским словом.

Власти, как и прежде, рассматривали театр как влиятельную структуру. Как писал гродненский рецензент газеты «Гродненские губернские ведомости»: «В театре нельзя не видеть равносильный рычаг обрусения, как и цивилизации вообще» [12, с. 321]. Эти процессы очень сильно повлияли на организацию театрального дела, значительным образом отразились на репертуаре сценических коллективов: публику стали «кормить только комедиями и драмами Островского» [13, с. 325].

В тематику демонстрируемых «живых картин» также стали активно включаться сюжеты из русской истории и культуры: «Убиение князя Андрея Боголюбского», «Патриотический подвиг новгородского купца Иголкина в Стокгольмской крепости», «Смерть Ермака», «Русская пляска» и др.

В наиболее масштабных «живых» визуализациях под открытым небом в конце XIX в. наравне с профессиональными актерами участвовали и любители театрального искусства. В 1893 г. во время народного гулянья в Гродно артисты Товарищества под управлением Власова и местные театралы-любители прошествовали в костюмах к картине, изображающей славу России [10, с. 2].

Как и прежде, во второй половине XIX в. в Беларуси был запрещен оригинальный белорусский репертуар, чрезвычайно сложно было ставить спектакли, в которых поднимались бы вопросы национального самоопределения, переосмысливалось фольклорное творчество белорусов. Можно привести единичные примеры выступлений, в которых затрагивалась бы эта проблематика. В 1865 г. в Минске местный актер А. Чиж исполнил отрывок из драматической поэмы «Дзяды» А. Мицкевича [3, с. 94]. В 1870 г. в Могилеве актер русской труппы под руководством А. Волгина К. Богданович в дивертисменте пропел белорусские куплеты «Ставочак», «взятые из местных народных мотивов, какие чрезвычайно нравятся публике» [8, с. 146]. В конце 1871 г. могилевские зрители вновь услышали белорусские песни: тот же К. Богданович исполнил комические куплеты «Ой у полі!», а М. Рашевский – «Ставочак» [9, с. 75].

«Живые картины» на сюжеты из украинской действительности вызывали определенные ассоциации у зрителей. По своему духу и визуальным образам они были очень близки и понятны публике белорусских городов. Если учесть, что семейство украинского актера Паливода-Карпенко принимало участие в постановке таких картин, как «Катание на лодке в Украине», «Малороссийский кобзарь», «Запорожцы», можно представить, как исполнители смогли добиться зрелищности и отразить художественную верность действительности.

Спустя несколько десятилетий представители местного общества определили не только эстетическую, но культурно-историческую роль украинских театральных произведений на территории Беларуси. По словам витебского критика, зрители видели «настоящую Украину с ее этнографическими особенностями и обычаями, украинцев, как отдельную народность» [4, с. 4]. Минский рецензент также подчеркивал, что «зрители переносились в какой-то удивительный, незнакомый для них мир, где дышалось свободней» [11, с. 3].

В конце XIX в. на сценах Беларуси показы «живых картин» были распространены по-прежнему. В контрактах с антрепренерами и арендаторами театров демонстрация этой театральной формы упоминалась наравне с постановкой спектаклей других жанров. Например, в договорном условии 1898 г. между Витебской Городской управой и артистом Императорской оперы К. Михайловым-Стояном было указано, что он «может приглашать оперную, опереточную или драматическую труппу для постановки драм, трагедий, комедий, феерий, водевилей, опер, оперетт, живых картин и другого рода зрелищ, разрешенных установленным порядком. Все вышеизложенное должно обставляться приличными декорациями и костюмами, соответствующими представлениям» [5, л. 786].

Неудивительно, что в 1890-е гг. дирекции театров успешно решали проблемы недостатка живописных образцов и бедности театрального

гардероба и декораций, приглашая к сотрудничеству профессиональных художников. Именно поэтому в конце XIX в. художественный уровень «живых картин» значительно возрос.

Например, в Витебске известный живописец Ю. Пэн сотрудничал с витебскими театральными любителями и принимал участие в постановке «живых картин». Художник считается мастером пейзажа с ярко выраженным еврейским колоритом и психологических портретов простых ремесленников с их радостями и горестями. Можно предположить, что Ю. Пэн не изменил собственному стилю при подготовке «живых картин» «Перед рассветом» и «Азра». По определению рецензента газеты «Витебский листок», демонстрация этих картин на витебской сцене прошла «очень удачно» [7, с. 3].

В конце XIX в. театральные деятели рассматривали форму «живых картин» не только как самостоятельное художественное произведение, но и использовали ее как средство выразительности для создания определенной атмосферы в литературно-музыкальном представлении или театрализованной постановке. Например, в Двинске (современный Даугавпилс) около 40 актеров участвовали в «живой картине» на тему «Цыганский табор». В сценическом пространстве размещалось значительное количество исполнителей, которые под звуки цыганских песен визуально раскрывали специфику жизни цыган [2, с. 5]. В подтверждении данной тенденции можно привести еще один пример. В 1897 г. в одном из учебных заведений Витебска во время исполнения песни «По небу полуночи ангел летел» показывалась «живая картина» «Ангел, охраняющий сон ребенка»; чтение стихотворения «Зима» сопровождалось демонстрацией «живой картины» «Четыре времени года» [1, с. 2].

Спустя десятилетие эта художественная особенность стала характерной для использования в театральной практике. Так, В. Немирович-Данченко писал К. Станиславскому, что «Карамазовых» (премьера 1910 г.) мы поставили только на одном фоне. Это слишком педантично, нужно было играть одни картины на фоне, другие – натуралистично, с потолком и карнизами, третьи – чуть не просто «живые картины», четвертые – синемаграфом, пятые – балетом» [6, с. 299].

«Живые картины», как театральная форма, рождались в Беларуси не под влиянием натурализма, их авторы и исполнители не пытались воссоздать точное жизнеподобие на сцене. Основные стремления сводились к достижению эффекта узнавания первоисточников – художественных образцов – при созерцании зрителями разыгрываемых сюжетов и созданных в сценическом пространстве персонажей.

Во время своеобразных статических мини-спектаклей зрелищность достигалась через единство цвета, светотени, пластики, жеста, мимесиса и декорационных эффектов. Зрители физически присутствовали в том же пространстве и времени, воспринимали все совершающееся на их глазах,

улавливали определенные идеи, которые возникали при чередовании сюжетов, а также особым образом могли проживать и время, в котором существовали персонажи «живых картин».

Литература

1. Детский вечер в частном женском еврейском училище г-жи Давыдовой // Витебский листок. – 1898. – № 3. – С. 2.
2. Иксъ. Любительские спектакли / Иксъ // Двинский листок. – 1900. – № 74. – С. 5.
3. Любитель театра. О Минском театре / Любитель театра // Минские губернские ведомости. – 1865. – Ч. неоф. – № 5. – С. 94
4. Местная хроника // Витебские губернские ведомости. – 1899. – Ч. неоф. – № 72. – С. 4.
5. Национальный исторический архив Беларуси. – Ф. 1416. Оп. 6. Д. 605.
6. Немирович-Данченко, В. И. Театральное наследие: в 2 т. / В.И. Немирович-Данченко / Составит., ред., примеч. В. Я. Виленкин. – М.: Искусство, 1952–1954. – Т. 2: Избранные письма. – 1954.
7. О витебских любительских спектаклях // Витебский листок. – 1898. – № 90. – С. 3.
8. О...ский, А. Могилевская хроника. Еще несколько слов о театре / А. О...ский // Могилевские губернские ведомости. – 1870. – Ч. неоф. – № 45. – С. 146.
9. Пашкин, Ю.А. Русский драматический театр в Белоруссии в XIX веке / Ю. А. Пашкин; ред. В. И. Нефёд. — Минск: Наука и техника, 1980. — 216 с.
10. Театр // Гродненские губернские ведомости. – 1893. – Ч. неоф. – № 38. – С. 2.
11. Театр // Минский листок. – 1898. – № 16. – С. 3.
12. Театрал. Гродненский театр / Театрал // Гродненские губернские ведомости. – 1870. – Ч. неоф. – № 48. – С. 321.
13. Театрал. Гродненский театр. // Гродненские губернские ведомости. – 1870. – Ч. неоф. – № 49. – С. 325.
14. Ш-ч. Еще о Минском театре / Ш-ч // Минские губернские ведомости. – 1865. – Ч. неоф. – № 14. – С. 278–279.
15. Ш-ч. Наши Великопостные развлечения / Ш-ч // Минские губернские ведомости. – 1865. – Ч. неоф. – № 11. – С. 212.

Оксана Стасевская Oksana Stasevskaya

кандидат философских наук, доцент *PhD in Philosophy, Associate professor*
Национальный юридический университет Yaroslav Mudryi National Law University
им. Ярослава Мудрого, Харьков, Украина Kharkiv, Ukraine

Анна Савченко Anna Savchenko

кандидат искусствоведения, доцент *PhD in Art Criticism, Associate professor*
Национальный юридический университет Yaroslav Mudryi National Law University
им. Ярослава Мудрого, Харьков, Украина Kharkiv, Ukraine

**СОЦИОКУЛЬТУРНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ
ЛИЧНОСТИ В УСЛОВИЯХ ПОСТСОВРЕМЕННОСТИ:
РЕАЛИИ УКРАИНСКОГО ОБЩЕСТВА**

В современных условиях сложность социокультурной идентификации личности обусловлена формированием специфического информационного сознания глобального мира, изменениями ценностных ориентиров. Немаловажное значение имеет также двойственность современной ситуации: с одной стороны, информационное общество требует от человека раскрытия его творческого потенциала, свободы самоопределения, с другой, – разрыв либо трансформация традиционных социальных связей и зависимостей порождает иллюзию свободы, что, в свою очередь, ведет к внутриличностным ценностным конфликтам.

Идентичность как представление человеком о своем Я, предполагающее формирование чувства своей индивидуальной самостождественности и целостности, формируется на нескольких уровнях. На персональном, индивидуальном уровне происходит отождествление себя с определенным набором качеств, который образует неповторимую уникальность человека. Здесь возможны так называемые позитивные и негативные идентичности. На социальном, групповом уровне происходит отождествление себя с социальной позицией, статусом, ценностями, культурной традицией и т.п.. Соответственно, в зависимости от базовой основы (среды, предлагающей социальные роли, социокультурные образцы, модели поведения, ценности), выделяют цивилизационную, региональную, политическую, гражданскую, социальную, этническую, национальную и др. идентичности. Каждая из этих модификаций не только и не столько является «внутренним классификатором», скорее – регулятором поведения человека, от которого зависит принятие или отрицание норм и ценностей, принципов и установок, идеалов и интересов. Сущность социокультурной идентичности заключается в том, что она как фундаментальная основа для проекции человека в культурном коммуникативном пространстве объединяет все модификации и элементы идентичности.

Социокультурная идентичность предполагает сознательное, свободное, не принудительное принятие отдельным человеком или социумом в целом соответствующих норм и образцов, ценностных ориентаций. Впрочем, наряду с конструированием идентичности путем ее формирования усилиями самой личности существует и другой путь: конструирование идентичности суггестивным путем. Такой вариант является допустимым, поскольку научно доказано, что не все личности способны самостоятельно самоопределиваться. В таком случае образцом для представителей социума становится элита как носитель идентичности. «Искусственное» конструирование идентичности осуществляется государством, политическими силами.

Социокультурная идентичность, по мнению известного исследователя С. Хантингтона, является ключевым моментом в современном глобальном мире [1]. Сегодня основные различия между людьми обнаруживаются не в политической или экономической плоскости, а в плоскости именно культурной. Согласно его выводам, «геном», который определяет культурную принадлежность человека, является морально-этическое, ценностное начало, поэтому отсутствие устоявшейся системы нравственных ценностей приводит к нарушению безопасного функционирования общества, к дезорганизации и даже к национальной катастрофе вследствие разрушения структурообразующих духовных основ.

Нравственные ценности отражают аксиологический аспект существующей реальности, соответствуют определенному уровню развития общества. Без четкого научного представления о сущности и специфических особенностях аксиологических основ, без определения ценностного смыслообразующего стержня, невозможно прогнозировать дальнейшее развитие общества.

Центробежные тенденции постсовременного мира, отсутствие стойких мировоззренческих опор и ценностных ориентиров усилили стремление человека получить надежное средство адаптации к «расколотой» культуре, желание определить или сохранить свою идентичность. При этом на процесс конструирования идентичности существенно влияют «массовизация», стандартизация, упрощенчество, которые «размывают» строгую очерченность ее границ и обуславливают ее наполненность. Социокультурная жизнь современности также характеризуется стремительной изменчивостью: классы, страты, слои и другие социальные группы быстро меняют свой состав. В целом динамика и содержание жизни современного общества определяется сложным взаимодействием разнонаправленных интересов социальных образований. Кроме того, общей тенденцией XXI в. является разрушение традиционных социальных связей, изменения социальной структуры общества. При этом наблюдается значительное

ослабление связи отдельного человека с социальными группами (углубляется индивидуализация), также имеет место ускорение перехода человека из группы в группу, что, в целом, и затрудняет процесс идентификации.

Следовательно, в условиях социокультурной трансформации современного, в частности, украинского общества, именно система духовных, моральных ценностей играет значительную роль в адаптации личности к меняющимся условиям; она способствует или, наоборот, препятствует дальнейшему развитию социума. Моральные ценности обеспечивают интеграцию общества, помогая индивидам осуществлять социально одобряемый выбор своего поведения в жизненно значимых ситуациях.

Формирование духовных основ жизни и ориентация на ценности нравственной культуры играют консолидирующую роль в обеспечении межнационального согласия и гражданского мира, выполняют функцию формирования самосознания народа и функцию сохранения самобытной культуры в эпоху трансформации и глобализации общества. Только постигнув ценностные основы собственной культуры, создав условия для их реализации, можно найти свой собственный путь развития.

Для осмысления современной социокультурной ситуации украинского общества необходимо учитывать три группы факторов:

1) факторы внутреннего порядка (социальная динамика, экономическая модель развития, изменения в политическом режиме, государственное устройство и т. п.);

2) исторические факторы (национальные особенности культуры, в контексте которых проходило становление нынешних поколений);

3) факторы влияния глобальных процессов.

Переосмысление духовных ценностей, приоритетов, появление новых, отвечающих запросам современности, – всегда сложный, длительный, а главное объективный и неизбежный процесс, который никогда в истории не проходил так быстро, как в современном мире. При этом провозглашенный плюрализм ценностей не компенсирует дефицит более или менее устойчивой системы традиционных ценностей и взаимоотношений, которые на разных культурно-исторических этапах всегда способствовали росту духовного потенциала людей. Не случайно в современных условиях вновь становятся актуальными «абсолютные» и фундаментальные ценности – добро, истина, красота, счастье, семья и т.д. На уровне общества, социальной группы, отдельной личности они выполняют роль «архитектора» социокультурного пространства, поскольку имеют объективный характер, хотя в основе своей субъективны.

Ломка либо трансформация традиционной системы ценностей и сопряженный с ней всеобщий духовный кризис неизбежно проецируются на украинское общество, вступившее в процесс глобализации. В Украине ценностный «дефицит» активно компенсируется ценностями, присущими

западному сознанию – предельным индивидуализмом (эгоцентризмом), прагматизмом, техницизмом, инструментальным мышлением. Однако они не в полной мере совпадают с характеристиками менталитета украинского народа. Представителю украинского социума среди названных близок только индивидуализм, который имеет четкую субъективно-эмоциональную, интровертивно-лирическую, а не рационально-прагматическую, как в западноевропейском сознании, окрашенность.

Следует признать, что украинское общество до сих пор продолжает находиться в ситуации «размытости» ценностных ориентиров и неопределенности идеалов. Формально заявленные ценности остаются малоразвитыми и не становятся общепринятыми, что приводит к расколу общества. Отсутствие четко обозначенной системы ценностей приводит к потере нравственного здоровья народа, социума, вызывает дезориентацию и несет определенную опасность в смысле его духовной целостности. Анализ многочисленных исследований дает возможность выделить основные традиционные ценностные приоритеты украинского общества: семья, духовность, справедливость, стабильность, благосостояние, права человека, правопорядок, равенство всех перед законом, патриотизм, взаимопонимание и взаимопомощь. Такие ценности можно сегодня определить как систему национальных ценностей, образующих нравственную основу дальнейшего существования украинской нации и государства, трактовать их как концептуальный консолидирующий фактор эффективного развития общества.

В ситуации ценностного кризиса остро проявляется и кризис социокультурной идентичности, который, безусловно, есть явлением мирового масштаба. В Украине он приобрел специфические черты и особую остроту в связи с культурно-историческими и социально-политическими особенностями развития. Среди причин кризиса идентичности в украинском обществе назовем, прежде всего, культурную глобализацию. Вместе с тем существуют и такие внутренние причины, как переоценка ценностей в постсоветском обществе, формирование новых идеалов и ценностных ориентиров, формирование национальной идеи и связанные с этим процессом проблемы, разрыв культурно-временных связей. Таким образом, учитывая названные причины, приходим к выводу, что идентичность как необходимое условие преемственности и культурной традиции, переживает в современном украинском обществе глубокий кризис.

Добавим, что в Украине решение проблемы социокультурной идентичности затруднено рядом специфических обстоятельств: полиэтничностью и поликультурностью современного украинского общества, которые приводят к разобщенности, к разнонаправленности цивилизационной, культурной ориентации Украины в современном мире. В ситуации культурно-ценностного противостояния консолидирующим началом, безусловно, является «национальное». Следовательно, необходимым условием

существования украинского общества как интегрированной целостности является решение проблемы сохранения национальной идентичности, предотвращение ассимиляции в культурном глобальном пространстве постсовременности. Это возможно на основе тех духовных ценностей, которые соотносятся со спецификой украинского менталитета.

Единого подхода к определению критериев социокультурной идентичности на сегодняшний день не существует из-за мультикультурализма и асинхронности развития мира. Характерной чертой современности является активное формирование двойной (национальной и европейской в Европе), гибридной, множественной идентичности (например, национальной, региональной, цивилизационной), когда человек в самоопределении использует совершенно разные, иногда неоднородные, критерии, а также мозаичной идентичности, когда человек меняет критерии самоопределения в связи с изменением конкретной жизненной ситуации, что наглядно проявляется в современной Украине. Своеобразием украинского общества является то, что социокультурная идентификация частично имеет «ностальгический» характер: предыдущая советская идентичность остается еще достаточно привлекательной благодаря свойствам эмоциональной памяти.

Таким образом, признаком постсовременного мира является ценностный кризис, вызванный тенденцией создания совокупности глобальных человеческих ценностей. Фактом остается также проблема социокультурной идентичности, которая в основе обусловлена масштабностью глобализационных процессов. По нашему мнению, эти два кризиса пересекаются, поскольку существуют в едином культурном пространстве и отдельно не могут быть решены. Такой двуединый кризис в полной мере проецируется на современное украинское общество и имеет как положительные, так и отрицательные последствия. Первые проявляются в расширении адаптивных возможностей человека постсовременности; вторые – в эскапизме, маргинализации, деперсонализации, ролевых конфликтах, неперспективности мировоззрения, неумении сосредоточиться на стратегических задачах и целях, в ориентированности на текущих проблемах бытия, одиночестве и т.п.

Современный кризис идентичности сопровождается трансформацией факторов идентификации, усилением значимости аксиологического компонента. Поиск выхода из глобального кризиса идентичности осуществляется в нескольких направлениях, среди которых назовем конструирование новой идентичности на основе общих моральных ценностей, культурных универсалий и возвращение к традиционным формам идентичности. Существование флуктуирующей идентичности как в мире, так и в украинском обществе, актуализирует проблему традиционных духовных (моральных), проверенных временем ценностей: добро, свобода,

смысл жизни, справедливость, совесть, взаимоуважение, человеческое достоинство, человечность, семейные ценности и т. п.. Становится очевидным, что человечество в целом имеет определенные совпадения в пространстве духовных ценностей, разница заключается в их иерархии, в установлении приоритетов. Традиционные духовные ценности, в частности, ценности украинского общества являются тем консолидирующим началом, которое может стать основой перспективного развития общества и препятствием для формирования так называемой «глобальной идентичности».

Тем самым, на первый взгляд абстрактная проблема идентичности осмысливается как актуальная проблема самоопределения для украинского общества в контексте выбора векторов развития Украины XXI в.

Литература

1. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций / С. Хантингтон. – М., 2003. – 603 с.

Дмитрий Никишин Dzmitry Nikishyn

магистр искусствоведения M.A. in History of Art

Белорусская государственная академия искусств, Минск, Беларусь Belarusian State Academy of Arts

Minsk, Belarus

РАЗЛИЧИЯ ХУДОЖЕСТВЕННО-ОБРАЗНЫХ РЕШЕНИЙ ГОСТИНИЦ В РЕТРОСПЕКТИВНОМ СТИЛЕ В ЗАВИСИМОСТИ ОТ ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОЙ ЦЕННОСТИ ОБЪЕКТА (НА ПРИМЕРЕ ЛАТВИЙСКОЙ УСАДЬБЫ «РУМЕНЕС» И БЕЛОРУССКОГО ЗАМКОВОГО КОМПЛЕКСА «МИР»)

В последнее время в Беларуси уделяется значительное внимание развитию туризма, построено и строится большое количество новых гостиниц, в том числе в исторических зданиях. Восстановление архитектурных памятников и их современное использование способствует повышению интереса к национальной культуре и истории. В статье рассмотрены такие объекты как Замокский комплекс «Мир» на территории Беларуси, внесенный в список историко-культурных ценностей Республики Беларусь, и латвийская усадьба «Руменес».

История поместья Руменес имеет давнюю, почти 600-летнюю историю. За этот период оно неоднократно переживало трудности: закладывалось, продавалось и горело. Усадьба и парк были заложены в конце XIX в. Хотя это документально и не подтверждено, считается, что парк в 1890 г. был

спроектирован знаменитым ландшафтным архитектором Георгом Куфалтом, а усадьба – немецким архитектором Теодором Зейлером, часто работавшим в неоготическом стиле, в котором выполнена и усадьба Руменес.

В 2004 г. поместье было передано наследникам бывших владельцев Руменес – Дана Белдимане и Юстс Карлсонс. Юстс Карлсонс, бизнесмен, известный адвокат, для которого это был уже не первый опыт восстановления старинных зданий – в 1991 г. Юстсу Карлсонсу было возвращено право собственности на недвижимость в Риге и Лиепае, в том числе Базар Берга, уникальный памятник деревянной архитектуры Риги [2].

Усадьба Руменес открыта с лета 2009 г. как сельская резиденция рижского Hotel Bergs для отдыха, различных мероприятий, банкетов и конференций. Апартаменты расположены в самой усадьбе (правда можно арендовать только весь господский дом целиком, отдельные апартаменты не сдаются [3]), а также в садовом домике и здании бывшей конюшни, переделанной под апартаменты [4].

Реконструкцией усадьбы занималась известный латвийский архитектор Зайга Гайле, работавшая ранее над проектом Базара Берга.

В отличие от парка, поместье Руменес не является охраняемым культурно-историческим объектом. Благодаря этому стало возможным надстроить второй этаж и создать под усадьбой подвал.

Среди реставрируемых аутентичных элементов во внешнем облике здания, можно назвать лестницу в стиле неоренессанс, которая была пристроена позже к неоготической усадьбе. Эта внушительная лестница с террасами, ведет из веранды к пруду и формирует боковой фасад. Плохо сохранившуюся веранду было решено перестроить заново в прежнем облике, лишь заменив крышу террасой. С противоположной стороны, на месте пристройки более позднего периода, чем усадьба, было построено помещение кухни в стиле контемпорари со стеклянной крышей. В здании кухни современная архитектура помещения и технологичные формы кухонной техники bulthaup противопоставлена антикварной крестьянской мебели.

Изначальные интерьеры усадьбы сохранились плохо, что дало архитектору большее пространство для творчества. В процессе реконструкции была изменена первоначальная планировка – дверные проемы перенесены таким образом, чтобы через всё здание шла анфилада. Убраны некоторые несущие стены в торцах здания. На пристроенном втором этаже находятся апартаменты со спальнями. Планировочные решения соответствуют «модели жизни в исторических дворцах и поместьях, в которых группа спальных помещений состояла из нескольких комнат – будуара перед спальней, самой спальни, ванной комнаты и гардеробной. Апартаменты позволяют спокойно жить и работать, отгородившись от происходящего на первом этаже» [1, с. 23]. Удачным можно назвать оформление апартаментов – белые стены

со старинными деревянными опорными балками, мансардные окна. Штукатурку наносили в несколько слоев, что дает материалу визуальную глубину и мягкую фактуру на ощупь. Нужно отметить, что открытые оригинальные росписи стен были выполнены в других цветах – красных и зеленых. Выбранные планировочные и колористические решения, которые не соответствуют исторической достоверности, добавили больше света в интерьер. На втором этаже также находятся: кабинет, ванная комната, общая гостиная. Для сообщения между этажами, ярусами второго этажа и подвалом используется лестница из массива дуба, выполненная латышскими мастерами для реконструкции усадьбы. Спуститься в подвал можно также на лифте, который замаскирован под окружающий интерьер. Для достижения стилистического единства, лифт спрятан за деревянной дверью, а пол в нем выложен из тех же плит, что и пол вестибюля.

Большинство мебели в усадьбе – антиквариат, собранный из разных стран. Антикварная мебель была тщательно отреставрирована с полным соблюдением технологии. На современной мебели была заменена обивка, для того, чтобы она подходила под интерьер. Такой подход к предметному наполнению интерьера способствует восприятию его у потребителя как подлинно исторического.

Все паркетные полы в доме – старинные, люстры и бра специально разыскивали по антиквариатам. В качестве каменного пола использован доломит. Из него также сделаны террасы и ступени лестниц. Также в интерьере очень много ковров, подобранных индивидуально под каждое помещение.

На момент начала реконструкции в усадьбе не было печей, теперь их семь, собранных по Латвии и отреставрированных. Сейчас они все функционируют. В 2008 году реконструкция усадьбы получила награду от Латвийской ассоциации архитекторов – работа Зайги победила в номинации «Лучшее восстановление проекта».

Поместье Руменес может служить ярким примером попытки воссоздать не прежний облик здания, а ощущения облика жизни на селе помещиков, дома для отдыха [1].

Мирский замок – уникальный памятник белорусской архитектуры XVI в., имеющий статус историко-культурной ценности категории «0» (всемирного значения). Изначально создавался как укрепленная резиденция в готическом стиле, однако с течением времени утратил своё оборонное значение. Мирский замок приобретает черты других стилей, феодальная резиденция преобразуется в дворцово-парковый комплекс с развитой инфраструктурой хозяйственных построек.

История современной реконструкции начинается в 1969 г. В республике были созданы специальные научно-реставрационные мастерские, и началась серьезная исследовательская работа [5]. С 1986 г. научный руководитель и главный архитектор – Д. Бубновский [7].

Концепция современной реконструкции замка была основана на сохранении всех аутентичных стилевых наслоений, будь то готические нервюрные своды или элементы позднего итальянского ренессанса в помещении часовни. Сохранение аутентичных материалов было построено на следующем принципе: исторические, уникальные элементы консервировались, а общие, отражающие основные концептуальные решения, и тиражированные элементы реставрировались.

16 декабря 2010 г. состоялось торжественное открытие Замкового комплекса «Мир». В настоящее время в здании Мирского замка располагаются следующие функциональные единицы: музей, гостиница, ресторан, магазин сувениров.

Апартаменты располагаются в восточном корпусе и юго-восточной башне. Гостиница насчитывает 16 номеров и позволяет разместить до 48 чел. С целью увеличения количества мест для проживания, 3 этаж был разделен на 2 яруса. Интересным конструктивным решением интерьеров стали двухуровневые номера с деревянными лестницами и антресолями [6].

Основным условием проектирования интерьеров было сохранение аутентичных элементов архитектуры и интерьера, например, камина юго-восточной башни. В качестве основного аналога при проектировании апартаментной части замка, был выбран английский стиль начала XX в, но для каждого из номеров предложена своя, индивидуальная история. Выбор этого направления стал возможен благодаря многочисленным стилевым наслоениям в архитектуре замка. Английский стиль проявляется в активном использовании деревянных элементов, таких как: лестницы, антресоли, стеновые панели, дверные порталы; покраске стен в светлые тона; массивной деревянной мебели; применении характерного текстиля в оформлении окон и в мягкой мебели.

Отталкиваясь от изначальной планировки здания, организована коридорная схема расположения номеров. Монотонная протяженность коридора смягчена ритмическим включением ниш со скульптурами и гобеленами, многоуровневыми подвесными потолками, разнообразным рисунком пола, а также арочными порталами. Ярким акцентом лифтхолла гостиничной части стал кессонированный потолок, выполненный в красочной цветовой гамме. После завершения реконструкции количество использованных современных материалов составляет: в фасадах здания – 10-15 %, во внутренней отделке – 90 % [8].

Необходимо отметить, что вкрапление валунов в кирпичную кладку, как в экстерьере, так и во внутреннем пространстве – фирменный стиль белорусского зодчества.

Во многих интерьерах Мирского замка, как и в интерьерах апартаментной части, использована современная плитка, поставленная компанией «СКВИРЕЛ». Все номера гостиницы оснащены кард-системой «умный дом»

и имеют необходимые инженерные коммуникации согласно современным требованиям к техническому оснащению архитектурных объектов [6].

Таким образом, можно говорить, что здание, не имеющее историко-культурной ценности, обладает большими возможностями для перепланировки и архитектурных преобразований, как технических, так и стилистических. Приобретая историко-культурную ценность, ее новый владелец обязан согласовывать все решения с Министерством культуры. Он должен разработать научно-проектную документацию, подготовить проект охраняемых зон, восстановить здание, максимально сохраняя его исторический облик. И, наконец, согласовать функциональное назначение будущего объекта [9].

В то же время, учитывая, что на современном этапе развития общества все большее значение приобретает историко-культурное наследие как основа современной культуры, возрастает интерес к подлинным, аутентичным памятникам архитектуры, с минимальным современным вмешательством. Как можно наблюдать на примере усадьбы Руменес, романтический образ многовековой истории в интерьере передаётся с помощью антикварных вещей, использования старинных технологий в отделке, например, таких, как многослойное нанесение штукатурки, воссоздания образа жизни в историческую эпоху.

Благодаря возникновению единого общечеловеческого информационного пространства, происходит устойчивый рост интереса людей к другим культурам мира, что благоприятно сказывается на развитии туризма и, как следствие, экономики.

Литература

1. Чарующая легость бытия. Поместье Руменес представляет собственную формулу реконструкции старинной усадьбы//Архитектура и дизайн Балтии: журнал, май 2009. - С. 11-27.
2. Мультимиллионер Юстс Карлсонс: «Не чувствую себя богачом!»/ [Электронный ресурс]. – Режим доступа:http://rus.tvnet.lv/novosti/obschjestvo/65998-multimillionjer-justs_karlsons_nje_chuvstvuj_u_sjebja_bogachom. – Дата доступа 15.06.2016 г.
3. Rumenes muiza Усадьба Румене/ [Электронный ресурс]. – Режим доступа:<https://pribalt.info/lv.php?month=9&news=157>. – Дата доступа 15.06.2016 г.
4. Индивидуальные резервации в усадьбе Румене/ [Электронный ресурс]. – Режим доступа:<http://rumene.lv/ru/special-offers/individualnye-rezervacii-v-usadbe-rumene>. – Дата доступа 15.06.2016 г.
5. Патапава В. Другое жыццё Мірскага замка//Чырвоная змена : беларуская маладзёжная газета, 11 снежня 1977. С. 4.
6. Беларуская кветка Сярэднявечча//Архитектура и строительство : АС : журнал, 2012.- №2. - С. 8-70.
7. Ілля Свірын. Мірскі замак: работа над памылкамі Культура//штотыднёвая грамадска-палітычная газета, 2009.- №37. - С. 4.

8. Мирский замок: после реконструкции современных материалов в фасадах здания – 10-15%, во внутренней отделке — 90%/ [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.ctv.by...> – Дата доступа 30.06.2016 г.

9. Не продаются и не реставрируются. Сотни старинных усадеб продолжают разрушаться/ Сотни старинных усадеб продолжают разрушаться [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://news.tut.by/society/443736.html>. – Дата доступа 30.06.2016 г.

Яков Ленсу Yakov Lensu

кандидат искусствоведения, доцент *PhD in History of Arts, Associate professor*
Белорусская государственная академия искусств, Минск, Беларусь *Belarusian State Academy of Arts*
Minsk, Belarus

ВОСЬМИКОНЕЧНАЯ ЗВЕЗДА – ОРНАМЕНТАЛЬНЫЙ МОТИВ РЯДА НАРОДОВ БАЛТИЙСКО-ЧЕРНОМОРСКОГО РЕГИОНА

Восьмиконечная звезда – распространенный мотив белорусской народной орнаментики, а также у ряда народов Балтийско-Черноморского региона. Если говорить о Беларуси, то вышитую красными нитками восьмиконечную звезду можно встретить на полотенцах и в центральных районах страны, и в Понемонье, и в Полесье, и в других местах. Этот декоративный элемент украшал и воротник мужской рубашки, и подол женской юбки, и край передника. Вышивали большими восьмиконечными звездами и праздничные скатерти. Распространена восьмиконечная звездочка была и в изделиях, выполненных с использованием инкрустации соломкой. Встречается она и на пасхальных яйцах-писанках.

М. Кацер в своей книге «Белорусский орнамент» дает три значения символики этой декоративной фигуры: во-первых, образ матери, во-вторых, образ человека и, в-третьих, символ урожая [1, с. 48]. Попробуем доказать, что за этими значениями скрывается еще более глубокий смысл, который сейчас забыт, но который можно обнаружить по косвенным признакам.

Для нашего доказательства надо обратиться вообще к происхождению в народной орнаментике восьмиконечной звезды. Этот симметричный элемент геометрического орнамента считается очень древним, поэтому его происхождение будем искать в глубине веков. Наверное, первое, что может прийти в голову о происхождении восьмиконечной звезды как декоративного элемента белорусской орнаментики, это ее общеславянские источники. Если так, то этот символ должен встречаться и в декоративном искусстве других славянских народов. Если мы просмотрим образцы русской народной вышивки или ткачества, то заметим, что декоративный

элемент в виде восьмиконечной звезды здесь довольно редкий. Если такой элемент и встречается, то, в отличие от белорусских народных изделий, имеет сравнительно малые размеры и играет незначительную роль в орнаментальных композициях. Правда, на севере России, особенно в Новгородской области, восьмиконечные звезды в вышитом орнаменте – меньшая редкость, но о причинах этого скажем несколько ниже.

В орнаменте украинцев восьмиконечные звезды встречаются чаще, чем у русских, но и здесь они не играют значительной роли в декоративных композициях и чаще всего имеют небольшие размеры. Показательно, что орнамент с восьмиконечными звездами обычно встречается в северных областях Украины, которые ближе к Беларуси, а с движением на юг наблюдается все реже.

В Польше такой орнамент можно встретить практически только на Белосточчине, где жило и живет много белорусов. На остальной же территории страны восьмиконечные звезды в декоре совсем не встречаются.

Эти наблюдения могут привести к двум предположениям: или орнамент из восьмиконечных звезд был присущ в древности всей восточнославянской народной традиции, но русские и украинцы, в отличие от белорусов, из-за каких-то причин позже стали забывать о нем, то ли белорусы оригинальны в использовании этого орнамента, и те немногие случаи использования его соседними славянскими народами появились под влиянием белорусского народного искусства.

Для выяснения этого вопроса попробуем выйти на более широкий круг рассмотрения. Дело в том, что восьмиконечная звезда широко используется и в орнаментике северных соседей белорусов – литовцев и латышей, народов, как известно, не славянского, а балтского происхождения. В литовских тканых покрывалах орнамент из восьмиконечных звезд встречается почти везде, декорируются им также полотенца. Для латышей восьмиконечные звезды – любимый мотив в оформлении вязаных рукавичек. Органически вплетаются восьмиконечные звезды и в орнамент знаменитых латышских поясов из местечка Лиелварде.

И тут возникает еще одно, третье предположение. Может восьмиконечная звезда пришла от древних балтов? Как известно, в белорусской народной культуре немало элементов, заимствованных из культуры древних балтов, которые в древние времена занимали значительную часть современной территории Беларуси. Так могла быть заимствована и восьмиконечная звезда.

Это вполне вероятно. Но вот новое обстоятельство: если мы продолжим нашу экскурсию на север, то найдем восьмиконечную звезду и у эстонцев, и у финнов, и у карелов. Те же восьмиконечные звезды в узорах на эстонских коврах. Знакомый рисунок, как раз как у белорусов, на финских и карельских вышитых женских сорочках, полотенцах.

Эти народы относятся уже, как известно, не к индоевропейской семье народов, а к финно-угорской. Но предки их, древние финно-угорские племена, жили рядом с древними балтами, немного на север, северо-восток и северо-запад от их земель. Может, и к ним восьмиконечные звезды пришли от балтов? Может, так... А может, и наоборот – влияние было в противоположном направлении?

Четвертое предположение: восьмиконечную звезду балты и славяне переняли от финно-угорских племен. Эта версия также кажется вероятной.

Пойдем, однако, дальше на север и переберемся на Скандинавский полуостров. Здесь мы с удивлением увидим, что на стене дома шведского крестьянина висит тканый ковер с восьмиконечными звездами. Такие же восьмиконечные звезды издавна были распространены и в ткачестве северных соседей шведов – норвежцев. Откуда же они здесь? Можно предположить: то ли от балтов, то ли от балтийских финно-угорских народов, которые живут по соседству со скандинавами. А если представить, что именно Скандинавия – родина орнаментальной восьмиконечной звезды?

Итак, предположение пятое. Но, наверное, эту версию тут же придется отбросить как маловероятную. Трудно допустить, что отсюда, с далекого севера, через ряд посредников (балтские и финно-угорские народы) некий орнаментальный мотив мог дойти на юг, вплоть до славянского Полесья. И так же трудно представить, что восьмиконечная звезда, если бы она зародилась у славян, достигла берегов Скандинавии.

Таким образом, у нас остались только две наиболее вероятные версии происхождения орнаментального символа в виде восьмиконечной звезды. Согласно первой он появился у балтских народов, по другой – у финно-угорских. Обе версии, кажется, имеют одинаковую вероятность. Как от древних балтов восьмиконечные звезды могли перейти к славянам, финно-уграм и скандинавам, так и финно-угорские племена могли стать распространителями этого символа среди указанных народов – и балты, и финно-угры находились, так сказать, в «эпицентре» распространения орнамента с восьмиконечными звездами.

На вопрос, откуда же идут корни орнаментального элемента в виде восьмиконечной звезды, мы бы так и не нашли ответа, если бы не еще одно обстоятельство. А именно: на территории России, в Поволжье, живут народы (удмурты, мордва, марийцы), которые в своем орнаменте также употребляют знакомые нам восьмиконечные звезды. К тому же восьмиконечные звезды не редкость и у народа, который живет совсем в других краях, на берегах Дуная – у венгров. Тут справедливо признать, что балты никак не могли повлиять на орнаментику в изделиях обитателей бассейнов таких далеких рек, как Волга и Дунай. Теперь вспомним, что удмурты, мордва, марийцы и венгры относятся к той же финно-

угорской семье народов, а это очень повышает степень вероятности версии о финно-угорском происхождении декоративной восьмиконечной звезды.

И сейчас процесс распространения этого элемента в орнаменте всех названных нами народов становится достаточно понятным. Дело в том, что изначально, в древности, все финно-угорские племена жили в одном месте – в районе Волги и Урала, где живут их нынешние потомки – удмурты, мордва, марийцы и др. Здесь, видимо, и сформировался орнамент из больших восьмиконечных звезд, который, как мы видели, сохранился в этих местах до нашего времени. Предки современных финнов (суоми), эстонцев, карелов и некоторых других народов примерно за тысячу лет до н. э. оторвались от поволжских финно-угорских племен и переселились на северо-запад, в Прибалтику. Они принесли сюда и свою орнаментуку, которая включала как один из основных элементов восьмиконечную звезду. Расселившись рядом с балтскими племенами, жившими в Центральной Европе уже давно, финно-угры вступили с ними в культурный контакт, что-то, наверное, позаимствовав из балтской культурной сокровищницы, что-то передав своим соседям, в том числе орнамент с восьмиконечными звездами. От прибалтийских финно-угров восьмиконечные звезды перешли и к их северо-западным соседям – германским племенам Скандинавии.

Славяне в Центральной Европе появились позже – в середине I тыс. н. э. Постепенно продвигаясь на север со своих первоначальных земель, которые были к югу от Припяти, они перемешались с балтами и финно-уграми, которые жили на этой территории. Вот тогда, наверное, славяне и позаимствовали у них орнамент с восьмиконечными звездами. Активное взаимодействие славянской культуры с культурами балтов и финно-угров началось как раз на землях современной Беларуси. Поэтому в культурном наследии, которое получили от своих далеких предков более поздние жители этих мест, этнические белорусы, как определяют ученые, многое идет от балтских и финно-угорские корней. Этим же, наверное, можно объяснить и особую популярность в белорусском народном орнаменте, по сравнению с другими восточнославянскими народами, декоративной восьмиконечной звезды, которую древние предки белорусов позаимствовали, как мы определили, у своих финно-угорских и балтских соседей. Укоренилась она и в орнаментике жителей Северной Украины и Восточной Польши, непосредственно примыкающих к Беларуси. Сохранился он и у потомков древних балтов – литовцев и латышей, а также у поволжских и прибалтийских финно-угров – удмуртов, мордвы, марийцев, финнов, эстонцев, карелов, а под влиянием последних – у жителей северных областей России.

Что же касается венгров, то они пришли на земли, которые занимают сегодня, с Волго-Уральского региона где-то в IX в. Именно от своих

волго-уральских предков они, как и их прибалтийские собратья, взяли восьмиконечную звезду в орнаменте, которую здесь можно встретить и в вышивке на подоле женской юбки, и на самотканой скатерти, и в традиционном оформлении прялки.

Таким образом, предположение о финно-угорском происхождении орнаментального элемента в виде восьмиконечной звезды кажется наиболее вероятной версией. Перейдем к выяснению смысла этого символа. Нужно сказать, что на белорусских деревянных резных прялках, в украшении которых в качестве солярных знаков, т.е. символов солнца, чаще всего использовались, как известно, шестилучевые розетки, иногда эту роль исполняли еще и восьмилистники, которые иногда совсем превращались в восьмиконечную звезду. Известно также, что большие самодельные звезды из прутков и бумаги, которые нередко имели восемь концов, являлись у белорусов атрибутом рождественской (по-белорусски «калядной») обрядности и в древности олицетворяли дневное небесное светило, так как Каляды во времена язычества были посвящены зимнему солнцестоянию, т.е. как считали, возрождению бога солнца Ярилы. Указывают на то, что в белорусской народной культуре существовала связь восьмиконечной звезды с солнцем, и изображения этого знака на пасхальных яйцах-писанках, так как последние по древней дохристианской традиции также были связаны с солнечной символикой, весенними праздниками пробуждения природы. Таким образом, скорее всего и восьмиконечные звезды в белорусской народной вышивке и ткачестве также олицетворяли солнце.

Но всегда ли восьмиконечная звезда у белорусов означала солнце? Вспомним, что этот символ, как мы выяснили, пришел к ним от финно-угорских народов. Но какой смысл он имел у последних? Вот что мы можем узнать в этом плане. У волжских карел, например, орнаментальный мотив в виде восьмиконечной звезды назывался «кудамакирья», что значит "лунный рисунок". Крупный же узор из восьмиконечных звезд, который вышивали удмуртки на своих нагрудниках, назывался «тэле» – «лунный». А вот выдержка из карело-финского эпоса «Калевала», откуда мы узнаем про украшение традиционной тканой рубашки следующее:

*Хороша рубашка свата:
Чуть выглядывает ворот,
Словно дочь луны соткала ...*

Из этих строк можно понять, что украшение воротника рубашки, который, кстати, чаще всего украшался орнаментом с восьмиконечными звездами, древние финны также связывали с луной.

Таким образом, у финно-угорских народов, которые были изначально носителями орнаментального мотива в виде восьмиконечной звезды, он обозначал луну. Однако у белорусов символический смысл его был совсем другой. Как указывает М. Кацер, это: мать, человек, урожай [1, с. 48]. Кажется, никакой связи с символическим смыслом луны, который имела восьмиконечная звезда у финно-угорских народов. Но не будем торопиться. Попробуем доказать, что связь здесь есть, и очень тесная.

Рассмотрим те символические значения, которые имела у древних народов луна как важнейшее, наравне с солнцем, небесное тело. Немецкий исследователь Г. Бидэрманн в своей известной работе «Энциклопедия символов» перечисляет следующие символические значения луны, которые существовали в прошлом у большинства народов Востока и Запада. Во-первых, это символ женственности, что следует из временного совпадения менструального цикла с лунной периодичностью. Во-вторых, луна рассматривалась как образ человека, который получает от луны свет. И, в-третьих, луна как женский символ означала женскую плодovitость, а отсюда – плодovitость вообще и потому – плодородие земли [2, с. 154]. Теперь, если мы сравним эти символические значения луны с теми значениями, что, согласно представлениям белорусских крестьян, имела восьмиконечная звезда в их орнаменте, то заметим, что они полностью совпадают: женщина-мать, человек, плодovitость (урожай). И, таким образом, можно сделать вывод, что, скорее всего, в глубокой древности и в белорусской народной орнаментике образ восьмиконечной звезды также имел символическое значение луны со всеми смыслами, которые исходили из этого понятия: женственность (образ матери), образ человека, символ плодородия (урожая). Позднее же у белорусов осмысление этого образца как символа луны утрачивается. (Луна начинает символизироваться изображением ромба без лучей.) Но все значения, которые нес в себе символ восьмиконечной звезды в качестве символа луны, остаются без осознания связи с их первоначальным носителем. Однако, тем не менее, происхождение символического смысла восьмиконечной звезды в белорусской народной орнаментике следует связывать именно с луной как одним из элементов Космоса, одним из элементов строения Вселенной.

Литература

1. Кацар, М. С. Беларускі арнамент: Ткацтва. Вышыўка / М.С. Кацар. – Мінск: БелЭн, 1996. – 208 с.
2. Бидерманн, Г. Энциклопедия символов / Г. Бидерманн. – М.: Республика, 1996. – 335 с.

Екатерина Андрейчик **Katsiaryna Andreichyk**
магистр исторических наук *Master of Historical Sciences*
Полоцкий государственный университет, Polotsk State University
Полоцк, Беларусь *Polotsk, Belarus*

STUDIES OF LOCAL HISTORY IN THE TERRITORY OF BELARUSIAN PROVINCES OF THE RUSSIAN EMPIRE

In the study of history of the states and territories plays an important role local history, which, combining the different areas of research on the geography and botany to religion and literature, can tell us about the complex history of the region. As in the XIX century, modern historical local studies together academic, cultural and social forces that attracts not only professionals but also amateurs. Appeal to historical memory, to the socio-cultural heritage of the society, the restoration of pictures of the past is always relevant and in demand. At the end of the XVIII century. many representatives nobility opened their residences in libraries, archives, galleries, numismatic, mineralogical and other collections. The most complete and interesting collections belonged the Radziwills family Nesvizh, Khreptovich family in Schorsy, Oginski family in Slonim. Rich charges were in some monasteries and educational institutions. Unique collections belonged noble birth family Chapsky, Tyzenhauz, Plater, Yelsky, Tyshkevich etc.

With the inclusion of the Russian Empire of the Belarusian lands denoting their systematic study. An important role in this process was played by the socio-economic and cultural changes specific to the periphery during the XIX century. For this period is characterized by the further development of education, dissemination of normative historical knowledge and interest in local history among the provincial «society», the creation of regional committee and the organization of regular statistical and economic surveys. The emergence of the local press, capital formation and the promotion of local lore knowledge involved in the research environment as amateurs and professionals. In addition, during the indicated period of the process of the formation of the scientific-research traditions and the formation of new scientific disciplines – the archival science, archaeology and ethnography. XIX century in Europe was marked by the emergence of numerous geographical societies. In 1821 arose the Paris geographical society, in 1828 – the Berlin geographical society, in 1830 – the London Royal geographical society. In 1843 in St. Petersburg under the guidance of the outstanding statistics and ethnographer P. Keppen began to meet regularly circle, which discussed issues of statistical and geographical descriptions of the territory of empire. Soon the participants of the meeting joined by well-known naturalist and traveler K. Baer and admiral F. Lutke. The scientific circle was the predecessor of the Geographical society. There was a need for the facility, which was able to coordinate and guide in the right direction all the research potential. The main goal of the company was listed in its Charter: «to

collect, process and distribute in Russia geographical, ethnographical and statistical information in general and in particular about Russia itself, as well as to disseminate reliable information about Russia in other countries». In 1850 the Russian geographical society was renamed as the Imperial Russian geographical society. The organization has its branches in [1, c.47].

In 1867, was created by the North-West Department of the Russian geographical society with a centre in Wilno. Territorially the Department includes Belarus. It was one from the first Department of the Imperial Russian geographical society (after Siberia in Irkutsk and the Caucasus in Tbilisi). North-West Department existed until 1876. In 1910 the Department has renewed its work. However, it was interrupted by the world war. There was the print organ of «Notes of the North-West Department of the Imperial Russian geographical society» under the editorship of Belarusian historian D. Dovgialo. Of special interest for the modern researcher is the Department of Ethnography. Printed work of M. Bez-Kornilovich, P. Shpilevsky, I. Yurkevich, N. Animelle. The materials collected in the 1840-1850-s A. Kirkor, comprised two parts of the 3rd volume of the edition «Picturesque Russia» («Lithuanian Polesie» and «the Belarusian Polesie», 1882). After the uprising of 1863-1864 intensively studied ethnographic borders and national composition of the population in the Western provinces of the Russian Empire. In the «Materials for geography and statistics of the Russia, collected by the officers of the General staff» among the volumes devoted to Belarus, distinguishes «The Grodno province» I. Bobrovsky (1863).

Since the beginning of the XIX century, actively began to be published in the first works on history, ethnography, archaeology of Belarus. Similar scientific interest was connected with the necessity of justification of the rights on the territory of Belarus as from the side of Russia and Poland. One of the first there were works of teachers of the Wilno University A. Danilovich and N. Bobrovsky. General M. Bez-Kornilovich gave an overview of the historical and economic life of the cities and towns of the Vitebsk and Mogilev provinces. A prominent place in the study of the history and culture of Belarus belongs to the scientist-ethnographer Z. Dolengo-Khodakovsky (real name Adam Charnotsky, 1784-1825), which studied the representation and folklore of Minsk region, Mogilev region and Vitebsk region.

Many researchers studied and worked in the Wilno University. Widely reflected the life of Belarusians in the publications of Z. Dolengo-Khodakovsky, J. Chechot, I. Yaroshevich, A. Podberesky, Y. Krashevsky, J. Borshchewsky, E. Tyshkevich, P. Zenkevich, W. Syrokomlya, as well as A. Rypinsky, L. Galombiowsky. Participants of Wilno circle of scientists and writers belonged to the description of several Belarusian districts: Barysau district (E. Tyshkewich), Grodno province (T. Yaroshevich) and Pinsk district (T. Moshinsky). In 1837-1847 E. Tyshkewich doing excavation mounds around Lahoyak. April 29 (May 11) in 1855 in Wilno under his leadership established

Museum antiquities. His first exhibition was opened 17 (29) in April 1856 in the building of the library of the Wilno University. Museum had departments: archaeology, ethnography, art, weapons, mineralogy, and ornithology. Their collections to the museum gave the brothers E. and K. Tyshkewich, W. Syrokomlya, A. Kirkor and many others.

Part of the coin hoards found in the Grodno region in the 80-90-ies of the XIX century, were transferred to the Museum antiquities in Wilno. Positive implications for the development of Belarusian local history was his creation of the Archaeological commission (1855-1865). Brother E. Tyshkewich – K. Tyshkewich created in Lahoyk Belarusian museum of antiquities, was the author of the book «Wiliya and its banks» (1871) [2, c. 14].

Among the historical, archaeological, scientific, natural and other companies have come to occupy a special place opens at 80-s of the XIX century Provincial scientific archive commission. State saw the commission as a special group archival societies, to whom was given the task of forming the provincial historical archives by reviewing smaller archives, examination of documents in order to save them for science. Provincial scientific archive commission went beyond its powers, becoming a local history and historical research and educational communities.

In Belarus such organization became operational only in 1909 and lasted for 9 years. The initiators of the society were E. Romanov, A. Sapunov and V. Arsenyev. The purpose of the commission – the protection of monuments of history and culture, the study and promotion of the region's history, the collection of museum collections, archaeological research, the identification of ancient manuscripts and documents, organization of excursions. The Commission had a board, council, library (3700 volumes), the historical archive and museum. Organization existed on government grants, membership fees, donations and fees from lectures. At the initiative of the Commission open Vitebsk branch of the Moscow archaeological institute. Honorable members of the committee were recognized E. Karsky, D. Kaigorodov, D. Kliuchevsky, O. Lappo-Danilevsky, A. Shakhmatov, B. Epimakh-Shipilo, etc.

Along with the provincial Scientific Archive Commission database for information local lore were the provincial and regional statistical committees, which began to emerge in 1834. There was only 93 committees that collect statistical information within the province. Since the subject of statistics in the first half of the XIX century was understood quite broadly, regional statistical committees had been working to compile lists of ancient structures, including historical documents on the establishment of monuments, collected data on their reconstruction, measured drawings, photographs, copies of older pictures, etc. on, among the first of the Russian Committee was established statistical Grodno provincial committee. The committee consisted of the collection, processing and analysis of information on population, industry, agriculture, trade, education and

religion. In addition to mandatory the collection and processing of statistical information, the Committee engaged in describing the province and its member counties in the historic, economic and topographically. At the request of the central institutions sends out questionnaires governor subordinate entities and individuals. The information collected is summarized and sent to the concerned agencies. In the 30-40-s of the XIX century, corresponding members of the Regional Committee – local history researchers, teachers, employers, to provide models describing cities in Russia, is actively engaged in the description of district cities and towns of Grodno province, to collect information on the monasteries, churches, castles and other monuments of antiquity.

In the second half of the XIX century, Grodno Regional Committee continues to collect information about the mounds, surviving monuments of Russian art, as well as the place of discovery of treasures, ancient coins, stone and copper products, etc. When the committee began operating its own museum. Museology at Grodno Regional Committee has its origins from the «Exhibition of works by province», opened in 1837. In the 70-s of the XIX century the museum for Statistics Committee has several departments: ethnographic, industrial, zoological, mineralogical and represented samples of rocks, soils, etc.

A new wave of nationwide interest in the history of Belarus has been called the uprising of 1863. During this period, promoting Belarusian research subjects were the publication S. Aksakov, M. Koyalovich. Prominent role in the development of the domestic local history belongs K. Govorsky (ca. 1811 – june 17, 1871) – Belarusian archeologist, historian, journalist and publisher. K. Govorsky taught in Polotsk seminary and in the early 50-s of the XIX century was engaged in archaeological excavations at Polotsk region. Polotsk history devoted to the publication of K. Govorsky «Polotsk historical information about Saint Sophia Cathedral», «Visit to Peter the Great in St. Sophia Cathedral», «About the beginning of Christianity in the former principality of Polotsk», «On the introduction, distribution and fate of Calvinism in Belarus». K. Govorsky was prepared the work «History of Polotsk diocese». He was also the editor and publisher of the «Bulletin of Western Russia», «Vitebsk regional news». The magazine has been paid much attention to important issues of Belarusian history. «Bulletin of the Western Russia» (1864-1871) – one of the first domestic socio-political, historical and popular magazines that reflects the ideological quest Belarusian Orthodox intelligentsia. The most prominent representatives were:

E. Karsky – the first scientist known philologist and ethnographer, folklorist, paleography, the founder of the Belarusian philology and linguistics, long ago became an ornament not only Belarus, but the Common Slavonic science. The author, known for more than 700 papers in Slavic, studied Belarus, Russia and other Slavic peoples [3, c.67].

Rightly called the «father of the Belarusian lexicography» I. Nosovich – renowned folklorist, lexicographer, the ethnographer. Nosovich belong such works as «The Dictionary of the Belarusian language», «Index of old Belarusian words chosen from acts that relate to the history of western Russia», etc.

Description Belarus mid XIX century «Journey to the edge and the Belarusian Polesie» (1853-1855) belongs to P. Shpilevsky (a pseudonym – Drevlyansky) (1827-1861). P. Shpilevsky is also the author of «The Belarusian proverbs», «Belarusian folk tales», «Mozyr region», «The west essays».

P. Zhukovich – professor of the St. Petersburg Theological Academy, Doctor of church history, the leading experts on ecclesiastical and civil history of Poland, Belarus, Ukraine, XVI-XVIII centuries. The most famous of his works: «Parliamentary fight orthodox Ruthenian nobility personal union with the church». Member of the Academy of Sciences Department of the Russian language and literature. At the end of the life of a member of the young Belarusian free economic society, for which compiled a collection of «Belarus» and bibliography of Belarus.

In 1859 excavations at the watershed between the rivers Volga, Dnepr and Western Dvina started a M. Kustinsky (1829-1905). M. Kustinsky archaeological map created Lepel district, published a study «On the mounds Lepel district», «Notes on archaeological excavations in Vitebsk», «Experience of archaeological research in Lepel district of Vitebsk province», «Notes on the findings in Vitebsk in barrows with cremation».

In 60-70 years of the XIX century, a lot of information about Belarus published in the pages of provincial newspapers, commemorative books and descriptions of provinces. Materials on Belarus published in the «Proceedings of the free economic society», «Agriculture and forests». In 80-90 years of the XIX century unfolds activities of major representatives of the Belarusian ethnography P. Shein, N. Nikiforovsky and E. Romanov.

P. Shein (1826-1900) published his work «Materials to study the life and language of the Russian population of the North-Western Territory» (St. Petersburg, 1887-1902, tome 1-3). The publication contains information on people's material culture, folklore, rituals and beliefs of the Belarusians. P. Shein formed a network of correspondents, some of whom later became engaged in independent research (E. Karsky, N. Nikiforovsky, A. Bogdanovich). In 1867, P. Shein sent to Belarus hundred copies of the program of collecting folklore and ethnographic materials.

N. Nikiforovsky (1845-1910) published about 20 scientific papers. The most significant of them: «Outlines a simple life of the people and life in Vitebsk part of Belarus and a description of household goods» (1895), «Simple folk omens and superstitions, superstitious rites and customs, the legendary tales of the people and places» (1897), «Pages from a recent

antique city of Vitebsk» (1899), «Wicked: set of people in the Vitebsk region of Belarus tales of evil spirits» (1907) [4, c.15].

Science began to develop local history from the middle of the XVIII century. Systematic scientific study of Belarus starts after entering the Belarusian lands in the Russian Empire. From the middle of the XVIII century. organized academic expedition to explore the regions of the country, which could result in a natural geographic description of the area and works on their history. Much has been done for the development of local history the Russian geographical society.

References

1. Кахоновский, Г.А. Археология и историческое краеведение Беларуси в XVI-XIX ст. / Г.А. Кахоновский. – Минск: Наука и техника, 1984. – 118 с.
2. Клепиков, Н.Е. Культурно-историческое наследие Беларуси, период Российской империи / Н.Е. Клепиков. – Минск: Изд. Центр БГУ, 2008. – 175 с.
3. Цитоў, В.С. Народная спадчына: Матэрыяльная культура ў лакальна-тыпалагічнай разнастайнасці / В.С. Цитоў. – Мінск: Навука і тэхніка, 1994. – 300с.
4. Шыдловский, С.О. Краеведение / С.О. Шидловский. – Новополюцк: ПГУ, 2011. – 172 с.

Ольга Уманец Olga Umanets

кандидат искусствоведения, доцент *PhD in Art Criticism, Associate professor*
Национальный юридический университет Yaroslav Mudryi National Law University
им. Ярослава Мудрого, Харьков, Украина Kharkiv, Ukraine

ЦЕННОСТНЫЕ ОРИЕНТАЦИИ И ПОЛИЛОГ КУЛЬТУР В РОМАНЕ М. ЗАРИНЬША «ФАЛЬШИВЫЙ ФАУСТ»

Пространство современной культуры, демонстрирующее активизацию и глобальную значимость межкультурной коммуникации в синхронии и диахронии, актуализирует необходимость осмысления сущности ценностных ориентаций Человека и логики их трансформаций. На уровне художественной рефлексии одним из модусов воплощения данной проблематики в синхронии и диахронии культур является фаустиана – репрезентант духовных поисков личности. Их перманентность обуславливает способность фаустианской мифологемы к функционированию в различных национальных и историко-культурных контекстах, акцентуации сущностных для культур проблемных «аксиологических узлов» и связи их в единую, бесконечную цепь постижения человеком смысла его жизни и осмысления идеалов, составляющих его духовное естество.

Как составляющая фаустианской панорамы XX ст. – роман Маргера Зариньша «Фальшивый Фауст, или Переправленная, пополненная поваренная книга – П. П. П» – до сегодняшнего дня не обрел исчерпывающего освещения в гуманитарном знании. Немногочисленность обращений к роману [1; 4, 4; 5; 6;], неоднозначность оценок своеобразия его стилистики в ореоле идеологических маркеров русскоязычной критики 1980-х гг. [1, с. 93; 6, с. 331] – причины существования исследовательских «лакун», связанных с осмыслением специфики и историко-культурной детерминированности концепции произведения. Необходимость их заполнения и потребность в осмыслении концептуальной сущности и интерпретационной логики фаустианы, как сквозного тематического стержня европейской культуры, а также в исследовании смыслообразующей сущности полилога культур в романе М. Зариньша, обуславливают актуальность данной статьи. Ее целью является выявление особенностей интерпретации фаустианской мифологемы и ее детерминированности постмодернистской парадигмой мировидения в романе «Фальшивый Фауст» М. Зариньша. Освещение особенностей концепции и трактовки образной триады фаустианы в культурологическом и аксиологическом ракурсах обуславливает новизну исследования.

В контексте традиционного видения фаустианы как художественного воплощения договора человека с дьяволом во имя знания роман М. Зариньша – своеобразный парадокс. Переосмысление фаустианской мифологемы в целом и каждой из компонент фаустианской образной триады в романе обусловлено неразрывным единством семантических полей – пространств различных культур, что резонирует с полистилистической сущностью творчества композитора и писателя [5, с. 91].

Соотнесенность с духовным опытом европейской культуры Средневековья и Возрождения создается в романе прежде всего фаустианскими концепто- и сюжетобразующими стержнями – мотивом заключения договора, его целью – обретением всеобъемлющего знания. В единую цепь культурные пространства Ренессанса и Новейшего времени связывает образ героя – Кристофера Марлоу – аллюзия Кристофера Марлоу, автора одной из версий фаустианы. С титанизмом ренессансной личности граничат амбициозность и пафосная пассионарность устремлений героя, с которыми контрастирует «избыточность» и архаичность стилистики, создающие связь барочной культурой Нового времени.

Заключение договора Фаустом и Мефистофелем в легендах рубежа Средневековья и Возрождения демонстрировало процесс смены ценностных основ – душа как высшая сакральная ценность Средневековья уступала место знанию как высшему, светскому, гносеологическому ориентиру Нового времени. В «Фальшивом Фаусте» мотив договора базируется на подмене общечеловеческих, вневременных, духовных, определяющих смысл бытия

человека, идеалов субъективными, сиюминутными, материальными, мнимыми и вторичными в своей значимости желаниями. Всеохватное знание заменяется поваренной книгой, душа – авторскими правами на данное «творение» и поиском вечной молодости, трагические последствия продажи души – гротесковым преображением Трампедеха в неразумное дитя.

Такое кардинальное иронически-игровое, пародийное переосмысление концептуального ядра фаустианы, отражающее неоднозначность процесса формирования аксиологических основ человеческого бытия в XX ст., резонирует с координатами постмодернистской парадигмы мировидения.

Ее направленность на ревизию сущности и иерархии ценностей личности и человечества в целом находит отражение в концептуальном и функциональном переосмыслении фаустианской образной триады. Образы Яниса Трампедеха и Кристофера Марлова изначально и одновременно сочетают в себе оппозиционные ипостаси Фауста и Мефистофеля. Вместе с тем образ Кристофера Марлова репрезентирует не только фаустианский дух глобальных сомнений, но и тотальный скепсис, нигилистическое опровержение всех духовных основ, в том числе порядка, религии, дружбы, героизма и энтузиазма [2, с. 28]. Декларативность утверждения героем единственно значимых для личности абсолютной свободы и независимости духа, как и вторичность – римейковость его жгучего желания создать уже ранее созданное (оправдываемое им множественностью заимствований в пространстве культуры, в том числе и музыкальной – «Опера нищих» Гея и Пепуша), переориентация на низовые ценности акцентирует постмодернистские нюансы в интерпретации образа.

Антиценности составляют и фундамент образа Трампедеха, для которого воплощением мудрости является сфера кулинарии, сакрализованным смыслом жизни – культ еды (поневоле напрашиваются сравнения с современным медиа-пространством, до предела насыщенным кулинарными программами).

Концептуальная переориентация фаустианы отражается и в драматургии романа, базирующейся на принципе пересемантизации образов. Образ Маргариты, изначально предстающей как воплощение чистой любви, вечной женственности, озаренной высокими поисками социальной справедливости и творческой самореализации, «модулирует» в сферу материальных ценностей, ради которых она становится содержанкой Яниса Трампедеха. Последний же после заключения договора радикально изменяет свою сущность – национальную принадлежность, политические взгляды, и функцию, становясь, по существу Мефистофелем – повелителем Маргариты и Кристофера Марлова.

Образ главного героя, свободно мигрируя в различные историко-культурные пространства, также демонстрирует кардинальное переосмысление сущности, смысла жизни, ценностных установок, становясь из псевдо-Мефистофеля Фаустом современности. Пройдя сквозь череду

испытаний, в том числе любовью к Маргарите и болезнью (что создает аллюзию с образом Адриана Леверкюна из «Доктора Фаустуса» Т. Манна), болезненно переживая социальные и политические катаклизмы, он обретает новую жизнь. Возвращение к собственно творчеству, поиск смыслов бытия в народной среде и активность социальной позиции символизирует аксиологическую модуляцию образа героя, направленную на сознательное формирование новой ценностной иерархии, становление новой личности.

Складывается достаточно определенная линия развития образа К. Марлова – Мефистофеля, становящегося Фаустом: от эгоизма, нигилизма, шутовства и богемности – к общечеловеческим ценностям, коллективизму. Однако в финале и эпилоге утверждение виртуальности, условности, театрализованности всех событий, возвращение к барочной многословности (характерной для Предисловия), «снимает» высокий ореол с новой личности героя, развенчивает его цель, которая является не более чем плагиатом, и смысл договора, который является не более чем изощренной игрой. Свои дерзания Марлов подает как озорство, себя – как псевдописателя, «...который мешает стили, путает времена и события, ... орудует, как слон в посудной лавке, для него нет ничего святого» [2, ст. 277], смысл исканий – удовольствие от того, что он дразнит дам [2, ст. 277].

Данный радикальный смысловой поворот создает вторую аксиологическую модуляцию образа героя, драматургию своеобразного сюжетного и пространственно-временного кольца, аллюзию романтической мифологемы круга и в то же время отражает присущий культуре постмодернизма скепсис относительно сущности аксиологических опор личности и Человечества.

Логика пересемантизации и видение фаустианы сквозь призму постмодернистской парадигмы, ставящей под сомнение существование смысла как такового [3] детерминирует и переосмысление смыслообразующего для фаустианы концепта знания. В романе данный концепт предстает в ореоле двойничества, создавая смысловой резонанс с оборотностью образов главных героев. Поваренная книга – воплощение ироничной, пародийной ипостаси знания, связанного с гастрономически-чувственным наслаждением, обретающим статус высшей ценности. Вторая ипостась – эликсир смерти – демонстрирует характерную для культуры XX ст. проблематизацию значимости для человечества высших интеллектуальных достижений, этической сущности знания, выступающего как источник массового уничтожения Человечества.

Значима в интерпретации фаустианы М. Зариньша мифологема смены имени. Трампедах предпочитает вместо предложенного Марловым имени Янис Сквородка, «снижающего» сущность их совместных исканий, претензионное имя Альгимант Амбрерод [2, с. 84]. Такой псевдоним – порождающий ароматы – отсылает к семантическому кругу фаустианы,

создавая анти-аллюзию со второй, мефистофелевской сущностью персонажа (с традиционной связью дьявольского начала с запахом серы). Комичность сцены смены имени - концептуально значимый прием осмеяния, пародизации новой сущности образа и создания ореола условности событий. В пространстве народной культуры новое имя, символизирующее новую сущность, избирает для себя и Марлов.

Многоголосие стилей, историко-культурная полифония романа, обуславливает онтологическую специфику образов романа, их бытие одновременно в хронотопах прошлого и настоящего. Плюралистическая хронотопическая атмосфера романа создается, с одной стороны, монтажным сопоставлением контрастирующих эпизодов и значимостью принципа «театр в театре», который придает и образам и событиям некую специфическую постмодернистскую условность, виртуальность. С другой – предельной стилистической множественностью. Произведение насыщено аллюзиями и ассоциациями с событиями Второй мировой войны, образами-символами различных эпох (Сафо, Э. Гофмана, Г. Телемана, Скарлатти, Р. Шумана, Ж. Оффенбаха, Дж. Верди, Дж. Пуччини, Р. Вагнера, В. А. Моцарта, Й. Гете, М. Мусоргского, У. Берда, О. Гиббонса, Дж. Доуленда, В. Галилея, членов кружка Барди, выдающихся актеров театра времен Возрождения и т.д.), цитатами и квазицитатами (фактически точно воспроизведен отрывок из «Фауста» Й. Гете и опосредованно – из «Народной книги» Й. Шписа), множественными ссылками на творчество К. Марло («Трагическая история доктора Фауста», «Тамерлан»), В. Шекспира («Отелло», «Сон в летнюю ночь»), Л. ван Бетховена (персонажи «Фиделио» – Флорестана и Леонору), П. Чайковского («Лебединое озеро»), М. Шолохова, Д. Шостаковича, В. Маяковского. Каждый из этих неявных персонажей – многогранный концентрат культурной памяти человечества, имеющий собственную семантическую ауру и культурный контекст. Это придает образной системе романа некую постмодернистскую ризомность, отражает установку постмодернизма на осмысление нового как результата калейдоскопического смешения уже созданного [3, с. 226].

Особо значимы в драматургии и хронотопе произведения своеобразные ренессансные рефрены. В этих эпизодах «из прошлой жизни» герои предстают как реинкарнации писателя и актера Кристофера Марло и его врага – аббата из Дептфорда. Данные вставки создают иной смысловой пласт, в которой символическими опорами становятся образы Шекспира, героев его произведений и его музы – черной Мэри, поэта и драматурга Б. Джонсона. Двойничество и оборотность доведены в этих вставках до абсолюта, обличья героев «размыты» до предела ситуационным совмещением в них функций персонажей и актеров, играющих в ренессансном театре одновременно несколько ролей – аллюзий данных

персонажей, что создает эффект многократного пародийного, аксиологически критического кодирования, «игры в игре в игре».

Постмодернистская ревизия духовных основ в романе находит отражение и в сокрушительной критике духовного опыта человечества. С одной стороны это уже упоминавшаяся ранее акцентуация вторичности авторства, римейковости многих интеллектуальных достижений. С другой – проблематизация заимствования сюжетов в европейской ренессансной литературе. Это становится как основанием для функционирования в романе ренессансных двойников персонажей и импульсом к критике структуры и стилистики трагедии К. Марло, во многом перекликающихся со спецификой романа М. Зариньша.

Таким образом, роман М. Зариньша «Фальшивый Фауст» – уникальная интерпретация фаустианской мифологемы, постмодернистская сущность которой детерминирована духом всепроникающей иронии, отчуждением персонажей от самих себя и от своих свершений, эффектом «театра в театре», игрой смыслами, изначальной условностью, пародизацией и пересемантизацией аксиологических констант бытия человека и образов – их носителей, уникальностью хронотопа – нерасторжимого единства различных историко-культурных времен и пространств. Созвучность романа М. Зариньша проблемам духовного бытия человека в современной культуре, значимости в ней межкультурной коммуникации в синхронии и диахронии формирует дальнейшие исследовательские перспективы, связанные с культурологическим освещением онтологической логики фаустианы.

Литература

1. Абызов Ю. «Приспешничье шародейство во Влумине» // Даугава, 1983. – № 2. – С. 93 – 107.
2. Заринь М. Фальшивый Фауст. Романы / М. Заринь. - М. : Известия, 1984. - 396 с.
3. Ильин И. Постструктурализм. Деконструктивизм. Постмодернизм. – М.: Интрада, 1996. – 257 с.
4. Ишимбаева Г. Г. Русская фаустиана XX века. – М.: Флинта, 2002. – 128 с.
5. Курьшева Т. А. Маргер Заринь. – М.: «Советский композитор», 1980. – 208 с.
6. Урнов Д. М. Пристрастия и принципы. – М.: Советский писатель, 1991. – 425 с.
7. Якушева Г. В. Фауст и Мефистофель в литературе XX века // Гетевские чтения – 1991. Под ред. С. В. Тураева. – М.: Наука, 1991. – С 165 – 192.

Ксения Дубовская **Ksenia Dubovskaya**
кандидат искусствоведения, доцент *PhD in History of Arts, Associate professor*
Белорусская государственная академия искусств, Минск, Беларусь
Belarusian State Academy of Arts
Minsk, Belarus

КИНОФИКАЦИЯ В СОВРЕМЕННОМ ДРАМАТИЧЕСКОМ ТЕАТРЕ БЕЛАРУСИ

Визуальная образность является определяющим элементом сценического произведения, так как слово перестало быть доминирующим средством выразительности в спектакле. Отсюда вытекает утрата литературоцентричности в театре, которая в начале XXI в. становится все более очевидной. Режиссеры и художники театра для визуализации тем и идей первоисточника все чаще используют мультимедийный прием, который характеризуется наличием в решении постановки таких видов искусства и художественного творчества, как фотография и киновидеопроекция, а также инновационных технологий. Указанный прием играет определяющую роль в развитии образности спектакля, его использование рождает новые сценические формы и системы театральной выразительности: кинофикация театра и документальный театр, виртуальный театр и театр-инсталляция и др.

Беря за основу синтез как отправную точку структурных связей зрелищных искусств, рассмотрим последовательное вмешательство мультимедийных технологий в образно-повествовательную ткань сценического произведения. Ратуя за обновление художественного арсенала, театральные кинофикаторы 1920-х гг. – Э. Пискатор, С. Эйзенштейн, В. Мейерхольд, Г. Козинцев, Л. Трауберг и др. – обратились к активному использованию приемов кинематографа в визуально-образной структуре спектакля: монтажное построение действия, кадрирование, фотографическая объективность эпизодов, введение киноэкрана в композицию постановки, перенесение на сцену жанрово-стилистических схем экранных видов искусств и пр. Однако начиная уже с конца 1980-х гг. включение видео и кино в пространственно-временной континуум спектакля перестало восприниматься в качестве чужеродного специфического приема организации театрального хронотопа. По справедливому замечанию А. Ханютин: «Кинематографические способы ведения повествования... стали сегодня органическими и неотъемлемыми элементами театрального языка, которые уже почти не осознаются в качестве кинематографических» [3, с. 20].

Мультимедийный приём кинофикации в современном театре используется с разными целями, которые можно выделить в четыре группы: отражение места действия, визуализация внутреннего мира героя, раскрытие проблематики спектакля, декоративная иллюстрация.

Наиболее часто в белорусском драматическом театре можно встретить отражение места действия путем проецирования на экран задника изображения того или иного пространства, которое является знаковым для героя или события. Эти мультимедийные картины нередко вносят в структуру спектакля дополнительную образность, объемность визуального высказывания, однако кардинально не влияют на ход действия, становясь дополнительным средством выразительности.

В качестве примера можно привести ряд постановок, где проекция, не являясь смыслообразующей, иллюстрирует общий ход действия по аналогии с живописным задником: «Ниночка» М. Ланжеля (режисер Б. Луценко, сцен. В. Маршак, Национальный академический драматический театр им. М. Горького, 2006); «Колосья под серпом твоим» по В. Короткевичу (режисер В. Анисенко, сцен. М. Шуста, Республиканский театр белорусской драматургии, 2008) и др.

С другой стороны, кино- и видеоизображения могут выступать и в качестве решающего для визуальной составляющей спектакля элемента, который призван выявить подтекстовые течения сценического произведения, акцентировать внимание зрителя на тематике и проблематике постановки. Так происходит в тех случаях, когда мультимедийный прием используется с целью визуализации внутреннего мира героев или раскрытия проблематики спектакля.

Наиболее ярким примером использования современным белорусским театром экранных видов искусств является постановка «Записки сумасшедшего музыканта» по повести Н. Гоголя «Записки сумасшедшего», осуществленная режиссером Н. Башевой и сценографом Д. Волковой (Белорусский республиканский театр юного зрителя, 2008). Здесь видно, как пространство поддерживает и раскрывает жизненный путь, устремления, чувства, подсознательные импульсы героя. В спектакле использован кинематографический прием монтажа театральных сцен как между собой, так и с экранными кадрами, отражающими угасающее в условиях жизни мегаполиса сознание героя.

На экран проецируются то иллюстрации к повседневной жизни Поприщина (Н. Леончик): изображения города, машин, семейный портрет, карикатура на его начальника – директора департамента и т. д. А иногда – видим проекции бессвязных анимационных картинок, или нелепых фотографий, которые подчеркивают раздробленность сознания героя, но и помогают понять его внутреннюю борьбу. Мечты Поприщина превращаются в сон, стремление к любви приводит к разочарованию – солнце на экране восходит и заходит, но герой уже живет в своем временном измерении, самостоятельно выключив экран своего сознания.

Однако нередко на сцене драматического театра встречается применение мультимедийных приемов с целью декоративной

иллюстрации событий. В таком случае визуальное решение выглядит достаточно статично и является лишь фоном для действия, не превращаясь в метафорическое высказывание авторов постановки. Иллюстративную функцию несет проекция в спектаклях «Навечно в памяти» (реж. А. Беспалый и В. Грицевский, сцен. В. Назаров, Театр-студия киноактера, 2004); «Пойманный сетью» Р. Куни (реж. В. Еренькова, сцен. А. Меренков, Театр им. М. Горького, 2006) и др.

Наиболее любопытно использование мультимедийного приема кинофикации выглядит в том случае, когда визуальный ряд, демонстрируемый зрителю, беря на себя все четыре функции, используется с целью расширения границ театральной сцены. Так, в спектакле «Печальный хоккеист» П. Пряжко (реж. и сцен. Д. Волкострелов, 2013), зритель оказывается встроенным в тройственную пространственную систему, каждая часть которой является реальностью и иллюзией одновременно. Пространство зрительного зала разделено на две части огромными бумажными кубами: в каждом из них будет проходить отдельный спектакль с участием двух разных исполнительниц, вторящих друг другу один и тот же текст, так что публика имеет возможность слышать попеременно каждую из них, видя лишь одну. Третья «реальность» представлена нам на большом экране задника, где кроме привычных уже надписей, фотографий, видео можно видеть и он-лайн трансляцию эпизодов из повседневной жизни разочарованного, трогательного и мечтательного хоккеиста Игоря Драценко, дневниковые записи которого и озвучивают актрисы. Он собирается после тренировки, уходит из раздевалки, возвращается и начинает украшать помещение бумажными снежинками. Эти изображения наравне со стихами героя, которые на протяжении продолжительного времени медитативно звучат со сцены, делают внутренний мир персонажа объемным, понятным, близким.

Подобный прием применяется и в первом эпизоде спектакля «Земля №2» М. Досько (реж. и сцен. В. Щербань, Свободный театр, 2015). С текста «Титан» начинается действие. Герой – астроном-любитель, сотрудник Академии наук Дмитрий Лебедев. Он ведёт свой монолог, находясь на планете Титан, о чём говорит вскользь, как о чем-то незначительном, само собой разумеющемся. На самом деле Дмитрий хочет поделиться историей алкогольного отравления, так остро пережитой им в юности. У драматурга Лебедев записывает свой монолог на диктофон, на сцене исполнитель А. Уразов произносит его в объектив веб-камеры, изображение проецируется на стену. Это создает эффект отстранения от происходящего, несмотря на то, что исполнитель находится перед нами. Такой приём позволяет отдалить его образ от зрителя, в каком-то смысле допустить мысль о том, что он действительно находится на другой

планете. Таким образом банальная история обретает объем, второй смысл. Герой сам собой представляет и Землю № 1, и Землю № 2.

Такая дублированность персонажей и эпизодов в реальном и он-лайн времени подчеркивает различие между видимостью и сущностью героев, между реальностью и мечтой, повседневностью и фантазией.

Важно, что на рубеже XX-XXI вв. белорусский театр активно стал обращаться к мультимедийному приему на уровне использования не столько формальных методов кинофикации спектакля, сколько – более специфических черт образной структуры и языка экранных видов искусств. Эта тенденция характерна и для европейского театра. Как отмечает К. Матвиенко, с конца 1990-х гг. «кино в театре, как и документ на сцене, в определенном смысле стали обязательным антуражем» [2, с. 23]. Потому закономерным представляется рождение в Великобритании в конце 1950-х гг. документального театра, чьи средства художественной выразительности близки кинодокументалистике. При этом использование непосредственно проэкции в композиционной структуре спектакля не является неперемным условием развития действия. Важнее в данном случае заимствование непосредственно образно-языкового ряда документального кино, что в театре ведет к возврату слова как основного выразительного средства.

Театральная документалистика на белорусской сцене только начинает формироваться на современном этапе, но уже можно говорить о некоторых спектаклях, принадлежащих к этой группе, как о важных явлениях отечественного театра. Это, в первую очередь, «Мабыць?» («Может быть?») в постановке А. Марченко (Республиканский театр белорусской драматургии, 2014). Основой спектакля стали интервью, взятые постановочной группой у иностранцев и соотечественников. Темы, обсуждаемые с респондентами, касались самых разных болевых точек: от насилия в семье и бездомных животных до вопросов национальной самоидентификации, мучающих белорусов вот уже не одно столетие. В этой постановке из зафиксированной речи самых разных людей рождается совокупный ментально-архетипический образ современного белорусского общества.

Образный ряд спектакля «Мабыць» не поддержан мультимедийными средствами, в отличие от некоторых подобных проектов. Например, опыт создания документального спектакля был предпринят также театром «Крылья холопа», осуществившим постановку «Чернобыль» (реж. О. Гайко, 2013). Незамеченным не остался проект А. Савченко «Би-лингвы, или Цыпленок с сердцем» (2014). Искусство театра, стремясь к онтологической достоверности, приближается в этих спектаклях к образцам кинодокументалистики.

Очевидно, что театр сегодня активно занимается обновлением своего художественного арсенала. Поиски новой театральности привели

к созданию «виртуального театра», где наиболее полно используются современные компьютерные технологии. Технология виртуальной реальности, зародившаяся в 1960-х годах, начала проникать на европейскую сцену в середине 1990-х гг., довольно органично встраиваясь в традиционную театральную систему, однако во многом если не исключая, то ограничивая процесс обмена той самой живой человеческой энергетикой, которая уводит зрителя от простого созерцания к сопереживанию. Сегодня авторы постановок используют виртуальные декорации, стереочки, головные дисплеи, при помощи которых компьютерная графика совмещается с реальным действием. Появляются виртуальные персонажи, становящиеся полноценными участниками театрального представления [1].

Насколько быстро подобный театр потеснит традиционные формы и к чему это приведет, пока сказать довольно сложно. Очевидно, однако, что проблема кроется не столько в способе организации пространства, сколько в том, каким образом авторы воспринимают мультимедийный элемент в общей системе постановки, какую функцию они ему придают, оставляют ли за ним право на выявление глубинных вопросов бытия языком, соответствующим современному восприятию.

Такие крайние формы мультимедийности, как, например, виртуальный театр, не нашли пока широкого применения на белорусской сцене, так как режиссеры и сценографы выбирают более традиционные пути визуального воплощения литературного первоисточника. Однако современный период существования сценического искусства характеризуется особым усилением роли визуального решения спектакля, чему не мало способствует использование мультимедийных технологий.

Социальные последствия современности, которые проявляются в изменении форм общения между людьми, возрастании рациональности личностного восприятия действительности при одновременном усилении стремления человека к визуальным формам освоения нынешних реалий жизни, наложили свой отпечаток и на театральную публику. Сегодня важно не только вписать текст литературного первоисточника в локальный контекст, но взглянуть более глобально на проблемы и идеи, высказанные его автором. А это невозможно сделать без максимально активной визуальной поддержки. Важно только, чтобы душевные переживания не были заменены зрелищной игрой, а желание изменить мир – желанием развлечься.

Литература

1. Браславский, П.И. Театр и виртуальная реальность: предпосылки и перспективы конвергенции / П.И. Браславский // Электронный журнал «Исследовано в России» [Электронный ресурс]. – 2003. – Режим доступа: <http://www.ict.edu.ru/ft/002035/008.pdf>. – Дата доступа: 03.02.2016.

2. Матвиенко, К.Н. Кинофикация театра: история и современность : автореф. дисс. ... канд. искусствоведения : 17.00.01 / К.Н. Матвиенко ; Санкт-Петербургская гос. акад. театрального искусства. – СПб., 2010. – 31 с.

3. Ханютин, А.Ю. Элементы кинематографического мышления в театральной культуре XX в. : автореф. дисс. ... канд. искусствоведения : 17.00.01 / А.Ю. Ханютин ; Ленингр. гос. ин-т театра, музыки и кинематографии. – Л., 1988. – 24 с.

Екатерина Вовнейко Katsiaryna Vauneika

магистр исторических наук master of historical sciences

Полоцкий государственный университет, Polotsk State University

Полоцк, Беларусь Polotsk, Belarus

OUTSTANDING RESEARCHER OF ANTIQUITIES OF THE GRAND DUCHY OF LITHUANIA EUSTACHY TYSZKIEWICZ

To present the complex personality of Eustachy Tyszkiewicz is a challenging task, considering his family background and the historical context of his native land. Born in 1814 in Lahojsk, a small town owned by his family since 1517 in the district of Barysau, governorship of Minsk (the present capital of Belarus), Tyszkiewicz was a son of Pius and Augusta maiden name countess Plater. References to his family's ancient roots were found in many records concerning the history of Grand Duchy of Lithuania.

The family was one of the oldest gentry of lithuano-belarusian origin in the Grand Duchy [1]. The Duchy covered the territory of present-day Lithuania and Belarus. After 1795, following the third partition of the Polish-Lithuanian Commonwealth, it became a part of the Russian Empire. As befitted upper-class children of that time, Tyszkiewicz was educated at home. He acquired extensive knowledge, especially in history and archaeology, and did so by self-instruction. On completing his secondary education at a Minsk grammar-school in 1831, Tyszkiewicz worked till 1835 in the Imperial Public Library of St. Petersburg. Then he settled in Vilna and started archaeological excavations in various parts of the country [2].

His career grew successfully, in the professional and the social plane. Results of his archaeological explorations were first published in 1842.3 A year later he was elected chief deputy by gentry of the Barysau district (the so-called «nobility marshal») and – in 1847 – honorary supervisor of the Minsk grammar-school (since 1840 he was already honorary supervisor of the Barysau district schools). In addition to his research and social activities, Tyszkiewicz took to writing literature but, in spite of many works published in 1840s and later, fiction had never

become his priority interest [4]. In the late 1840s and in the 1850s Tyszkiewicz published a number of works dealing with the history of ancient Lithuania in its historical borders (contemporary territory of Lithuania and Belarus). Many of these papers dealt with the history of the Barysau district and with the archaeological expeditions on territories of the former Grand Duchy, others were monographs of source character. Some of those works were distinguished for their remarkable reflection on the situation of European archaeology [5]. Collecting ancient relicts of the past – a fairly typical activity for upper-class Europeans at the time led him to organizing an archaeological «Commission» and a museum in Vilna. That happened finally in 1855, but it all started much earlier.

The idea was born in 1847, when Tyszkiewicz moved his collection of antiquities to Vilna, with the intention to open it to the public. Despite many visits to St. Petersburg and even with the unofficial consent of Emperor Nicholas I, he could not get official blessing for his project [6]. Tyszkiewicz's endeavours to launch the commission and museum won a lot of sympathy in St. Petersburg. Russian aristocrats, Cabinet ministers such as Dmitriy Bludov, Sergey Stroganov, Modest Korff, Sergey Uvarov, Evgraf Kovalevski and many others supported his efforts. Yet, because of the restrictive political climate ruling in the Russian Empire during the last decade of the reign of Nicholas I, even first-rate connections with leading Czarist officials in Petersburg and Vilna were not enough [7].

The political climate in Russia changed with the accession to the throne of Alexander II and the so-called «Post-Sevastopol Spring», caused by the defeat in Crimean war. At the beginning of 1855 the museum and commission were set up, under the wardship of the Vilna Education District Board and, personally, of Vladimir Nazimov, the new general-governor of Vilna province.

Permission for opening the museum was necessarily tightly linked with the official line of politics of imperial Russia. Therefore Tyszkiewicz was, in a sense, obliged to present the history of Grand Duchy of Lithuania with a strong pro-Slavonic sentiment, and to stress the Russian origin of the country. He fulfilled an order in the museum regulations, which were written with a strong pan-Slavic attitude and with a curtsy to Petersburg. The main purpose of the museum was «collecting and saving the antiquities of the whole province». As «the best part of them is of Slavonic character», thus nearly all objects, collected and transferred to the museum, are of «Slavic origin» [7].

Tyszkiewicz had to prove his loyalty to the throne. On the other hand, it seems that he accepted, in a narrow sense, some of those pan-Slavic ideas.

In this respect he was not an exception among the landlords and the upper class of the «Western Gubernias» who were keen on finding a modus vivendi with the Russian authorities [8]. Tyszkiewicz knew that the language of all documents of the Grand Duchy till the 15th-16th century was «old-Slavonic»: very similar to contemporary Belarussian, and that the Orthodox church had a very strong impact on the early history of ancient Lithuania.

Being conscious of those peculiarities, it was easier to accept the Russian point of view, at least partially.

The latter half of the 1850s was the best period in the history of the Vilna institution. The museum was visited twice by the Emperor Alexander II, once by the Grand Duchess Helen, Grand Dukes Michael and Alexander. The exposition was also accepted by members of the Cabinet: Count Dmitriy Bludov, the Prime Minister, the ministers of public education Avraam Norov and Evgraf Kovalevski. By the end of 1858, the Museum had 11,000 visitors every year [8]. The collection started to be the largest in the whole «Western Region» of the Empire. The quality and unique value of all objects gathered in the museum started to be famous not only in Russia but also all-over Europe [9].

The January uprising of 1863, which was in fact a war between Russia and the former citizens of Polish-Lithuanian Commonwealth, ended that exceptional situation. There was no question of Polish-Russian flirtations or reconciliation. The Western Gubernias of the Empire had to be treated as ancient Russian territories. Any record that could supply evidence of the Polish or Lithuanian influence on the history of that region had to be eliminated [10]. Tyszkiewicz found himself in a very uncomfortable situation. The main objection, which he vigorously rejected, was that the Museum of Antiquities in Vilna had been created as a Polish one. The Russian elements in the history of the «Western Region», the Czarist authorities claimed, were not enough exposed [10]. Tyszkiewicz decided to resign the post of the President of the Archaeographical Commission – and the honorary museum supervisor. But before all that happened he prepared himself to give a detailed description of the reasons of his resignation. Tyszkiewicz wanted to explain why it would be impossible to agree with the politics of the commission, dominated by Russian top officials, and driven by a tight anti-Polish and anti-Lithuanian sentiment.

In his protest against the line of the commission, driven by its pro-Russian majority, Tyszkiewicz gave a detailed description of his approach to the history of Grand Duchy of Lithuania. The main point of his explanation was that the so-called historical Lithuania was created as a multi-national state, in which influences of all nations living on its territory mingled. Therefore it is impossible to present just one nation, the Belarusians for example (treated by the Czarist authorities as Russians) or the Poles – as the one and only developing power in the country's history. In a paper addressed to the Governor-General of Vilna province he wrote that at the beginning of the museum's activity the main rule of his approach to the history of the Grand Duchy was «no religious or class or national differentiation of the past» [10].

That attitude of mind helped to establish open and efficient relationships with all researchers in Central Europe: in Russia, East Prussia, and Austria-Hungary.

To the charge that the museum had a pro-Polish character Tyszkiewicz relied there was no sufficient knowledge to separate the national elements in the

political history of Lithuania and Lithuanian Rus'. There was not enough source evidence to interpret all «that was purely local as Polish heritage» [10]. He underlined that the political élite of the country did not come to Lithuania from the Kingdom of Poland. The lords of Grand Duchy took precautions against the influx of persons from abroad, especially to take official posts. That practice, Tyszkiewicz argued, came mostly from a fear of losing privileges.

The adoption of the Polish language by the upper classes of Grand Duchy was an after-effect of the Polish-Lithuanian union of 1413 (Horodlo), confirmed by the union of 1569 in Lublin. That Polish domination, in Tyszkiewicz's opinion, was temporary, even though it lingered on for five centuries [10].

There is much evidence to show that Tyszkiewicz formulated his opinions under the overwhelming pressure of the political circumstances of the defeat of the 1863 Polish-Belarusian-Lithuanian uprising against Russia. Defending his multi-national approach to history Tyszkiewicz sought to explain his position and, at the same time, not to offend the Czarist officials. On the other hand, he tried to paint a rosy picture of the country's multi-national and multi-cultural history which he thought could change or soften the attitude of the Czarist bureaucracy.

On an example of the history of Vilna, the Lithuanian capital, Tyszkiewicz attempted to show the mixture of influences – at the time of the wars of Peter the Great with Carl of Sweden and Alexander I with Napoleon.

The monuments of those events were very valuable not only to historians but also because of their great artistic value. Coming to a more specific subject, i.e. the Museum of Antiquities, Tyszkiewicz expressed his strong objection to the removal of many first-rank exhibits. He stressed that the only reason for that unprofessional elimination, in fact «censorship», was that the names of historic personages or artists ended with «...ski.» But the exhibition was reduced not only in its «Polish department». Much the same was true of its Lithuanian and Belorussian sections. There was no trace of the writings by Adam Mickiewicz and Ludwik Kondratowicz (Wladyslaw Syrokomla), no paintings by Jan Damel, Jan Rustem or Franciszek Smuglewicz, no Codex Diplomaticus Regni Poloniae et Magni Ducatus Lithuaniae by Maciej Dogiel, and even no portrait of the great chancellor of the Grand Duchy Lew Sapieha, the strongest supporter of the Orthodox religion in Lithuania. No professor of Vilna Academy and University were mentioned in the museum exhibition, nor were the historic personages of Maryna Mniszech (wife of False Dmitriy), Barbara Radziwill (wife of Sigismund II Augustus) and Charles Radziwill «Panie Kochanku» [10].

The message from the government was exactly opposite to the museum founder's expectations. The authorities decided that the Museum of Antiquities in Vilna must no longer exist. Tyszkiewicz found it impossible to abdicate the historic tradition in favour of the official political line of Great Russia. His protest, among other things, could only hasten the decision to suppress the museum.

After leaving the post of President of the Archaeographic Commission in 1865, Tyszkiewicz moved to Biržai, a small town of his family estate. He continued his research till 1873, published some significant works on the history of archaeology in Lithuania, on the history of Biržai manor, and he released an edition of sources and a numismatic catalogue [11]. His scientific position, especially in Central European circles, was unimpaired. Since 1858 Tyszkiewicz was an honorary member of the Imperial Academy of Sciences in Petersburg, member of the Imperial Russian Archaeological Society (since 1851), of the Imperial Archaeological Society of Moscow (since 1865) and of the Imperial Society of History and Antiquities in Odessa (since 1871) [12]. He was also elected to the Royal Society of Northern Antiquarians in Copenhagen, the Royal Academy in Stockholm, the Scientific Societies in Cracow and Mainz, the Society of Friends of Sciences of Poznan, to the Society of Baltic Provinces History in Riga etc.

From the standpoint of national consciousness, Tyszkiewicz was a representative of the local elite (so called «Locals» – Tuteyshyya) who strove to bind together all currents of the country – ethnic, religious and national.

Though educated in a Polish environment and considering himself a Pole, he could feel as a local Lithuanian or Belarussian. These two nations were, sometimes, much closer to his heart than the Poles from Warsaw or Poznan.

In the political notions, Tyszkiewicz was a typical conservative with a strong pro-Russian sentiment. But there were limits to his Rusophilism. He could not accept a destruction of tradition – the tradition of the Polish-Lithuanian Commonwealth and the Grand Duchy itself. Therefore Tyszkiewicz's views could be also considered as those of an ancient, even feudal, landlord or nobleman. In this respect he was very similar to many of his relatives and compatriots of the former Grand Duchy.

References

1. Sobieszcański, F.M. Tyszkiewiczowie / Encyklopedia Powszechna S. Orgelbranda / F.M. Sobieszcański. – Warszawa, 1867. – Vol. 25. – S. 860-864.
2. Krzyżanowski, S. Eustachy hrabia Tyszkiewicz i jego praca / S. Krzyżanowski. – Lwów, 1873. – 134 s.
3. Grigalaviėienė, E. Zalvario ir ankstyvusis geležies amžius Liteuvoje / E. Grigalaviėienė. – Vilnius: UAB Lietuvos rytas, 1995. – P. 8.
4. Tyszkiewicz, E. Obrazy domowego pożycia na Litwie / E. Tyszkiewicz. – Warszawa, 1865. – 228 s.
5. Kostrzewski, J. Dzieje polskich badań prehistorycznych / J. Kostrzewski. – Kraków: UJ, 1948. – 362 s.
6. Biblioteka Narodowa w Warszawie, Zbiory Specjalne, Materiały do Muzeum Starożytności Eustachego Tyszkiewicza w Wilnie, IV. 7826, 1. 1.
- 7-8. Mienicki, R. Wileńska Komisja Archeologiczna (1864-1915) / R. Mienicki. – Wilno: PTK, 1925. – 468 s.
- 9-10. Różiewicz, J. Polsko-rosyjskie powiązania naukowe (1725-1918) / J. Różiewicz. – Wrocław: UW, 1984. – S. 105-148.

11. Pawłowicz, E. Biblioteka hr. Tyszkiewiczów w Wilnie / E. Pawłowicz // Kwartalnik Historyczny. – 1894. – Vol. 8. – №1. – S. 67-71.
- 12-18. Flynn, J.T. Uvarov and the «Western Provinces»: a study of Russia's Polish problem / J.T. Flynn // The Slavonic and East European Review. –1986. – №64 (April). – S. 212-236.
19. Tyszkiewicz, E. Archeologia na Litwie / E. Tyszkiewicz. – Kraków, 1872. – 482 s.
20. Blombergowa, M.M. Polscy członkowie rosyjskich towarzystw archeologicznych 1839-1914 / M.M. Blombergowa. – Wrocław: UW, 1988. – S. 128- 129.
21. Bardach, R. Wieloszczeblowu świadomość narodowa na ziemiach litewsko-ruskich Rzeczypospolitej w XVII-XX w. / R. Bardach // Pamiętnik XV Powszechnego Zjazdu Historyków Polskich. – Vol. 1. – Part. 1, ed. J. Staszewski. – Gdańsk-Toruń: UG, 1995. – S. 25-38.
22. Borzym, S. Floryńska, H. Skarga, B. Walicki, A. Zarys dziejów filozofii polskiej 1815-1918 / S. Borzym, H. Floryńska, B. Skarga, A. Walicki. – Warszawa: STUW, 1983. – S. 99-101.

Наталья Минина **Natalya Minina**
кандидат филологических наук, доцент *PhD in of Philology, Associate professor*
Витебский государственный университет
им. П.М. Машерова, *Витебск, Беларусь* *Vitebsk P.M. Masherov State University*
Vitebsk, Belarus

Жанна Курдеко **Janna Kurdzeka**
Витебская государственная академия
ветеринарной медицины *Vitebsk State Academy of Veterinary*
Витебск, Беларусь *Medicine*
Vitebsk, Belarus

Андрей Струнченко **Andrei Strunchanka**
Витебский областной методический
центр народного творчества *Vitebsk regional methodical center*
Витебск, Беларусь *of national creativity*
Vitebsk, Belarus

**ОПЫТ СОЦИОКУЛЬТУРНОГО ПРОЕКТА
«ДИАЛОГ НАРОДОВ И КУЛЬТУР» КАК СРЕДСТВА
АКТИВИЗАЦИИ ИЗУЧЕНИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА КАК
ИНОСТРАННОГО В УСЛОВИЯХ МУЛЬТИЛИНГВИЗМА**

Специфика изучения русского языка как иностранного в условиях Республики Беларусь связана с наличием двуязычия. В городе иностранцы слышат в основном русскую речь, с белорусским языком сталкиваются лишь пассивно: в рекламе, в объявлениях, при посещении музеев, выставок, концертов и т.п., общение же с носителями аутентичной белорусской культуры минимально. Но часто, услышав незнакомое слово, иностранные студенты задают вопросы преподавателям. А студенты-филологи даже хотят поближе познакомиться с особенностями белорусского языка.

Кроме того, изучение русского языка в Беларуси имеет некоторые сложности: на занятиях учащиеся знакомятся с нормами литературного языка, а в бытовой сфере общения слышат «неправильную» русскую речь, вызванную белорусской интерференцией. Поэтому возникла необходимость знакомства иностранных студентов с особенностями национального белорусского языка. А это возможно прежде всего в сельской местности. Белорусскоязычное окружение открывает возможности более широкого знакомства с обычаями и традициями белорусского народа, особенностями общеславянской культуры.

С целью популяризации культурных и исторических ценностей сельских населённых пунктов и создания условий для межкультурного диалога, развития межнациональных связей, знакомства с традициями других стран, воспитания чувства толерантности и уважения к представителям иной культуры работниками Дома культуры агрогородка Мазолово Витебского района, Витебского областного методического центра народного творчества и преподавателями Витебского государственного университета имени П.М. Машерова и Витебской государственной академии ветеринарной медицины с 2014 г. реализуется социокультурный проект «Диалог народов и культур» с участием иностранных граждан. С 2016 г. к проекту присоединились преподаватели и иностранные студенты Витебского ордена «Дружбы народов» государственного медицинского университета.

Реализация проекта началась со знакомства иностранных студентов разных стран, обучающихся в двух вузах г. Витебска, друг с другом в Центре народного творчества. Арабские и китайские студенты подготовили презентации о своих странах, угостили друг друга национальными блюдами, подготовили мини-концерт. На выставке народного творчества Толочинского Дома ремесел, представленной в Центре, познакомились с традиционными белорусскими ремеслами: соломоплетением, лозоплетением, ткачеством, работами гончаров. Работники Центра проводили мастер-классы по росписи тарелок, изготовлению традиционных белорусских кукол-оберегов и вытинанок. Студенты с удовольствием посмотрели спектакль Театра батлейки Шумилинского Дома ремесел.

Следующим этапом проекта была комплексная познавательно-развлекательная программа «Вместе в Новый год», которая состоялась в агрогородке Мазолово Витебского района в январе и включала игровую программу «Новогодние чудеса» (встреча со сказочными героями в мазоловском лесу), участие гостей в празднике народного календаря «Калядуем – Каляды святкуем», посещение этновыставки в сельском Доме культуры «З гарышчаў бабуль і дзядуль», участие в мастер-классе по изготовлению рождественского сувенира, дегустацию белорусских национальных блюд.

Далее было принято решение о создании на базе Мазоловского сельского Дома культуры Клуба интернациональной дружбы «Згода», в состав которого вошли иностранные студенты и молодёжь агрогородка Мазолово. Заседания клуба проходят ежемесячно.

С участием иностранных студентов прошли праздники «Масленку сустрэкаем – бліны з мёдам выпякаем!» и День китайской культуры. Китайские студенты-магистранты ВГУ им. Машерова подготовили мини-концерт, выставку своих картин, выполненных в различных художественных техниках (магистранты художественно-графического факультета), провели чайную церемонию, угостили сельских жителей китайским чаем и национальными блюдами. Студенты из Ливана, Палестины, Иордании, Туниса и Нигерии провели День арабской культуры и языка, представили национальные песни и танцы, стихи на арабском, белорусском и русском языках, презентации своих стран, угостили национальными блюдами и арабским кофе, тунисским чаем и сладостями, африканскими закусками. Была организована выставка фотографий «Моя Родина», на которых студенты отразили все лучшее, что, по их мнению, есть в их странах; конкурс видеороликов и мультимедийных презентаций «Семь причин посетить Беларусь глазами иностранного студента», куда студенты включили сюжеты о культурных традициях белорусского народа, о природе, о национальной кухне и т.д., представив как индивидуальные, так и коллективные работы.

Студенты-иностранцы с большим желанием общались с сельскими детьми, проводили для них мастер-классы (написание иероглифов и арабской вязи, рисование панды и кедра как символов Китая и Ливана), оказывали благотворительную помощь детям из малообеспеченных и многодетных семей, обменивались контактами. Финальным мероприятием 2015-2016 учебного года стало участие в благоустройстве сельского населенного пункта Мазолово и создание Аллеи дружбы.

Таким образом, в рамках реализации проекта на территории агрогородка Мазолово прошло несколько десятков мероприятий. Сначала проект был рассчитан на один учебный год, но иностранные студенты витебских вузов и местная молодёжь проявили к нему небывалый интерес – и было принято решение сделать его традиционным.

Результатом этого проекта стали не только впечатления о жизни и учебе в Республике Беларусь, которые останутся в памяти надолго, но и новые знания о славянской культуре, обычаях и традициях белорусского народа. И самое главное – это речевые навыки, полученные в условиях живого межкультурного и межнационального общения. На учебных занятиях участники этого проекта по сравнению с другими студентами показали лучшие навыки спонтанной диалогической и монологической речи, живее и безбоязненнее вступали в коммуникацию,

проявляли активность в выполнении различного рода коммуникативных заданий на различные темы, особенно культурологического характера.

Данный проект в 2015 г. принял участие в конкурсе инновационных межвузовских проектов и информационно-методических материалов «Наше время – инициатива» и отмечен дипломом III степени среди 43 вузов Республики Беларусь.

Этот социокультурный проект показал перспективность данного направления работы по изучению русского языка как иностранного. Он позволяет активизировать интерес не только к русскому, но и к белорусскому языку, поближе познакомиться с белорусскими традициями и обычаями, сельскими жителями Беларуси. Он уникален, поскольку проводится в сельской местности, где иностранцы бывают нечасто. Благодаря проекту создается межкультурный диалог («диалог народов и культур»), воспитывается толерантность, уважительное отношение к обычаям и традициям разных народов. Для иностранных студентов разных вузов это и возможность познакомиться друг с другом, пообщаться на русском языке, все взаимно заинтересованы в общении, которое носит живой, активный характер.

Анастасия Шевелева **Anastasiya Shavialiova**
магистр исторических наук *Master of Historical Sciences*
Полоцкий государственный университет, Polotsk State University
Полоцк, Беларусь *Polotsk, Belarus*

THE HISTORY OF EVERYDAY LIFE IN THE SYSTEM OF HISTORICAL RESEARCH

Historical science has always aspired to by globalism, offering some General scheme of the development of the human community. At the same time outside the boundaries of scientific research were «unhistorical» phenomena – everyday existence of people in the «peace» era. Historical-anthropological turn in the humanitarian thought of the West, beginning in the late 60-ies. XX in., led to the final change of global and universal approaches to the understanding of the historical process with the help of historical discourses, characterized by an extreme degree of fragmentation and relativism. In this situation one of the main research objects was the same everyday life – the private life of the ordinary man.

The development of the «history of everyday life» went in two different directions. German (H. Medic, A. Ludtke), modern American (G. Le Goff,

R. Châtter) and Italian (C. Ginsburg, D. Levi) the school focused on the study of individuals or groups, analysis of the unique, accidental in the history (event or individual). According to A. Ludtke, central to the analysis of everyday life «are the vital problems of those, who are basically remained unnamed in the history. Individuals in these studies appear and the actors and the creators of history, actively producing, reproducing, altering the socio-political realities of the past and present» [1, p. 77].

Approaches microhistory have proved the most popular in the era of postmodern interest to the image of «the other» and a total of tolerance. It is micro-historical approach made it possible to reconstruct the life of a great number of «hidden people», raising the source value biographies and autobiographies. The importance of microhistory as a method of reconstruction of everyday life was also in the study of the coincidence of unforeseen circumstances, in a situation of historical choice. In addition, it is the representatives of this direction of the investigated the experience of human behavior in extreme conditions, natural disasters, wars, revolutions, hunger. Everyday life in the framework of this concept was an individual interpretation of time and space. Y. Bessmertny brought to the extremes of this idea J. Baudrillard [2], claiming that all action «is not a mechanical following one or another norm and not play the traditional custom, and one or the other incident of human behavior. Each individual operates on the basis of the circumstances of the particular situation in which it is located and which depends on its material resources, as well as cognitive and cultural opportunities» [3, p. 46].

Another direction, represented by the School of Annales (M. Bloch, L. Febvre, F. Braudel) and its successors, was the study of mainly non-material component of everyday life – presentation, fears, etc., it is rather a study of the mentality. In Russia such an approach to the study of everyday life was typical for A. Gurevich, Y. Bessmertny, Y. Lotman etc.

However, there were and common features, which brought together the two approaches. Both approaches recognize the fundamental difference between man of the past from a man today. In each of them the historical process was seen as a «history from below». In the center of attention of the researcher were not kings or heroes, and the «little people», including marginalized. Combining these approaches and inter-disciplinary character of the works, based on the methods, techniques and examples of psychology, sociology, ethnology. Historical knowledge in this interpretation became a system or a set of social sciences, the object of which is the reality of the past. Historians of both areas were engaged in creating an «image of the other» and concentrated on the study of «the symbolism of everyday life».

Another common feature is a rather narrow geographic and temporal localization of the research. It is in the framework of a microscopic object historian was in a state of maximum learn source base and attach to it several

scientific theories. Concentration of attention on the relatively small objects helped a comprehensive study of personal contacts (social relations) individuals. The contacts can be caused by as economic activities, and social situation, kinship, personal preferences, age proximity, a community of social and cultural conceptions, etc. As a result of quite distinct range of social opportunities that exist for the individual or group.

The main goal of the research of everyday life made an attempt to interpret the domestic behavior on the basis of the norms and values of the culture, understanding of the meaning of the world, familiar to the person of an epoch.

However, for a modern scientist this sense, as an object of non-material and a greater part of unobservable, remains terra incognita. On the path of mastering the history of everyday life he was many dangers. For example, the temptation to give the man of the past modern ideology and view of the world and interpret the hidden meaning of the text on the basis of the modern view of events. Dangerous was idealize life and way of thinking of the people of the past, idealize the everyday life of past epochs.

The study of thoughts, feelings, worries and anxieties of the human past centuries often replaced by a historical and household articles, in which prevailed descriptive characteristics of his everyday life. For such a method of images of everyday life was characterized by high attention to the material of her side, as it appears to the gaze of the external observer, with no attempt to explain the motives of consumer behavior of people, proceeding from characterized them understanding of the world around them. [4] As a result of everyday life was quite rigid construction, scheme, a set of things and circumstances, on which the present historian su deal on available to him the documents, and in which standard fit studied societies.

Thanks to the works of domestic and foreign scientists have determined the research field, in the framework of which should work historians of everyday life. The phenomena determining the day-to-day existence, it has proved possible to include a number of objects, which can be classified as:

- 1) natural,
- 2) social;
- 3) mental.

The first are the habitat of the common man, things «around» and «for» him, food culture, how to maintain health.

Second included the profession, the public (including family) communication, deviant (deviant) behavior. Finally, a third group consisted of a total of culture, the values, the gender and age of facilities.

Generally accepted is the opinion, that to the everyday life are social phenomena and individual status classified as ordinary, utilitarian, that is, not belonging to the phenomena of a single, unusual or charismatic. According to most scholars, the structure of everyday life includes a number

of elements, which, for a better understanding of them can be identified through their opposites: weekdays – holiday; routine – disaster, creativity; work – idleness; unremarkable lives of people – the official story; private – public; spontaneous – reflected upon; naive – prepared. In the works of German philosopher B. Waldenfels «everyday» is defined as usual, orderly, close, and a vague, amateurish, the improvised, occasional [5, c. 42, 44].

One of the leading Russian scientists in the field of philosophical and cultural anthropology B. Markov claimed that everyday life is a standardized and normalized cut empirical life. This habits, stereotypes, rules, thinking and experience of the people, their behavior, activity, regulated by the norms and social institutions [6, c. 291]. In continuation of discussion P. Revko [7] notice that the everyday practices have never served in the form of projects, programs, doctrines of social change. They are not embodied in any official Institute, formed a kind of «free zone», secure or protect from institutional pressure. In connection with this, we can conclude that our everyday life, as a private, private life, first of all, is filled with the fact that is related to home and family, which is the most important public institution.

P. Kondrashov in the framework of the Marxist paradigm defined daily as a form of human activity, which is automatically performed actions aimed at meeting the immediate needs of the labor everyday life, family life, which are among the usual things and are carried out with the help of improvised means [8, c. 105]. As a result of identified major areas of everyday life – work, everyday life and recreation, as well as its attributes, as automatism and the custom. In another work of Kondrashov, written by him together with K. Liubutin, everyday life was defined as «a form of direct human activity, which is a totality of:

- 1) daily life, that is what people do in their practice, in order to meet the common needs of everyday life and home life,
- 2) everyday consciousness, that is, in the form of any of the thoughts and emotional experiences of this is being reflected in the psychical activity of people» [9, p. 217].

The diversity of research approaches, as well as the fact that the problem of the everyday treated mainly philosophers and sociologists, has considerably complicated the creation of any generalized history of everyday life in those or other spatial-temporary borders. In this connection there was a necessity in the alternative, directly historical approach to the study of everyday life. As the day-to-day existence is part of the human being in it the maximum common sense, logical became an attempt to present it in the form of the process. The processuality everyday life goes well with the procedural character of the story, which makes this approach it is acceptable for historical research. Taking into account the findings of Kondrashov and Liubutin, the process of everyday existence can be considered as consisting of two indissolubly united, which includes the human interaction with the reality and the subjective interpretation of this interaction.

In the process of everyday existence, in connection with a certain way of life, in society are formed some pretty hard installation and relations. Way of life in this case is viewed as conferring a man of social norms and conditions of his existence, and also realization of the human in these regulations and conditions, and the attempt to transform them. With time, the attitudes become more and more strict, formal and become either in ideology (a set of ideas, views, theories, reflecting the public relations in a more or less coherent system), or in social psychology (the aggregate of feelings, emotions, unsystematic views, attitudes, customs, traditions, habits, emerged under the influence of direct public life). On their basis is formed by the ordinary consciousness of man (empirical, spontaneously arising in the process of everyday practice and typical for the mass of the members of the society).

On the basis of common sense in the process of socialization practices are added, the stereotypes and standards of individual and social human behavior, which are then transformed into his mentality (set of social attitudes, and habits of mind automatisms forming ways of seeing the world and the way people belonging to a particular socio-cultural community), everyday life (ordinary course of its life in a real and practical ways, which includes not only the habits and customs of everyday behavior, «the life of things», constantly accompanies man, methods of everyday use) and self-identification (conscious identification of the person with any social group, society). Later they turn into a style or image – the image of a man emerging from himself or arising from external observers as a result of the perception of some of its characteristics. Thus, the basic categories used in the study of everyday life (lifestyle, mentality, way of life, etc.), can be integrated into the system.

If daily life is a process, it has certain parameters typical for all processes. As a result, the following can be highlighted the most common values of everyday life:

- 1) subject;
- 2) object (the class-corporate and public institutions, with which the subject has to interact);
- 3) spatial localization;
- 4) temporality (duration) (time interval, which can be installed exhaustive specificity of the process);
- 5) conditions (regional and national reality);
- 6) way of organizing (lifestyle – assigning human social norms and conditions of their existence, as well as the implementation of the rights in these rules and conditions, and their attempt to transform);
- 7) forms of organization (work, family life, leisure);
- 8) the purpose of (a notion which man seeks to implement; the subjective priori form a strong motivation to action);

9) result (the final result, the investigation of everyday life, reflected in the identity, mentality, way of life, style, and image).

In addition to these basic parameters of everyday life can be isolated and minor, specifying certain aspects of daily life, such as:

- 1) intensity (degree of activity of the subject in achieving goals);
- 2) effectiveness (the extent to which of effort and produced the effect);
- 3) regulators (state documents, corporate standards, family foundations).

These criteria can be used as a study of daily life in the course of solving the problem of structuring.

Elements of the structure of everyday life stood out in the works of other authors. So, in the book of Liubutin and Kondrashov as characteristics of everyday activities mentioned her «subject» and «object», and the properties of the subject – «target», «tools», «work», «needs» and «results». However, within the procedural framework presented in the article, these criteria is considered as the parameters of the process of everyday existence. Differences concept of Liubutin and Kondrashov are also in their use of such characteristics as «tools», «work» and «needs», which are absent in the structure proposed by the author of this article. On the contrary, the other - «conditions, «duration «method and form of organization», dedicated by the author, Liubutin and Kondrashov do not use in their work. To remove the existing differences, it is possible to spend the identity between «agents» and «a means of organization», because the funds (as well as the way organizations) - this is all that the entity uses in its movement towards the goal. Need – is characteristic of the subject - its condition, the need for what is needed for normal mental and physical development and existence in social. As has been tasked to characterize the process of everyday life, not the subject, it is the concept of purpose is the most accurate as its criterion. «Job» (in the author's conception – «work») has been bred in as one of the forms of everyday life, along with the «family life» and «leisure».

The proposed process approach to the study of everyday life enables you to organize the accumulated information, concerning the everyday life of ordinary people in different times and in different territorial borders. The history of everyday life as a result can be a serious alternative to other scientific concepts of the historical process (history classes or states). It can be represented as a sequence of change of the circumstances, the conditions of the daily existence of people or societies (subjects of everyday life), in connection with which are subject to change their way of life, work and leisure practices, family values, goals in life, there are specific examples of everyday life, the levels of self-identification, special mentality, acquiring the form of style and image.

References

1. Людтке, А. Что такое история повседневности? Ее достижения и перспективы в Германии / А. Людтке // Социальная история. Ежегодник. 1998-1999. – М., 1999. – С. 77-100.

2. Бодрийяр, Ж. Общество потребления. Его мифы и структуры / Ж. Бодрийяр. – М.: Республика; Культурная революция, 2006. – 269 с.
3. Бессмертный, Ю.Л. Это странное, странное прошлое... / Ю.Л. Бессмертный // Диалог современем: Альманах интеллектуальной истории. / под. ред. Л.П. Репиной, В.И. Уколовой. Вып. 3. – М.: Эдиториал УРСС, 2000. – С. 34 – 46.
4. Кром, М.М. Повседневность как предмет исторического исследования (вместо предисловия) / М.М. Кром // История Повседневности. Сборник научных работ. (Серия «Источник. Историк. История»). Вып.3. / Отв.ред. М.М. Кром. СПб.: Изд-во Европейского ун-та, 2003. С. 7 – 14.
5. Вальденфельс, Б. Повседневность как плавильный тигль рациональности / Б. Вальденфельс; пер. с англ., нем., фр. – М.: Прогресс, 1991. – 480 с.
6. Марков, Б.В. Храм и рынок. Человек в пространстве культуры / Б.В.Марков. – СПб.: Алетейя, 1999. – 304 с.
7. Ревко, П. Искусственные интеллектуальные системы и повседневная жизнь человека / П. Ревко. – Таганрог: Изд-во ТТИ ЮФУ, 2009. – 130 с.
8. Кондрашов, П.Н. Марксистская теория повседневности: попытка предварительной экспликации / П.Н. Кондрашов // Философия и общество. – 2006. – № 3. – С. 98-115.
9. Любутин, К.Н. Кондрашов, П.Н. Диалектика повседневности: методологический подход / К.Н. Любутин, П.Н. Кондрашов. – Екатеринбург: УрГУ; ИФиП УрО РАН; РФО, 2007. – 295 с.

Регина Костко Rehina Kostka

Белорусский государственный университет Belarusian State University
Минск, Беларусь Minsk, Belarus

LOCAL / REGIONAL INTEGRATION AND CULTURAL HERITAGE

The culture, cultural heritage and essential values of historical identity of cities have great significance. Culture is defined as the material and moral values generated during historical and social progress and the totality of the tools that are used in the establishment and transfer of these values to next generations. Culture is also the combination of a group of attitudes that societies which share the same background and traditions to future generations transfer to future generations and that need to be protected and developed. The cultural heritage which is a historical and social possession of a society that bequeaths as legacy to future generations has its place in its cultural being and attains greater importance with its historical identity.

Concepts such as cultural heritage and historical identity both integrate with history and common past of a society. In addition, cultural heritage is a dimension of tourism aiming at getting information and education of cultures of other societies.

Cultural heritages are historical sources which also promote traveling of cultural tourists. The cultural and natural possessions of a city or region, protected sites, unique architecture, monuments, museums etc., historical values in terms of science and culture all make up the cultural heritage. The factors that are influential in the visit of cultural tourists are forming a common atmosphere for socio-cultural aspects such as language, local and national traditions, and folklore.

Cultural heritage is defined as the accumulation of cultural values that have arisen right from the originality of «human beings» and interaction of communities as of the beginning of the history of humanity in order to maintain a life with better quality. Besides, cultural heritage is the entirety of moveable and immovable property over the earth, underground or under water resources in respect to ancient and modern pieces of science, culture, religion and art. There are various research and study in literature that define cultural heritage and emphasize its significance in terms of the progress of cultural tourism and socio-economic development and that makes proposals for its transfer to the coming generations and examine the policies on the preservation of cultural heritage in addition to the efforts of the European Community for the preservation of shared cultural heritage and guiding the new members in this means.

Cultural heritage is one of the crucial factors that provide the realization of cultural tourism. Cultural heritage comes into effect when an individual moves from one place to another in order to satisfy his cultural needs, to attain new knowledge and experience or participate in performances, art and cultural shows, festivals, fine arts and theatre in regions possessing historical and cultural heritage.

A society is only able to preserve its continuity as long as it looks after its cultural heritage; preserve its way of living, traditions and usage, unique architectural structures and historical identity. In this respect cultural heritage is a factor that has the ability to attract cultural tourism and it may be used as a tool for local / regional integration and development. The local community that visits such venues is this way able to get a closer recognition of the historical identity and the foreign visitors have the opportunity to get a better view of a different culture.

Culture is a historical accumulation and should be preserved in order to maintain the future of the community it belongs to. Elements of cultural heritage bind the past and the future and provide communication between the generations that enhances the feelings of belonging to a place/a nation/a culture while strengthening the historical identity. Essentials of historical cultural heritage are an important element of attraction for tourism purposes.

A mutual cultural policy must be followed for the localities within the region. In order to develop cultural heritage and cultural heritage tourism, local community should be made aware of the historical context, historical events and tourism. The participation of the community should be provided in order to transform the region to an open area museum for the promotion of cultural possessions and for the transfer of these values to future generations.

In parallel to the goals of regional development, the fronts should be reorganized and tourist attraction of regional cities must be enhanced to contribute to the revitalization of the economy of cultural tourism.

It has great worth that the youth that is at the process of education sees the fronts in their locality with an awareness of history and that they participate to the activities organized there in order to attain an identity that gives worth to national values and transfers these values to future generations. While visiting the fronts, the students will develop the spirit of National Struggle and the importance of peace will be emphasized through activities that simulate history and gives training.

The invented policy should not destroy the cultural atmosphere and identity that include the social life, local attributes and architectural structures in the locality/region. These localities should be preserved in a balanced protection-utilization policy which prescribes the determination of main touring routes that emphasize the significance of the locality and the region, and structures appealing to tourism and revitalizing that period should be built along this route.

According to the research results by Eurobarometer which is an institution that investigates tourist profiles, reasons and activities that promote traveling of tourists in Europe; the visitors in the age group 10-15 and above 50 have the tendency of visiting cultural attractions. The factor of age for the ones who tend to participate in cultural tourism is significant in terms of the culture-education relationship. Transfer of knowledge and culture is done through training. The transfer of culture that is a social function of education is also considered to be a social function to maintain continuity of societies. The transfer of the culture of society to young generations that need to be educated preserves the nationality of the culture and maintains its permanence.

It has great worth that the youth that is at the process of education sees the fronts in their locality with an awareness of history and that they participate to the activities organized there in order to attain an identity that gives worth to national values and transfers these values to future generations. While visiting the fronts, the students will develop the spirit of National Struggle and the importance of peace will be emphasized through activities that simulate history and gives training.

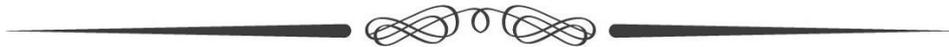
Places of attraction should be developed for education, games, sportive and visual activities. Sports facilities that symbolize peaceful struggle should be emphasized including the building of foot ways and biking roads, and mountain trekking in the context of traveling for peace and nature should be encouraged while generating sportive activities such as golf tourism, parachute jumping, strategy games where shields are used.

There should be opportunities for setting up cafes and restaurants for having a view of the landscape, there should be places where cultural and art programs may be organized including cuisine, hand crafting, etc. Miniatures symbolizing the tools used in war and scale models including the reduced form of the national park should be displayed.

A regional project must be held including the combat areas. Necessary cooperation should be established among the institutions so that, which have great significance for our recent history, are evaluated as a part of the cultural heritage and so that these are protected and renewed in order to revitalize the historical identity.

References

1. Cohen-Hattab, C., (2004) «Historical Research and Tourism Analysis: The Case of the Tourist-Historic City of Jerusalem», *Tourism Geographies*, Vol. 6, No. 3, pp. 279-302, August.
2. Garrod, B. and Fyall, A. (2000) «Managing Heritage Tourism», *Annals of Tourism Research*, Vol. 27, No. 3, pp. 682-708.
3. WTO (2005) «City Tourism & Culture, The European Experience», Published and Printed by the World Tourism Organization, A Report of the Research Group of the European Travel Commission and of the World Tourism Organization, Spain.

BBSR-2016 Conference Proceedings
Volume 5. Belarusian and Ukrainian studies

Editors: *Anita Neretniece and Ēriks Sondors*

Publisher: *SIA «Baltic Erlander Institute», Riga, 2016*

ISBN 978-9984-45-985-5

All papers of this book were reviewed by two independent reviewers.
No English-language editing and proofreading was done either by the publisher or
by the editors, so the quality of language of papers is under the authors' responsibility.